

ЕКАТЕРИНА
БАКУЛИНА

Торячее сердце
МЕРТВЫЙ СТРАЖ

Annotation

Меня зовут Тиаль-Рин Найрах, я дочь одного из Высоких лордов Сайторина.

На мою сестру Айни-Рин пал жребий, она должна стать наложницей Черного Дракона. Эту дань Сайторин платит уже десять лет, после Войны Огненных Лепестков.

Но Айни слишком юна и невинна, она не готова к таким испытаниям, и я слишком люблю ее. Я притворюсь ею и отправлюсь в Цитадель сама. Мертвый каменный страж императора уже пришел за мной, стоит на пороге.

Категории: красавица и чудовище, решительная героиня, заколдованный герой, приключенческое фэнтези, любовное фэнтези
Горячее сердце, мертвый страж.

-
- [Горячее сердце, мертвый страж](#)
-

Горячее сердце, мертвый страж

Екатерина Бакулина

1.

Выбор мертвого стража

У него нет имени. Он посланник Черного Дракона, личный страж и верный воин.

Одна половина лица отливает холодной гладкой сталью, другая — словно потрескавшаяся на солнце грязь, серая, в паутине мелких трещин. Один глаз — бескровный дымный опал и сверкающий изумруд радужки. Второй — мутновато-желтый, весь в лопнувших капиллярах, но живой. И я даже не знаю, на какую половину его лица страшнее смотреть, ту, которая уже давно стала мертвой, или ту, что застряла на полпути.

Он — чудовище. Противоестественное, мертвое, он куда больше голем, чем человек.

Он пришел за моей сестрой.

Его взгляд скользит по мне и по Айни, оценивая.

— Нет! Нет-нет-нет-нет... — говорит Айни шепотом, ее голос дрожит. — Я не пойду с ним! Я скорее умру!

В ее глазах стоят слезы, она держится из последних сил.

Сверкающий изумруд обращается к ней, пронзает насквозь. Но страж молчит.

— Он всего лишь охрана, — так же шепотом говорю ей я, и даже тише. — Он не сделает тебе ничего плохого.

— Я боюсь его!

Губы моей сестры отчаянно дрожат.

А у меня такое странное чувство, словно я видела этого стража раньше. Но ведь увидев — я бы запомнила, такое сложно забыть. Что-то едва уловимое... я пытаюсь понять.

Отец стоит совсем белый, с застывшим лицом, сам похожий на камень. Еще немного, и он потеряет любимую дочь навсегда, но выбора нет. Сайторин проиграл эту войну почти десять лет назад и теперь обязан платить.

Наместник Сайторина услужливо улыбается, кланяясь.

— Сайторин приготовил дары императору, милорд!

Рядом стоят сундуки с золотом, алмазы из Дакайских копий, красная пряность лиу-тинг и юная дочь лорда Иргато Найраха. Отец сжимает зубы, так же кланяется стражу.

А страж желает увидеть все сам. Он подходит ближе, открывает сундуки, запускает пальцы в алмазы, разглядывает. Его серое лицо ничего не выражает, я не могу понять, доволен ли он.

Страж кивает. И делает шаг к нам.

— Какая из них? — глухо говорит он. Его низкий голос пугает, заставляет дрожать... и завораживает нечеловеческой глубиной.

Вообще-то, меня не должно здесь быть, но Айни так боялась, что я решилась на это своеволие, а потом было слишком поздно, чтобы меня прогнать.

— Айни-Рин, — говорит отец.

Айни должна бы сделать шаг вперед, но я вижу, как у нее подкашиваются ноги, она не может.

Тогда я делаю шаг назад, оставляя ее впереди.

Айни затравленно оглядывается на меня, прижимает руки к груди.

Страж приближается.

— Почему эта? — спрашивает равнодушно. — Они ведь обе ваши дочери?

— Обе, — говорит отец.

— Айни-Рин моложе, — кланяясь, говорит наместник, — и красивее. Вы сами можете оценить, милорд. Мы хотим предложить императору только самое лучшее. К тому же, она невинна, послушна и умеет все, что положено уметь хорошей жене.

Мне кажется, или губы стража действительно чуть заметно кривятся в усмешке, а я-то думала, он не испытывает эмоций.

— Императору не нужна новая жена, — говорит он. — Ему нужно совсем другое.

Щеки Айни вспыхивают алым.

Ее заметно трясет.

— Невинность — сомнительное достоинство, — говорит страж еще. — Если она будет так же трястись в присутствии императора, то не сможет сделать то, что от нее требуется. Что же в этом хорошего?

Говорит это так, словно... я ведь знаю, что требуется от моей сестры. Но сейчас в его словах видится что-то свое, словно издевка. Я знаю, что официально девушка считается наложницей, но ведь не ради любовных ласк затевается это.

Страж разглядывает мою сестру. Так близко, словно обнюхивает. Слишком близко. Мне кажется, Айни сейчас упадет в обморок.

— Она привыкнет, — говорит наместник так, словно это его последний шанс заслужить милость. — У нее сильный дар, милорд, Страж бросает на него быстрый взгляд.

— Хм, — говорит он тихо, берет Айни за подбородок правой рукой, приподнимает к себе. — Ты боишься меня?

По ее щекам текут слезы. Она не выдерживает, зажмуривается, губы дрожат. Еще немного, и дернется прочь. Но пока воспитание и страх держат ее, она старается. Она послушная дочь.

Какое-то время страж смотрит, словно изучая. Потом отпускает. Айни чуть не падает без сил, отступает, покачнувшись.

На ее подбородке остается бордовая капля крови, немного смазанная. И капля на пальцах стража. Он смотрит на эту кровь, растирает, потом просто вытирает об себя.

— Дар действительно хорош, — говорит он. — Но слабый контроль.

Айни всхлипывает.

Меня тоже трясет, но от злости. Какое право он имеет так издеваться над ней?! Это недостойно! Она еще не может защититься в полной мере.

— Вам не нравится, милорд? — наместник искренне озабочен и готов услужить. У него свои представления справедливости.

— А вторая? — говорит страж. — Что с ней не так?

Страж подходит ко мне, остановившись в полушаге. И теперь уже заглядывает мне в глаза. Так близко, что я чувствую его запах — железа и раскаленного камня. Совсем нечеловеческий.

И я упрямо смотрю на него, не отводя взгляд. Но когда он протягивает руку, желая коснуться меня, я отстраняюсь, отступаю. Я не боюсь, но мне неприятно, передергивает, когда ко мне тянется

серая, потрескавшаяся рука. Это скорее отвращение, чем страх. Я чувствую смерть, притаившуюся где-то там, этот человек и не жив, и не мертв окончательно, и это... так неправильно... до дрожи.

Его левая рука в перчатке. Мне все кажется, с левой рукой что-то не так, черный узел магии стянулся у ладони.

— Вы же видите, милорд, — чуть резковато говорит наместник, мной он недоволен. — В ней никакого почтения. Она явилась сюда, хотя ее никто не звал, не пожелала уйти. А теперь ведет себя... так! Она не достойна этой чести.

Меня бы выгнали сразу, но побоялись устраивать скандал перед лицом посланника императора. Отец скорее отдаст и меня заодно, чем опустится до семейных разборок в присутствии чужих, это недостойно высоких риней.

Раньше посланнику предлагали всех молодых девушек Дома на выбор, теперь решение принимается заранее. Сейчас решает моей отец.

— Чести? — глухо говорит страж, его лицо все так же ничего не выражает, но я слышу иронию в его голосе. — Вы преданный слуга императора, наместник?

— Да, несомненно.

— У вас есть дочери, наместник? Вы бы с радостью отдали одну из них? Сомневаюсь, что с радостью. Так что, давайте, оставим разговоры о чести. Хочу знать только, на чем основан ваш выбор.

— Я помолвлена, — отвечаю раньше, чем наместник успевает сделать это за меня. Я не хочу лжи, а правды он сейчас не скажет.

Страж заинтересованно приподнимает бровь. Хотя, на самом деле, бровей у него нет, ни волос, ни ресниц, но это движение отлично читается.

— Весомый аргумент, — соглашается он. — И кто же твой избранник?

Я вижу, как лицо наместника бледнеет, он хочет остановить меня. Но я не вижу смысла скрывать.

— Маро Хакнил, — говорю я, глядя прямо стражу в глаза. В его живой, покрасневший мутноватый глаз. Почти с вызовом.

И страж ухмыляется. Такая неприятная, неестественно кривая ухмылка, на разных половинах лица уголки рта расходятся в стороны

совершенно по-разному, словно два разных человека сшиты в одно целое. До дрожи.

Он ухмыляется, а глаза остаются холодны.

— Ваш сын, наместник? — говорит страж. — Значит, вы решили принять это удар на себя?

Не ирония даже, а едкий сарказм.

— Это вопрос еще не решен, — испуганно говорит наместник и почти пригибается под взглядом моего отца, съеживается, разом пожалев о своих словах.

— Не решен? — тихо говорит мой отец, но так, что даже у меня сердце в пятки уходит. — Что это значит?

Наместник белеет окончательно. Он обычный человек, с едва заметной каплей дара, все его влияние и власть опираются лишь на величие и волю императора, который возвысил его. Власть моего отца опирается на личную силу ринай, Зеленого лорда Сайторина.

— Я всего лишь хочу сказать, лорд Найрах, что буду счастлив породниться с вашим Домом в любом случае. Если будет решено, что леди Тиаль-Рин отправится в Цитадель, то мой сын с радостью возьмет в жены другую вашу дочь. Я уверен, он отлично поладит с Айни-Рин. И если милорд посланник так решит...

— Хватит, — останавливает его страж. — Я не стану мешать семейному счастью и вмешиваться. Этот выбор за лордом Найрахом, как он решил, так и будет. На рассвете мы отправляемся.

Я вижу, как его взгляд скользит по мне... мои руки... взгляд останавливается на кольце на моем пальце. И в уголках губ стража мелькает кривая ухмылка.

2.

Женщины Сайторина не плачут

Айни рыдала в подушку уже второй час.

У меня у самой сердце разрывалось. Это несправедливо.

Но мы должны быть сильными. Женщины Сайторина не плачут, они сражаются наравне с мужчинами. Наша мать никогда не плакала и никогда не отступала, не показывала страха и слабости. Она погибла,

сражаясь за Сайторин. Мне не раз говорили, что я похожа на нее. Я должна быть такой же, как она.

И Айни похожа.

У нас нет выбора. Мы должны с честью исполнить свой долг. Мы не такие, как дикие, обуреваемые страстями тхай.

Я понимала, как страшно Айни — она должна навсегда уехать из дома, одна, вокруг нее будут только чужие дикие люди, ненавидящие нас. И все, что она говорила сейчас — нашептывал страх перед ее судьбой. Она еще почти ребенок.

Айни почти справилась с собой, но этот страж... Он внушал моей сестре куда больший ужас, чем сам император. Возможно потому, что страж здесь рядом, а император где-то далеко. Возможно потому, что она видела настоящих тхаев только в детстве, а сейчас пришлось столкнуться лицом к лицу, Айни оказалась не готова.

— Он убьет меня! — ее губы дрожали. — Ти, ты не понимаешь! Он чудовище! Разве не чувствуешь, как он тянет силу из нас? Когда он дотронулся, я чуть не умерла. Я чувствовала, как жизнь вытекает из меня!

Страж тянет жизнь. Ему нужна наша жизненная сила, он питается ей, как и многие тхайские маги, чтобы поддерживать хоть какое-то подобие жизни в себе. Чудовище, я согласна, но...

— Он должен доставить тебя императору живой и невредимой, — сказала я. — Он ничего не сделает. Не может. Иначе бы император не доверял ему.

— Нет! Я чувствую! Это ложь! Ему плевать на службу императору, он же тхай! Для них долг это пустой звук!

Я не знала, как успокоить. Понимала, что если не страж сейчас, то император потом может убить ее. Выпить все силы. Нам говорят, что это только на год, потом можно вернуться домой, исполнив свой долг. Но из всех девушек Сайторина вернулась домой только одна, постаревшая за этот год словно на полсотни лет. Нам говорят — остальные не захотели, они вышли замуж или удачно устроились в Тхарисе, а эта виновата сама... но что если с моей сестрой будет то же самое?

Я понимала, для чего на самом деле мы нужны Императору, и вовсе не для любовных утех, что бы там ни говорилось. Ему нужна наша сила. Я слышала, Император давно мертв и то, что еще держит

его в этом мире — это наш свет. Бесконечная и не жизнь, и не смерть. Я слышала, император юн и прекрасен... все может быть, во время войны он был совсем мальчишкой, а такие как он, могут жить долго. Но тогда, на поле близ Хорты, ему пришлось отдать свою жизнь за победу, он не мог отступить.

Сейчас мы отдаем свой свет за поражение в войне.

Да, мы нужны... Это жестоко, но такова цена.

До сегодняшнего дня Айни еще держалась, старалась быть сильной, но встреча с посланником оказалась последней каплей. Я тоже видела тьму, которая в нем.

Тьма и смерть Тхариса против жизни и света Сайторина.

Снова поймала себя на том, что дергаю на пальце кольцо. Не могу точно сказать, откуда оно у меня, кажется, появилось после штурма Ойта. Меня серьезно ранили тогда, и я мало помню... Кто-то, кажется из людей отца, отдал кольцо в суматохе, пытаюсь меня, ребенка, защитить. И только это спасло мне жизнь, в кольце невероятный по силе щит. Отдал и не забрал больше, кольцо осталось со мной. Возможно, его убили, тогда умерли многие...

— Хочешь, я отдам кольцо тебе? — предложила я. Спасло меня, может быть, и Айни поможет.

Но она вздрогнула, даже чуть назад подалась, словно я предлагаю ей ядовитую змею.

— Это тхайское кольцо! Я не возьму его.

Тхайское. Но защита есть защита. После войны, да и до этого тоже не редкостью было, когда артефакты одинаково успешно использовались обеими сторонами. Источник имеет значение лишь тогда, когда сила пробуждается магией. А щит — пассивен, он просто есть и охраняет владельца, что бы ни случилось. Щиту все равно кто ты.

— Кольцо не даст причинить тебе вред, — сказала я.

Айни покачала головой.

— Тхайское кольцо не защитит от тхайской магии! Это чудовище убьет меня, а потом скажет, что я сбежала!

— Не говори глупости, — фыркнула я. — Если бы страж был способен на предательство, император не отправил бы его за тобой.

Воспользоваться Айни в своих целях, значит предать. Он тхай, да... но мертвые не предают.

— Глупости?! — Айни вдруг всхлипнула, вскинулась. — Тебе легко говорить! Ты останешься дома, выйдешь замуж за сына наместника! У тебя будет нормальная жизнь и нормальная семья! А я должна отправиться туда! Как можешь ты говорить мне, что бояться нечего?! Я умру там!

Она рыдала.

И я не знала, как утешить ее. Мне было больно, я чувствовала свою вину, ведь я действительно остаюсь в безопасности. Но сделать ничего не могла.

Это не мой выбор.

Я говорила с отцом.

— Почему не я?

Он нахмурился. Он давно уже мрачный и хмурый, после смерти матери я почти не видела, чтобы он улыбался. Но с тех пор, как стало известно о жребии, который пал нас, отец сам не свой.

— У меня нет сыновей, — сказал он. — Кто-то из вас двоих должен продолжить наш род. Ты старше, сильнее, ты куда более готова к тому, что однажды вся ответственность ляжет на твои плечи.

Я видела, ему тяжело говорить. Он сидел в кресле напротив, он смотрел на меня, и в то же время сквозь меня, не в глаза. Он еще молод, на самом деле. Для таких, как мы, обладающих силой, он достаточно молод, чтобы взять новую жену и родить еще сыновей, дожидаться, пока они станут мужчинами. Чтобы успеть научить их всему. Но он не хотел.

Что-то сломалось в нем после войны. После того штурма. После смерти мамы. Были причины.

Я понимала, что не могу подвести его, и в то же время...

— Но Айни еще совсем ребенок!

Ей едва семнадцать!

Быстрый взгляд на меня, и небесно-голубые глаза отца темнеют.

— Есть вещи, с которыми Айни справится лучше, — сказал он. — В том числе общение с мужчинами. Ти, пойми... это не потому, что ты что-то делаешь неправильно, просто Айни... вот такая. Она умеет это, умеет нравиться, правильно улыбаться, строить глазки. Ей будет куда легче завоевать благосклонность императора, проще найти свое место

при дворе. Дело не только в силе. Конечно, ей будет нелегко, но она сможет извлечь выгоду из этой поездки.

Мне даже не по себе стало. Так же нельзя! О какой выгоде он говорит, если Айни может умереть!

— Но как же она будет там одна?! А если она умрет там?! Если из нее вытянут все силы досуха?!

— Не верь этим сказкам, Ти, — сурово сказал отец. — Ты нужна мне здесь.

— А если она не справится? Если погибнет?

— Ты так же можешь погибнуть. Но у твоей сестры тут куда больше шансов на успех. Однажды тебе самой придется принимать решения, Ти, и ты должна понимать: выбирать нужно не того, кто тебе больше нравится, не того, за кого ты больше переживаешь или на кого наплевать. Выбирать всегда нужно того, у кого больше шансов справиться.

Отец был непреклонен.

Обычно я всегда слушала и доверяла ему, но не сегодня, когда дело касалось моей сестры. Я старше ее всего на три года, но я была ей почти матерью все это время. Нам обеим нужна была мать, но... я делала для нее все, что в моих силах. Я заботилась о ней, любила ее и не могла позволить, чтобы сейчас с ней обошлись так!

Айни рыдала.

Ей было страшно, и я отлично могла этот страх понять.

Еще вчера я почти уговорила себя, что отец прав, и даже если это серьезное испытание, то Айни справится и все будет хорошо. Она сильная. Она истинная ринай Сайторина, у нее яркий дар.

Но сейчас, когда страж пришел за ней, и я вижу, как ей тяжело сопротивляться его силе — я боюсь за сестру. Если даже страж может с такой легкостью тянуть силу из нее, что тогда будет, когда рядом окажется император? Император куда сильнее, куда более умелый в таких вещах. Императору нужен ее дар.

Я не отдам Айни! Не позволю причинить ей вред.

— Я переоденусь в твою одежду, и притворюсь тобой, а ты спрячешься, — сказала я. — И хватит реветь.

Мой обман

Я должна была выйти во двор и вскочить на лошадь как можно позже, но еще до того, как меня станут искать.

Мы с Айни очень похожи. Одного роста, одного телосложения, у нас одинаково светлые волосы и голубые глаза. Мы обе пошли в мать, похожи на нее, как две капли воды. Посторонние люди нередко путали нас, даже наместник мог спутать, особенно пока мы молчим. Я надеялась, что страж не увидит подвоха. И даже если заметит... Он ведь сам дал понять, что не так уж важно, какая из нас поедет в Цитадель и решение за отцом.

Я не боялась стража сейчас, но боялась отца. И даже «боялась» — не совсем то. Я боялась, что он меня остановит, что не позволит. Не его гнева, а, наверно, разочаровать и причинить ему боль своим решением. Он рассчитывал на меня, а я...

То, что я делала — непозволительно, это противоречит всему.

Но и иначе поступить не могла.

Я не отпущу туда Айни.

Утром она вышла, попрощалась со всеми, обняла отца. Все было готово в дорогу.

Айни уже накинула дорожный плащ и почти собиралась запрыгнуть в седло, когда вспомнила, что забыла кое-что важное. Побежала забирать.

А вместо нее вернулась я. В том же плаще, так же одетая, с капюшоном на голове.

Я старалась поменьше смотреть по сторонам и не привлекать внимания.

Быстро к лошади.

Страж ждал меня, повозки с дарами императору готовы. Я вскочила верхом. Все прощания позади, даже если я сама не смогу проститься. Только почти не поворачивая головы, махнула отцу.

Все. Пути назад нет.

— Кавьяр! — окликнул он. — Ты отвечаешь за нее!

— Да, милорд, — отозвался страж. Послушно. Его задача — позаботиться обо мне в пути.

«Кавьяр»? Мне кажется, я слышала уже это... имя? А мне казалось, у него не может быть имени... Что-то со времен войны... что-то нехорошее. Еще немного, и я вспомню. Но это значит, отец знал его раньше?

Поздно спрашивать. Сейчас для меня важно другое. Нужно выехать из дома и уехать как можно дальше, прежде чем мой обман раскроют.

Я пнула лошадь в бока, поторапливая.

* * *

— Если вы устали, миледи, мы можем остановиться и отдохнуть.

Страж придержал своего огромного рыжего коня и теперь ехал вровень со мной.

Мы больше четырех часов в пути, и за это время он не проронил ни слова. По Фертинскому тракту, встречные путники расступались, видя нас, обходили стороной. Жители Сайторина не хотели встречаться с мертвыми.

Я сама старалась поменьше смотреть встречным в глаза. Некоторые из них кривились, считая, что лучше умереть, чем так. Некоторые считали ту давнюю сделку с императором позором, Сайторин не должен отдавать своих женщин. Но у нас не было выбора. Простые люди часто слишком категоричны и легко забывают, за что пришлось заплатить такую цену...

— Я не устала.

— Вы планируете ехать весь день?

— Я бы хотела добраться до места как можно скорее.

Даже не косые взгляды пугали меня.

Я не хочу оглядываться и трястись, что нас решат догнать, а меня вернуть. Мой обман уже давно раскрыли дома, вопрос лишь в том, как отнесется к этому отец. Захочет ли он вернуть меня и настоять на своем, или примет мой выбор?

Примет, скорее всего. Потому что признать перед всеми, что я послушалась его, что сбежала по собственной воле — недопустимо.

Страж поглядывал чуть искоса.

— Желаете скорее увидеть императора? — легкая ирония в его голосе.

— Скорее покончить с ожиданием и неизвестностью.

— Вы боитесь этой встречи?

Айни точно боялась. Но сейчас уже, наверно, не важно.

Боюсь ли я Черного Дракона? Пока у меня слишком много других насущных забот.

— Скажите честно, что ждет меня?

— А как вы думаете, миледи?

— Я не хочу угадывать, я хочу знать, — сказала я и пожалела. Айни бы не решилась так требовать, и этим я могу раньше времени выдать себя. Если уже не выдала.

Страж тихо фыркнул.

— Императору нужна ваша сила, леди Найрах. Но силу нельзя тянуть бесконечно. Вы проведете в Цитадели год, до приезда новой девушки из Сайторина, после чего будете свободны. Что делать дальше, решать вам. Кто-то возвращается домой, но большинство остаются при дворе. За год рядом с императором несложно завести полезные знакомства.

«Она умеет нравиться, правильно улыбаться...» Отец говорил именно об этом. Айни всегда умела ладить с людьми.

Но я видела и другое.

— А как же Юта? Ютиль Шиарах?

Юта вернулась седая, сморщенная, сгорбленная, с трясущимися руками. У нее помутился разум, она даже свою мать узнавала с трудом. Мы с ней почти ровесницы, я помнила ее... и видеть такой — было невыносимо больно.

Со мной будет так же? Или я просто умру?

— Если вы не будете вмешиваться в политику, как Ютиль, миледи, — сказал страж, — то вам нечего бояться.

— Хотите сказать, она сама виновата?

Я не поверю.

— Именно так.

Спокойно и равнодушно.

— И что она сделала?

— Боюсь, я не могу говорить об этом.

Не поверю, пока не увижу своими глазами других, счастливых девушек Сайторина, оставшихся в Цитадели. Что бы страж ни говорили сейчас, я не поверю. Все разом отреклись от своего дома?

— Неужели за столько лет больше ни одна не пожелала вернуться? Все они предпочли забыть о доме, семье, своем народе?

Страж сморщился, словно от кислого.

— А как бы приняла семья женщину, которая год провела в постели с императором Тхариса? — спросил он. — И даже не семья, общество? Приняли бы ее назад? Какое будущее ждало бы ее дома?

«Лучше умереть, чем лечь в постель к узурпатору». Дочери Сайторина — это свет, на их чести не может быть пятен. Да, я тоже слышала это. Никто больше не ждал, что я вернусь. Что вернется Айни. Проводы — словно похороны.

Даже отец не ждал. Вместо брака с сыном наместника... что? Одиночество?

* * *

— Берите лепешки, — он подошел, протянул мне. — Пока свежие, они вкуснее.

Едва заметно улыбнулся, так буднично. Я вдруг поймала себя на том, что меня совсем не пугает его чудовищное лицо, и даже его неживой изумрудный глаз. Он просто такой...

— Спасибо, я не хочу.

Страж пожал плечами.

— Не любите?

Сел рядом.

Ищет повод поговорить?

Он понимает, кто я?

— Просто не хочется, — я не знала, что сказать. Устала, сил нет. Так плохо, что даже есть не могу. Усталость и нервы.

Поковыряла рагу в миске.

Никогда раньше не приходилось весь день проводить в седле. Я любила конные прогулки, но не до такой степени, как оказалось. Вечером, после целого дня в пути, едва сползла с лошади, едва не упала, у меня болело все: и ноги, и спина, и даже шея.

Страж отломил крошечный кусочек от края лепешки, размял пальцами, задумчиво. Поднес к лицу, втянул носом запах, даже чуть прикрыв глаза. Ему нравилось что-то в этом... запах еды? Но пробовать не стал, только бросил в сторону. Чуть заметно вздохнул.

Для меня приготовили рагу с мясом, сопровождавшие нас солдаты сейчас тоже ужинали, сидя у костра. Накормили лошадей. Императорский посланник единственный, кто ничего не ел.

— А вам еда не нужна? — спросила я. Не знаю, может быть не стоит так прямо, но нам еще две недели ехать...

— Уже нет, — сказал он. — Не нужно. А вам стоит поесть, на одной магии вы долго не продержитесь.

Без нажима, просто как факт. И поесть мне действительно стоит.

Я качнула головой.

— Невкусно? — спросил он еще. Очень искренне.

— Да нет, вкусно, — честно сказала я. Но еще немного и я свалюсь и усну. Или не усну, потому что мне тоже страшно. Только жаловаться ему, конечно, не стоит.

— Спина болит? — спросил он. Достал фляжку, вытащил пробку и протянул мне. — Возьмите. Завтра, все же, сделаем дневную остановку, так не годится.

— Что это?

— Настойка белого корня и чего-то там еще, заговоренная. Поможет уменьшить боль и восстановить силы. Вы только много не пейте, вам одного глотка хватит. Настойка очень концентрированная. Да берите, не стесняйтесь, нам завтра еще ехать. Как вы поедете с больной спиной?

Хорошо, глупо отказываться. Вряд ли он хочет отравить меня.

Его левая рука в перчатке, правой он вытаскивал пробку, а левой передал. Я случайно дотронулась, и словно укололо. Чужая магия... или не совсем чужая... Если присмотреться — на этом страже магия в несколько слоев, такая разная...

Я осторожно понюхала — настойка пахла травами.

— А если выпить слишком много? — спросила я.

Страж пожал плечами.

— Последствий не будет, — сказал он. — Не вы первая... Но если выпить много сразу, то может быть головокружение и тошнота, состояние похоже на опьянение крепким вином, и головная боль на

утро. Потом ничего особенного, все пройдет. Не бойтесь, это не убьет вас.

— Я не боюсь.

Это не то, чего стоит бояться.

Приложила к губам. Сначала осторожно, едва касаясь, пробуя на вкус. Густая жидкость, почти вязкая, сладости и горечи пополам, и пряные травы.

Страж наблюдал за мной, но очень спокойно.

Тогда я сделала глоток. И обожгло горло, так что дыхание перехватило. Я закашляла от неожиданности, чуть не выронила фляжку. Страж забрал у меня.

— Осторожней. Сейчас пройдет, — сказал он.

Слезы выступили, но действительно прошло и так приятно потеплело внутри.

— Это у вас для таких случаев? — спросила я.

— Нет, это для меня, — он приложил к губам, сам сделал пару глотков. — Есть я уже не могу, но пока могу пить.

Криво ухмыльнулся, потом вздохнул. Заткнул пробку обратно, убрал фляжку.

— Отдыхайте, миледи.

Он поднялся на ноги.

Я вдруг подумала...

— Подождите, — остановила его. — Когда мы уезжали, отец назвал вас «Кавьяр», если не ошибаюсь?

Он замер на мгновение, потом кивнул.

— Да. А вы не знаете, кто я? Мне казалось, вы должны помнить, по крайней мере имя. Айхену... Эйх Кавьяр. Ваш отец меня сразу узнал. Мне казалось, ваша сестра боится именно поэтому.

— Я...

Имя крутилось на языке, но я никак не могла понять. Что-то страшное... и в то же время... Я должна помнить? Это значит, мы встречались раньше? Такого, как он, сложно забыть. Или тогда он был обычным человеком? Во время войны? Десять лет назад?

— Сейчас это уже не важно, леди Тиаль, — сказал он. — Может, и к лучшему, что вы не можете вспомнить.

4.

Сбежавшая невеста

— Почему вы сделали это, леди Тиаль?

— Что?

Мы ехали рядом, он поглядывал на меня, но очень долго не пытался начать разговор.

Сегодня мне намного лучше, за ночь отлично выпалась, даже спина не болит, возможно, действительно волшебная настойка помогла. Я-то думала — от этих переживаний совсем не усну.

А страж знает, кто я. И я отлично понимаю о чем он, но все же...

— Почему поехали со мной вместо сестры?

Я невольно замерла, даже дыхание затаила. Он знает, конечно, называет меня моим именем, но точно не против этого решения, иначе давно бы вернул меня домой.

— Мой долг — защищать мою сестру.

— Долг? — он удивился. — Вы поступили против воли отца. Мне казалось, это недопустимо.

Он прав.

— Я не могла позволить, чтобы с моей сестрой случилось что-то плохое.

— А с вами? Вы не боитесь, что плохое случится с вами?

Боюсь. Но когда опасность грозит тебе самой — с этим легче примириться, чем когда опасность грозит твоим близким. Я старше... Я с этим справлюсь как-нибудь. Даже если придется умереть. Пусть лучше я.

В этом нет никакого геройства, просто если Айни — это еще страшнее.

— Вы же сказали, мне нечего бояться, — ответила я.

Страж фыркнул. Он не торопясь ехал рядом, поглядывая на меня. Его крупный рыжий жеребец на ходу отщипнул листочки с куста у дороги. Весеннее солнце к обеду начинало припекать.

— Но ведь вы мне не верите, миледи.

— Не верю, — согласилась я. Стоит ли верить тхаю? — Вам не понять...

— Почему же?

Как я могу объяснить свою любовь к сестре?

— У вас есть семья? — спросила я.

— Была когда-то, — страж пожал плечами, ожидая продолжения.

Но я вдруг замаялась, оказалась не готова. Почему-то казалось, он скажет «нет».

Да, я понимаю, что когда-то он был человеком и у него должен был кто-то быть. Но, мне казалось, для такого, как он, это уже не имеет значение. Слишком давно. Мертвым не нужна семья, для них есть только их служение господину, их больше не связывают никакие узы, кроме долга.

Его семья?

Меня это сбило. Я хотела сказать о любви к близким, о...

— А что с ними стало? — спросила я вместо этого.

— Они умерли, — сказал страж.

— Давно?

— Перед войной, — сказал он.

Война закончилась десять лет назад, а началась... Когда войска Тхариса выступили на Сайторин? Тринадцать лет назад? Четырнадцать? Перед войной было слишком много приграничных стычек, так что сложно сказать, когда началось.

— В бою?

Глупый вопрос, пожалуй. Но мне всегда говорили, что для настоящего тхая — вся жизнь это битва, и нет большей радости, большей чести, чем погибнуть в бою.

Страж усмехнулся.

— Мой отец успел схватиться за оружие. И мой брат. Но моя беременная мать и мои сестры умерли, прячась в подвале.

Я повернулась к нему.

Он смотрел на меня, чуть склонив голову на бок. И моя растерянность, пожалуй, его забавляла. Я, конечно, давно не ребенок и все понимаю, но...

Никогда не думала о таких вещах.

— Хотите знать, миледи? — он говорил очень спокойно, и все же, где-то в глубине скользнула давняя злость, застывшая и привычная. — Мой отец был мелким лордом, у нас был небольшой кусок земли у границы, моего деда когда-то наградили за службу. Отец воевал только в ранней юности, совсем немного, когда император призвал его. Потом

вернулся, завел семью и с тех пор занимался только хозяйством. У нас были овцы, яблоневоы сады, мать делала сидр, лучший в округе... — страж тихо скрипнул зубами. — Когда-то эта земля принадлежала Сайторину, на границе многие земли постоянно переходят то одной, то другой стороне. И однажды жители Сайторина решили вернуть свое. Я пас овец с другими мальчишками на дальних пастбищах... увидел столб дыма. Когда смог добежать — было уже поздно. От моего дома не осталось ничего.

Его голос сухой, мало передающий чувства, с тихим скрежетом где-то в глубине.

Он вдруг отвернулся, кадык дернулся... Я видела вдох-выдох. Он пытался справиться с собой. Потом повернулся снова. Его серое каменное лицо почти ничего не выражало, живой глаз чуть прикрыт, каменный — тускло поблескивает.

Я вдруг подумала не к месту — он дышит, это очевидно. Не остаточная привычка, дыхание еще сохранилось. Он может пить воду, даже если твердая пища уже не для него. Да, он не спит, сон уходит в первую очередь. Но это значит, этот процесс еще не завершен, еще немного жизни в нем. Каково это — быть живым и мертвым одновременно?

Четырнадцать лет назад он был обычным мальчишкой и пас овец. Немного дико...

— Вы ненавидите Сайторин? — тихо сказала я.

Мне говорили — ненависть становится для тхаев смыслом жизни.

Он качнул головой.

— Мы жили на границе, — сказал ровно. — Однажды это должно было случиться. Я хотел сказать — я знаю, что такое терять близких. Вы любите свою сестру?

Да.

Я чуть кивнула.

Почему-то сказать так прямо вслух у меня не выходило, язык не поворачивался. Мне всегда говорили, что нельзя поддаваться эмоциям — это большое зло, говорили о долге, о том, что долг и честь превыше всего. Дороже жизни. А я пошла против воли отца... Я поступила недостойно?

— А ваш жених? — спросил страж. — Вы должны были выйти замуж.

Недостойно.

У меня нет братьев. Отец рассчитывал на меня, думал, что я смогу продолжить род, передать своим детям дар ринай и все, что я знаю. Он учил меня как сына... Справится ли Айни?

— Мой жених найдет себе другую невесту.

Маро — хороший парень. Я была вовсе не против нашей свадьбы, и дело не только в покорности. Он нравился мне, уверена, он стал бы хорошим мужем и хорошим отцом. Веселый, добрый, немного упрямый и слишком горячий, пожалуй, но это пройдет с возрастом. Его отец, наместник, так мечтал породниться с высоким домом ринай. А Маро мечтал обо мне. Я знаю... он лазил ко мне в окна. Я... Говоря о невинности — наместник знал это. Но ведь Маро должен был стать моим мужем. Я не жалею.

— Мне кажется, ваш жених не хочет искать другую. Он едет за нами, — сказал страж.

— Что?

Я даже дернулась, оглянулась. Огляделась по сторонам.

Кругом поля, невысокий кустарник, сложно спрятаться.

Нет, не может быть такого.

— Он осторожен, — сказал страж, — но я видел его еще утром на рассвете, и потом. Едет за нами, стараясь не терять из виду, но и держаться в стороне.

— Зачем?

Мне не по себе стало.

Страж ухмыльнулся.

— Думаю, он не согласен с вашим решением. Хочет вернуть. Очевидно, вы ему не безразличны. Он едет один, и скорее всего, тоже поперек воли своего отца.

* * *

Мы останавливались на отдых в обед.

Я нервничала, оглядывалась. Я так и не видела Маро, но стражу верила — кто-то едет за нами. Зачем обманывать?

Кто-то хочет меня вернуть?

— Вы уверены, что это Маро? — спросила я.

— Да, — сказал страж. — Уверен.

— Но он ведь не сможет вернуть меня? Не заставит?

Если вернусь я, то в Цитадель придется отправиться моей сестре, отменить это никак нельзя.

— Он не сделает этого, — согласился страж. — Мы могли бы обсудить ваше возвращение, если бы он привез сюда вашу сестру, но он едет один. Просто увезти вас невозможно, я должен исполнить договор. А забрать силой — у молодого Хакнила не выйдет. Да и нападение на посланника навлекло бы императорский гнев на Сайторин.

Маро плевать на императорский гнев. Нет, он все понимает, но иногда эмоции берут верх, он еще мальчишка — горячий и несдержанный. Он слишком привык получать все, что захочет. К тому же, он наполовину тхарисец, пусть и выросший в Сайторине, но несдержанность у него в крови.

Я знала, что ему не понравится мое решение, но не ожидала такого. Я думала о сестре, и больше ни о чем. Подумать о Маро я не успела.

— А если Маро попытается? — осторожно спросила я. — Если попытается отобрать силой?

— Мне придется убить его, — сказал страж.

У меня сердце замерло.

— Нет...

— Вы беспокоитесь за него? — в голосе стража мелькнул интерес.

— Да, беспокоюсь. Маро хороший человек и не заслуживает смерти.

Пожалуй, сказать «люблю его» я бы не смогла, но Маро мне нравится, я знаю его много лет. Я бы не хотела, чтобы с ним случилось что-то плохое.

Но отлично понимаю, что временами он сам нарывается.

— Я не причиню ему вреда, если он не станет делать глупости, — сказал страж.

И все равно, я надеялась, что страж ошибся.

Или что Маро просто повернул и поехал домой, он все равно ничего не смог бы сделать, так к чему ехать за нами? Возможно, он убедился, что со стражем еду я и... кто знает.

За весь день мы больше не видели его.

Хотелось спросить — как страж понял, что я это я. Но, на самом деле, все очевидно для любого, обладающего даром. Свечение магии разное.

Я отвыкла думать об этом, в Сайторине после войны осталось слишком мало отмеченных даром. Мало тех, кто мог бы различить свечение. Да и сила ринай направлена немного иначе, мне нужно сделать усилие, чтобы увидеть. А вот для настоящего тхая все должно быть очевидно.

Думаю, он понял сразу. Но для него это не имело значения — одна дочь или другая.

Думаю, отец тоже все понял, и у него были свои причины молчать.

Эйх Кавьяр...

Я слышала это имя. Что-то со времен штурма Ойта... пыталась вспомнить... что-то такое, что вспоминать не хотелось, было очень тяжело. Враг. И все же... молодой офицер, пришедший с лордом Энаром... почти мальчишка, едва ли старше, чем я сейчас, пойти как Айни... глаза зеленые... «Ты убьешь меня?» — говорю я, мне страшно. «Если прикажут».

Или это моя фантазия? У многих тхаев зеленые глаза.

Сейчас не узнать его, от того мальчишки ничего не осталось. Сейчас — чудовище.

И магия лежит на нем в несколько слоев.

Самый верхний слой — тхайское заклинание, пробуждающее к жизни мертвый камень. Такое используют для поднятия каменных големов. Под ним — заклинание, обращающее в камень живое. Такое заклинание убивает, иногда сразу, иногда постепенно, когда человек день за днем превращается в каменную статую, мучительно. Одним заклинанием пытались скомпенсировать другое? Но ведь тогда проще было снять обращающее в камень, тем более, что они, кажется, имеют один источник.

Было бы странно, если бы не третье.

Под этими двумя еще одно, его уже почти не разглядеть. Но самое нижнее — ринайское, сложное, пустившее корни. И начальный очаг

поражения заклинания — левая ладонь, та, которая сейчас в перчатке.

Эти три заклинания противоречат друг другу и разрывают на части. Но только благодаря двум верхним, тхайским, этот человек все еще относительно жив. Изначальное, ринайское, должно было убить его, но оно не может убить мертвый камень.

Если закрыть глаза и сосредоточиться... мне кажется, я вижу худого рыжего парня, выставившего левую руку вперед, в попытке закрыться щитом. Но его собственных сил не хватает, удар слишком силен... и парня охватывает огнем.

Во время штурма?

Меня взяли в заложники тогда. Я знаю об этом, но почти не помню сама, это было слишком страшно, я едва не погибла... и погибла мама. Схватили меня, требовали, чтобы защитники Ойта сложили оружие. Угрожали убить меня, если не подчинятся. А этот человек... «Держи девчонку крепче! Тащи сюда!»

Или это был не он?

Лорда Энара, командующего тхайской армией, я помню отлично.

А того парня... не уверена.

Ну, и кроме этого — еще защитные руны поверх — усиление, броня и прочее, как у тхайриских воинов, но это привычно.

Сейчас он личный страж императора. За верную службу?

Кавьяр.

Я долго сидела у костра, до самой ночи. Все ждала — вдруг все же Маро решит появиться, не зря же он ехал за нами. Если, конечно, это он...

Но завтра утром снова в дорогу, и я пошла спать. Для меня поставили просторный шатер. Страж, как и в прошлую ночь, остался сидеть у шатра, охранять меня. Ему не нужен сон. Так чем же он занят всю ночь? Вчера ночью я выглядывала, он сидел неподвижно, глядя в небо. А под утро — я выглянула снова, но не увидела его, рядом не было... Сегодня...

Едва заснув, я проснулась от шороха, какой-то возни снаружи. Что-то происходило там.

Я прислушалась.

Словно что-то упало и сдавленное сопение потом. У меня замерло сердце.

Мигом выскочила.

В двух шагах от меня страж повалил кого-то лицом в землю, заломив руку за спину, прижав коленом.

— Маро! — вскрикнула я.

5.

Храбрый защитник

Маро выругался.

Страж не особенно церемонился с ним, очень ловко и быстро скрутил веревкой руки, потом сел на него сверху и принялся вязать ноги.

— Это не та! Ты что, не видишь?! — еще пытался дергаться Маро. — Ты увез не ту, тхайрская тварь!

— Я знаю.

Страж закончил, отвесил хороший подзатыльник, потом отпустил, поднявшись на ноги, вздернул за шкурку, заставляя Маро встать на колени. Но на коленях тот стоять не будет.

— Что ты себе позволяешь! Ты знаешь, кто я?

И тут же, извернувшись, уселся на попу, вытянув ноги, давая понять, что ни о какой покорности речи быть не может.

Я слегка испугалась — что страж ответит на это, но страж остался равнодушен.

— Тебе стоит быть осмотрительнее, — сказал он. — Оскорбление посланника при исполнении может быть расценено, как оскорбление императора. И твой отец тебе не поможет.

Маро зло зашипел.

— Я не боюсь! Ты обманом увез мою невесту, тварь! Я убью тебя!

Я испугалась.

Надо остановить это, пока не зашло слишком далеко.

— Маро! — подбежала, замерла рядом. — Что ты здесь делаешь?

Его ведь не убьют теперь? Насколько большой глупостью можно считать появление здесь и все эти слова? Слова особенно. Сам

наместник за такие слова мог бы и повесить.

Страж искоса глянул на меня, но не стал вмешиваться, наблюдая.

У Маро нос разбит, капелька крови вытекла, поползла к верхней губе. Вряд ли его били в лицо, просто приложили носом об землю, даже травинка застряла в волосах.

— Это не та! Разве ты не видишь? — еще раз попытался Маро. — Это Тиаль, а не Айни, ты увез не ту!

— Не надо, Маро, — попросила я. — Все правильно. Мы так решили...

— Он должен вернуть тебя назад! — Маро был не согласен. — Он не имеет права! Ты должна вернуться домой. Мы должны были пожениться, Ти! Что все это значит?!

Сейчас он был похож на обманутого и обиженного ребенка.

— Я сама поехала с ним, — сказала я. — Маро, не надо. Это было мое решение. Я не могла позволить, чтобы с Айни случилось такое, я слишком переживаю за нее!

— А как же я?

Да, обиженный ребенок.

— Маро...

— Я люблю тебя, Ти! Как ты могла поступить так со мной? Как мне быть теперь?

Я не знала, что сказать. Если выбирать между ним и моей сестрой, я без всяких сомнений выберу Айни. Я сделаю все для нее. А Маро... мне жаль.

— Ты найдешь себе другую невесту.

— Я не хочу другую. Ти, ты должна вернуться. Пока еще не поздно обменять тебя обратно, и отправить твою сестру, как и хотел твой отец.

Я глянула на стража. Он ведь должен сказать что-то? Или он решил предоставить разбираться с Маро мне? Страж поймал мой взгляд и чуть заметно пожал плечами. Так, словно: «это твой жених, вот и вразуми его». Если не вразумлю я, страж легко может убить его.

— Я не вернусь, Маро, — сказала твердо. — Поздно возвращаться. И я уже приняла решение.

— Должна была поехать Айни. Твой отец так решил.

Я хотела было ответить, но страж ответил за меня.

— Лорд Найхар знает и он согласен.

— Знает? — вот тут уже удивилась я.

— Да, — сказал страж. — Когда вы вышли, леди Тиаль, я спросил вашего отца, как поступить, видит ли он, что это не та девушка. Он кивнул. Видит. Сказал, что вас не остановить, и, может бы, так будет правильно. Если я не возражаю. Я не возражал.

— Вам все равно? — сказала я.

— По большей части, — согласился страж. — У меня приказ — привезти одну из вас в Цитадель. А какую — решаю не я.

По большей части? Так, словно доля личного интереса в этом все равно есть.

Если отец не остановил меня сразу — у него были причины... Было что-то еще, назревало... такое, о чем он не говорил с нами, никто не говорил вслух, но я все равно слышала о том, что невозможно платить эту дань вечно... И я... возможно, я или Айни — это имеет значение, мы похожи внешне, но очень разные.

Там, во дворе, отец мог бы сделать все тихо, не привлекая внимания. Просто взять меня под руку, увести и вывести Айни самостоятельно. Но он не сделал этого. Я... не знаю.

Маро подтянул ноги ближе к себе, весь подобрался, поняв уже, что ничего не выйдет.

— Я не вернусь, Маро, — сказала я, глядя на него. — Тебе не стоило ехать за нами.

— Я не могу тебя отпустить, — упрямо буркнул он.

Какой смысл в этом упрямстве?

И что теперь? Страж разглядывал Маро, чуть склонив голову на бок.

— Что вы с ним сделаете? — спросила я.

Страж качнул головой... он стоял, сложив на груди руки. Легкая ухмылка, чуть приподнятая бровь, заинтересованно и задумчиво. А ведь эмоции, как и дыхание — не остаточные фантомные, а самые настоящие, пусть и не слишком яркие. Эмоции еще остались.

И убивать точно не собирался, иначе не связывал бы руки, не предупреждал бы, что оскорбления неуместны. Каменные големы убивают без всяких предупреждений.

— Что ж... если он будет вести себя тихо и завтра так же тихо уедет домой, я отпущу его. Понимаю, что влюбленный мальчишка способен на не очень разумные поступки. К тому же, нападения не

было, он просто пытался пробраться в шатер. Будем считать, что хотел поговорить, — страж насмешливо фыркнул, чуть снисходительно. — Но ночь посидит связанный, это ему на пользу.

Маро насупился.

— Я не уеду без Ти!

А страж, кажется, даже не удивился.

— И как ты себе это представляешь? Думаешь, я отпущу леди Тиаль с тобой?

— Значит, я поеду с вами. За вами. Ты не можешь запретить мне ехать в ту же сторону.

— Хм... — страж потер подбородок. — И на что ты рассчитываешь?

Это чистое упрямство, я отлично знаю Маро. Он не отступит, он пойдет напролом, прошибая лбом стены.

— Ни на что. Я люблю ее и хочу быть рядом.

И все же... это лишь желание не отдавать свое.

6.

Рыбак и воин

— Упрямый парень, — страж кивнул на Маро.

Тот с независимым видом шагал за повозками, груженными дарами. Повозки двигались медленно, поспевать несложно, тем более, что солдаты из охраны обоза тоже шли пешком. Лошадь у Маро страж отобрал, сказал, что вернет только в том случае, если тот пообещает уехать домой и больше не появляться. Маро пытался кричать и доказывать, что страж не имеет права так поступать. На что страж только пожал плечами.

— Хочешь, попробуй отобрать, — сказал он. — Но я больше церемониться не стану и на любое проявление силы тоже отвечу силой. Схватишься за оружие — убью.

Маро возмущенно сопел, но делать ему было нечего.

Шел пешком.

Впрочем, оружие страж у него забирал тоже.

— Интересно, надолго его хватит, — сказала я.

Страж хмыкнул.

— Я бы поставил на то, что до вечера он продержится, но сбежит утром. У него нет никаких запасов еды с собой, только фляжка для воды. Я видел, как утром он доедал какие-то последние сухарики. А кормить я его не буду. Впрочем, если он решит уехать, то у него есть деньги, и может легко найти ужин в ближайшей деревне.

Да, я тоже видела. Утром, когда мы завтракали, Маро поглядывал с такой завистью... хотя тогда я не особенно задумывалась о голоде. Я видела, как он растирает затекшие ноги, потягивает, разминая спину. Полагаю, ночью Маро спал мало, со связанными руками хорошо не поспишь.

Но возвращаться домой не собирался.

Еще три дня нам до Ферта, а там морем до Тхариса, портового Джалин-Ши. И уже оттуда, вверх по реке, до императорской Цитадели. Я никогда не была так далеко от дома. И, кто знает, смогу ли увидеть Сайторин снова. Северный, островной Сайторин, где я родилась.

Я была почти уверена, что Маро дойдет с нами до Ферта, даже голодный. Он молодой крепкий парень, упрямство с лихвой перекрывает все лишения. Но вот покидать Сайторин вряд ли решится. В этом нет никакого смысла, потому что даже если у него хватит дури дойти до самой Цитадели, во дворец его никто не пустит. А меня не выпустят. Мы не увидимся больше. Какой смысл плыть за море ради нескольких дней рядом? И что ему делать потом?

И все же...

— А если Маро решит плыть с нами в Тхарис?

Сегодня страж постоянно держался рядом, не давая Маро ни единой возможности поговорить со мной наедине. Отчасти, я была даже рада, потому что не понимала, что могу Маро сказать. А слушать объяснения в любви...

— Я не стану ему мешать, — сказал страж. — К тому же, у побережья сейчас неспокойно. Если парень умеет держать оружие в руках, то лишние руки нам не помешают. Если, конечно, он решит драться на нашей стороне.

— Хотите сказать, на нас могут напасть?

— Могут. Два месяца назад я сопровождал караван по Южному Сайторину, от Илаты. Нам удалось отбиться просто чудом. Но часть артефактов, которые мы везли, оказались повреждены после

нападения. Эти люди притворялись обычными разбойниками, и ринайскую магию использовали не напрямую — обереги, заговоренные стрелы. Но, готов поклясться, за ними стоят Высокие Дома.

Очередная война? Я тоже слышала все эти разговоры о том, что так продолжаться не может. Пока говорили тихо, между собой, ничего не утверждая прямо, просто слухи... Но все к тому шло. Многие считали мирный договор позором.

И если дело дойдет до боевой магии, то я, скорее всего, смогу за себя постоять лучше, чем Айни. Меня еще мама учила, ее не успела.

— Как бы там ни было, — сказал страж, — но если на нас нападут, этот парень защищать вас, леди Тиаль, будет в любом случае.

* * *

Мы остановились у небольшой речки в обед, немного отдохнуть.

Костры не разводили, не собираемся стоять тут долго. Мне принесли немного холодного мяса, сыра и хлеба, перекусить, разбавленного вина.

Страж по-прежнему сидел рядом со мной, охраняя от ненужных разговоров, сам почти не пытаясь разговаривать со мной.

Маро... я видела, как он пил воду из реки, потом набрал во фляжку. Поздняя весна, даже деревья только-только распустились, ни ягод, ни грибов еще нет. Да и отбежать куда-нибудь к деревне не выходило — мы остановились в поле. Пешком, без лошади, Маро не успеть, да еще так, чтобы догнать нас снова и идти до вечера. Охотиться тоже времени нет, да и не с чем, оружие у него забрали, а крупниц магического дара для охоты ему тоже не хватало.

Пожалуй, я смогла бы сбить утку в кустах, при определенной удаче, чистой магией. Хотя магией портить добычу нехорошо, но все лучше, чем сидеть голодным. Маро не мог.

Я видела, как он долго ходил по берегу, приглядывался.

Там рыба в камышах.

— Милорд! — Маро повернулся к стражу. — Вы не могли бы ненадолго вернуть мне мой нож, я хочу сделать острогу.

— Ты умеешь острой ловить рыбу?

— Не пробовал. Но, думаю, тут ничего сложного. Нож я верну, если вы боитесь оставлять мне оружие.

Легкая ирония в голосе, чуть самодовольства. Так, словно страж действительно боится его.

— Хорошо, — страж достал и протянул ему свой. — Возьми этот. Но только давай договоримся, что первую рыбу, которую поймаете, ты отдашь в общий котел... для леди Тиаль. А что поймаете дальше — уже твое.

Маро нахмурился.

— У леди Тиаль и так есть все необходимое.

— Думаешь, не сможешь поймать больше одной?

Какое-то время Маро стоял, глядя на него, размышляя. Я видела, хотел было отказаться, послать... скрипнул зубами. И тихо выругался сквозь зубы.

— Хорошо, — сказал, наконец.

— Только поторопись, — сказал страж. — Мы здесь долго стоять не будем.

— Почему вы так с ним? — спросила я.

— То, что он делает — бессмысленно и глупо, по большому счету. И делает он это не для вас. Вам это ничего не даст, кроме лишних переживаний. А только для себя. Потому что хочет настоять на своем. Вот и пусть развлечется. А я посмотрю, надолго ли его хватит.

Острогу Маро не поскупился, вырезал на совесть. Тяжелую. Такой не то что мелкую рыбешку на мелководье, такой сома со дна подцепить можно.

Подумал, снял сапоги. У него невысокие, все равно через край переливать будет. Закатал штаны до колен.

Вода ледяная. Маро долго стоял у самого края, делая вид, что высматривает, где там побольше рыбы, но даже я отлично видела — ему не хочется заходить. Он только сейчас осознал, какая вода в речке и как сводит пальцы. Но и отступить уже некуда.

Первую пару шагов делал зажмурившись, закусив губу.

Если б мог — выскочил бы сразу, но за ним наблюдала не только я, но и весь тхариский обоз. По воде он шел без всякой осторожности,

шумно загребая воду ногами. Брызги в стороны. Если там и была рыба, то Маро ее распугал.

И едва ли не на бегу, со всей дури, ткнул острой в воду. Я даже не уверена, видел ли он рыбу, или сделал это просто потому, что должен был что-то сделать.

Смотреть на это было чуть-чуть неловко, щеки краснели. Маро мой неудавшийся жених, и вот так...

Мне было жаль его, он пытался, но это выше его сил.

— Что-то мне подсказывает, в бою от него тоже будет мало пользы, — страж покачал головой. — И вы действительно хотели за него замуж?

Не издевка, на самом деле честный интерес. Капелька недоумения.

Я сама смотрела на Маро и не могла понять.

Неловко. За себя или за него, не могла понять.

— Да, — сказала я. — Он хороший человек.

— Хороший человек? Мне всегда казалось, для удачного брака нужно кое-что еще.

— Любовь?

— И любовь тоже. Взаимопонимание. Внимание друг к другу. Он не подходит к вам близко, поскольку не хочет иметь дело со мной, тут я могу понять. Но личная гордость для него важнее ваших чувств. И вы сами тоже ни разу не попытались подойти к нему.

Кольнуло что-то, чуть-чуть стыдно стало.

— Я не знаю, что ему сказать.

Маро бегал по воде за рыбой, пытался догнать. У него не хватало терпения, да и зубы стучали отчаянно, выжидать осторожно он не мог. Солдаты наблюдали за ним, весело посмеиваясь, улюлюкая, кто-то даже делал ставки. Маро весь красный от злости...

— Вы могли бы попытаться объяснить парню, что он вам не нужен и не интересен. А то он мучается. Поймите меня правильно, леди Тиаль, он взрослый мужчина, сын наместника, и сам, вероятно, в будущем займет значимый пост. Вы ему ничего не должны, вы свой выбор сделали. Если он хочет развлекаться таким образом — это его право. Вам не стоит мучить себя чувством вины.

— Какое это имеет значение?

Страж пожал плечами, наблюдая за Маро.

— Я просто хотел удостовериться. От девушки, влюбленной в другого, императору будет мало пользы, да и ей самой будет тяжело. Нет, развлекать императора в постели вовсе не требуется, хотя мало кто может перед ним устоять. На моей памяти — ни одна не отказалась, так или иначе, император находит подход к каждой. Но вы ведь и сами знаете, что для лучшего обмена силой важен не только физический, но и эмоциональный контакт. При отклике — сила возвращается, не уходя в пустоту. Смерть Тхариса и жизнь Сайторина, при равном посыле только питают друг друга, это идет на пользу обеим сторонам.

— И что потом, через год, происходит с этими девушками?

Страж повернулся ко мне, окинув взглядом, словно оценивая, что может произойти со мной.

— По-разному, — сказал он. — На самом деле, для большинства все заканчивается раньше, чем через год. За год эмоции теряются, стираются. В большинстве случаев, полученного хватает, чтобы дождаться следующей весны. А тянуть силу без отклика — на самом деле, крайне опасно. Для того, кто пытается тянуть — тоже. К этому быстро привыкаешь и иначе уже не можешь, со временем требуется все больше и больше, сложно остановиться. Сначала отнятая сила питает, но потом разрушает еще больше.

— Вы тоже можете тянуть силу?

— Могу, — согласился он. — Вы же видели. Ваша сестра полностью открыта, но это не очень хорошо для обеих сторон. Такая открытость провоцирует, кажется, что легко взять... особенно если мучает голод. С леди Одани, той, что приехала в Цитадель год назад, сложилось не очень. Вы будьте осторожны с императором и не снимайте кольцо, даже если он попросит. Оно не даст тянуть из вас силу, пока вы сами не позволите.

— Кольцо? — я даже чуть растерялась. — Откуда вы знаете...

Он чуть улыбнулся.

— Это ведь тхайское кольцо, я знаю, как оно работает.

Мне показалось, он знает больше...

— Поймал! — радостно закричал Маро.

Невероятными усилиями он загнал рыбешку на мелководье и там, чуть ли не руками, поймал ее. Страшно довольный, сияющий выбрался из воды. Наконец-то с облегчением.

— Я поймал, Ти! Смотри!

Он подбежал к нам, губы совсем синие от холода, трясутся так, что даже говорить ему тяжело. Руки трясутся. Рыбка в его руках — меньше чем с ладонь размером. Но ему удалось.

— Молодец! — похвалил страж. — Закуску к ужину для леди Тиаль ты добыл, теперь можешь попытаться поймать что-то для себя. Но поторопись, мы скоро выдвигаемся.

Маро аж передернуло. Он оглянулся испуганно. Возвращаться в воду ему точно не хотелось, слишком холодно, слишком тяжело.

— Там почти нет рыбы, это бессмысленно, — сказал он.

Рыбку он поймал, теперь его гордость не пострадает. Все силы он уже отдал.

— Там полно рыбы, но охотиться тоже надо уметь. Если ты не умеешь, не говори, что это невозможно.

— А попробуй сам! — Маро обижено протянул стражу острогу. — Ты ведь тоже не умеешь. Тебе просто нравится издеваться надо мной.

— Зачем мне издеваться над тобой? — пожал плечами страж. Но, к моему удивлению, острогу из рук Маро взял.

Потом снял свои сапоги, закатал штаны повыше.

А ноги у него одинаковые, обе серые, с потрескавшейся шершавой кожей, но без того металлического отлива, как половина лица. До ног полное окаменение еще не дошло.

Страж подхватил острогу и пошел к реке.

Он не торопился. Без брызг, без шума, вошел в воду. И чуть по дуге ближе к зарослям. Выбрал место и замер.

Очень долго стоял неподвижно, с острогой в руке, приготовившись.

Потом вдруг резкий удар.

Нет, в первый раз ничего не вышло, удар прошел мимо.

Маро самодовольно засмеялся рядом со мной. Словно не он только что лупил в воду сотню раз подряд.

А страж снова замер, на смех даже внимание не обратил.

Несколько долгих минут тишины. Ни единого всплеска. И удар снова.

На остроге трепыхалась рыба, второе большая, чем смог поймать Маро.

— Это магия, — Маро обиженно вытянулся.

— Нет, здесь магии нет.

Я отлично видела, что магией страж и не думал пользоваться, нехорошо есть пищу, добытую с помощью колдовства, могут быть неприятные последствия.

Но Маро, конечно, верить не хотел.

— Слушай, Ти, — сказал он еще, пока страж был занят охотой, — я ведь не просто так за тобой поехал. Мне нужно кое-что тебе сказать.

— Говори, — согласилась я.

Маро наклонился ко мне и очень тихо, боясь что его услышат:

— Ближе к Ферту на вас должны напасть. Не могу точно сказать где, не знаю, но готовится засада. Многие в Сайторине считают, что хватит платить дань императору, в той битве при Хорте ему повезло, помогли боги, но больше такого не повторится. Сайторин уже достаточно окреп, чтобы вернуть свое. Не надо на меня так смотреть, Ти. Сделай вид, что мы говорим о какой-нибудь ерунде.

— Откуда ты знаешь? — шепнула я.

— Я слышал разговоры отца с разными людьми, к нему приходили... я слышал. Я переживаю за тебя. Когда это случится, лучше, если я буду рядом.

Страж тоже говорил мне об этом, он ждет засаду. Я невольно глянула огляделась, но страж был занят своей охотой, высматривал рыбу в зарослях, а остальные и раньше не слишком обращали внимание на нас.

— Думаешь, ты чем-то сможешь помочь? — тихо сказала я и пожалела, Маро обиделся, поджал губы.

— Я не совсем уж криворукий, кое-что могу. Понимаю, что ты владеешь ринайской магией, этот страж владеет своей, а я... обычный человек. Мне не сравниться с вами. Но я не могу просто остаться в стороне.

— И что будет со мной? Если вдруг тхайрский отряд разобьют, отнимут все дары, что предназначаются императору, что сделают со мной? Вернут домой?

— Вряд ли сейчас вернут, — сказал Маро. — Думаю, на какое-то время тебе придется спрятаться. Мы уедем...

Так вот в чем дело.

— Ты хочешь, чтобы мы уехали вместе? Прятаться вместе со мной?

— Ти... — в голосе Маро скользнула обида. — Ты ведь согласилась выйти за меня. Это ведь было не решение твоего отца, он не настаивал. Ты согласилась сама. Или ты рассчитывала однажды стать женой наместника? Тебя привлекло мое положение, а не я сам?

Ноздри подрагивали. Маро горяч и вспыльчив, но он искренен в своих чувствах.

— Балбес, — улыбнулась, осторожно погладила его руку. — Я согласилась потому, что мне было хорошо с тобой.

Когда Маро внезапно решил, что я нравлюсь ему, он был готов на любые свершения. Он искал любой встречи со мной, пытался завоевать мое внимание. Он дарил мне небольшие милые подарки и цветы... цветы почти каждый вечер. Он лазил ко мне в окна. Пел под окнами серенады... Пел, честно говоря, не слишком хорошо, но очень старался. Впрочем, думаю, не будь он сыном наместника, мой отец куда жестче бы гонял его из-под окон. Через дверь отец тоже не горел желанием пускать Маро в дом.

А Маро красивый, высокий и так горячо влюблен в меня... я не смогла устоять.

Должна признать, сначала он, все же, пошел отцу просить моей руки, отец сказал ему, что подумает, такие вещи не решаются сразу. И только после этого Маро полез ко мне в спальню. Так настойчиво лез... Едва не свалился с балкона второго этажа, Поцарапал цеки в колючих зарослях, ободрал колени о каменную кладку, ободрал пальцы. Потом я ему эти пальцы лечила, а он, пользуясь случаем, пододвигался ко мне все ближе и лез целоваться. Мне было приятно это внимание, так ново и увлекательно. Он первый мужчина в моей жизни. Но любовь... Я согласилась выйти замуж скорее потому, что уже успела переспать с ним, а приличной девушке не стоит себя так вести. Но если он мой жених, то все готовы закрыть глаза. Маро знал, что делает...

Он взял меня за руку.

— Ты ведь поедешь со мной, Ти? — шепотом, но так проникновенно. — Я сделаю все, чтобы ты была счастлива.

— А что будет с моей сестрой? — спросила я. — Если я исчезну, то придут за ней?

— Сайторин больше не будет платить дань императору.

— Ты уверен?

— Хватит, Ти! Ты не понимаешь! — раздражение в голосе, и слишком громко, я испугалась, что нас услышат. — Если тхайрисцев разобьют, что ты собираешься делать? Идти к императору одна? Или ты сама хочешь стать любовницей императора?

Я понимала, что он прав, и у меня не будет выбора. Но все равно беспокоило то, что будет дальше. Уверена, император не закроет на это глаза.

— А мой отец знает? — спросила я.

Маро пожал плечами. Он сам лишь случайно услышал о готовящейся засаде и не может сказать ничего определенно.

— Хорошо, — согласилась я.

Я поеду.

Не стала спрашивать у Маро, есть ли у него деньги... Есть наверняка, но надолго ли хватит? Как мы будем жить? Где? На что? Я слишком прагматична?

— Я люблю тебя! — шепнул Маро, заулыбавшись.

Он хороший парень, но я не буду ничего спрашивать сейчас. Я подожду, пока настанет пора. Нам нужно еще пережить это нападение, понять, что за люди и чем все закончится. Будет ли у нас выбор, отпустят ли нас. А если Маро погибнет? В бою ведь может случиться что угодно. Что мне делать тогда?

Голова шла кругом.

А страж, между делом, вытащил из реки еще четыре рыбины, так ловко.

— Ну, хватит, — крикнул нам он. — Леди Тиаль, нам ехать пора.

Думаю, он бы мог еще, но ему не очень нравилось, что мы стоим вместе с Маро. Страж не говорил ничего, но я видела, как он старается не подпускать моего жениха близко.

И все же, немного времени для разговоров он нам дал.

Снял с остроги последнюю, бросил в подставленное ведро.

— Вечером зажарим.

— Где ты так научился? — усмехнулся Маро. — На службе у императора?

— В детстве я пас овец с другими мальчишками, — сказал страж. — И часто приходилось уходить далеко. Так что мы, бывало, мы сами ловили себе рыбу на обед в ручьях. Я бы советовал тебе научиться тоже. Кто знает, что пригодится в жизни.

С легкой поддевкой, так, словно это намек. Словно он знает...

7.

Мост над бездной

Маро смачно хрустел луковицей, довольно жмурясь, словно это было самое изысканное кушанье в его жизни. Охотой и всякой ерундой он больше заниматься не стал, зато поймал на дороге первых встречных путников и убедил их продать немного еды. Денег у него действительно хватало, он не скупился. Правда, раздобыть удалось немного, но Маро все равно был страшно доволен.

Если все пойдет хорошо, послезавтра мы выйдем к Ферту.

«Если все хорошо», — поймала себя на том, очень надеюсь, с нападением на обоз ничего не выйдет, никто не нападет. И вовсе не потому, что я на стороне Тхариса, что считаю дань справедливой. Я просто боюсь. Что убьют меня, убьют Маро, пострадает моя сестра, если сейчас доставить меня в Цитадель не удастся.

Мне вовсе не хочется оказаться ценным призом в борьбе Тхариса и Сайторина, лучше бы, чтобы это все как-то решили без меня.

Только бы повезло.

Идти осталось недалеко, но к побережью начались холмы, потом горы, и как-то резко... дорога пошла вверх, стала начала петлять, и груженные данью телеги шли медленно.

Я видела, как страж все более сосредоточен, поглядывает по сторонам. Ждет нападения? Видела, что не только глазами, но и магией он осматривает окрестности — не притаилось ли чего. Едет рядом со мной или чуть впереди. Сразу за нами четверо конных тхайрских воинов в полной броне и магической защите, еще четверо сзади. Двадцать пеших солдат.

Простые разбойники никогда бы не осмелились напасть на такой отряд, опытные воины им не по зубам. Но если за всем этим действительно стоят ринайские лорды, то такой силой их не испугать. Один опытный маг с сильным даром может стоять десятка даже самых хорошо вооруженных солдат. Другое дело, что в Сайторине опытных магов осталось не много.

— Мы подъезжаем к Дальмийскому мосту, — сказал страж. — Могу я попросить вас о помощи, леди Тиаль?

— Чем я могу помочь?

— Возможно, вы сможете почувствовать что-то, чего не могу почувствовать я. Любое движение магии, любой нетипичный для этой местности источник. Все, что может показаться вам странным. Попробуйте присмотреться.

— Хочешь, чтобы она помогала Тхарискому императору? — окликнул Маро, с усмешкой.

— Ты был когда-нибудь в Дальмийском ущелье? — спросил страж. — Это мост над пропастью, внизу камни. Если ваши борцы за правое дело решат взорвать мост, когда обоз будет переходить его, то все мы разобьемся. Ты готов умереть, Хакнил? Или ты умеешь летать?

Маро что-то буркнул себе под нос. Что-то вроде: «за свободу Сайторина»...

— За свободу Сайторина будешь сражаться не ты, — сказал страж. — Если обоз рухнет в пропасть, ты сдохнешь, а император лишь поморщится с досады. Все сражения будут потом, без тебя. Если знаешь что-то, не делай глупостей.

— С чего ты взял, что я могу что-то знать?

— Так, на всякий случай. На самом деле, я не думаю, что решат взорвать мост, тогда слишком много золота упадет в пропасть и достать будет очень тяжело. Жадность всегда побеждает в войне. Но смотреть в оба глаза все равно советую.

Я буду смотреть.

Только пока мы доехали до моста, у меня начало темнеть в глазах от напряжения, я не привыкла так. Очень старалась ничего не упустить, внимательно разглядеть все — дорогу, холмы вокруг, все склоны и укромные места, где может спрятаться хоть один человек.

Я понимала, что тратила слишком много сил, меня учили делать это легче, одним касанием, и дома у меня всегда получалось. Но одно дело дома, когда эти занятия — почти игра, самое худшее, что ты можешь получить — это шишкой в лоб, прозевав опасность. Совсем другое — когда все по-настоящему, и ты можешь умереть. У меня даже плечи и шея начали ныть от напряжения.

Но я так и не увидела ничего.

Судя по всему — страж тоже. Ни по дороге, ни у самого моста.

Когда я увидела, где придется идти — закружилась голова.

Огромная расщелина, уходящая в бездну, дно едва разглядеть. Я слышала истории о том, как эти горы и этот разлом образовались больше тысячи лет назад, когда Высокие дома Сайторина собрались, чтобы не пустить захватчиков на свою землю. По легенде, вся армия Тхариса тогда канула в эту пропасть. «Разверзлась земля и мрак поглотил их...»

На самом деле, разлом не так уж широк, чтобы поглотить целую армию, но вот командующие и авангард вполне могли погибнуть здесь, и это положило конец войне.

Как все было на самом деле — сейчас уже не узнать.

Но горы тянутся по всему побережью, закрывая путь.

Огромный подвесной мост на цепях. Тяжелые крепкие балки, которые едва можно обхватить, достаточно крепки и широки, чтобы по ним могла проехать груженная телега.

Этому мосту ни одна сотня лет, но время словно не коснулось его, защитные руны надежно хранят и от ржавчины и от гниения.

Мы остановились у края.

Мост тихо покачивался... легкий звон цепей на ветру и поскрипывание.

— Твою мать... — тихо буркнул Маро. Перспектива идти здесь не радовала и его тоже.

Страж спешил, внимательно осмотрел опоры, осмотрел все вокруг.

— Как на ваш взгляд, леди Тиаль, ничего странного не видите?

У меня ноги подкашиваются и в голове звенит, какая уж там магия.

Я только мотнула головой.

— Не знаю.

Он не стал настаивать.

— Стойте и ждите меня здесь. Я пройду по мосту, посмотрю, что там с той стороны, и тогда уже двинемся.

Мне хотелось сказать — я не пойду! Лучше убейте меня на месте! Никогда не думала, что так боюсь высоты.

А страж не боялся. Я подумала, возможно бояться он и вовсе не способен. Или ходил здесь уже много раз, привык. В конце концов, ко всему привыкаешь.

Я смотрела, как он осторожно делает шаг. Потом еще один. Как балки скрипят под ногами, движутся.

Если бы это был обычный каменный мост, я бы еще готова...

Страж шел, а мост качался. Поймала себя на том, что смотрю на него не отрываясь, забывая дышать. Даже не заметила, как подошел Маро.

— А ты бы могла магией оборвать цепи? — шепотом спросил он.

— Я? Сейчас?

— Эта тварь свалилась бы в бездну, и дорога в Тхарис оказалась бы закрыта. В обход идти недели две, а то и больше.

— Ты с ума сошел? — так же тихо шепнула я. — Если сделать такое, нас убьют.

— Боишься? Думаешь, не справишься? Ты же ринай? Или тебя плохо учили?

— Прекрати! — зашипела на него я. — Я не стану делать этого, не стану даже пытаться. Не знаю, смогу ли я, тут слишком сильная охранная магия. Но даже если б смогла — у нас с Тхарисом договор, и не я первая нарушу его. Не из-за меня начнется война. Не сейчас. Если хочешь, попробай убить его сам. Ты идиот, если думаешь, что такие игры могут сойти с рук.

— Он свернет мне шею.

«И правильно сделает» — хотелось сказать мне.

Я не стала отвечать, отвернулась. Даже чуть отошла от Маро в сторону.

— Придурок, — буркнула едва слышно. — Нас убьют.

— Прости, — попытался он. — Я не хотел.

Я сделала вид, что не слышу.

Смотрела, как страж дошел до середины моста, постоял там немного, что-то разглядывая. Потом пошел дальше.

У меня такое чувство, что он видит Маро, да и меня тоже, насквозь. Все эти игры, дурацкие попытки казаться сильнее, чем есть...

Он дошел до конца, постоял там, огляделся, проверил опоры с той стороны и вернулся обратно.

— Кажется, чисто, — сказал страж, ступая на землю. — Хакнил, ты пойдешь первый. Мы с леди Тиаль за тобой.

— Почему я?

— Кто-то должен. А тебя мне жалко... ну, случись что, — страж едва заметно ухмыльнулся. — Не хочешь, оставайся здесь.

Оставаться Маро не хотел. Да и показать себя трусом тоже.

По мосту нужно идти пешком, лошадь вести на поводу за собой, держать покрепче, чтобы не испугалась. Вот только я боюсь сама.

Маро боялся. Но все равно шагнул вперед... осторожно, крепко держась за поручни. Я видела, он даже зажмурился, делая этот шаг, у него тоже тряслись ноги, но он очень старался свой страх не показывать. Потом пошло чуть легче. Хотя чем дальше от земли, тем сильнее качался мост.

Дальше страж и я.

— Леди Тиаль? Как вы?

— Да, я иду, — сказала я.

Дочери Сайторина не плачут и не показывают свой страх. Я смогу.

Страж чуть подождал меня, потом взял свою лошадь и шагнул вперед.

А я никак не могла решиться. Подошла к краю, осторожно поставила ногу на самую первую доску... и никак. До истерики. Одной рукой вцепилась в толстый канат, служивший поручнем, другой — за лошадиный повод... Лошадь тихо заржала, переступая с ноги на ногу.

Я должна справиться.

— Тар, возьми лошадь у леди, ей тяжело.

— Все хорошо, — пискнула я.

Не могу.

Там такая бездна под ногами, что у меня нет сил.

Один из солдат подошел, забрал лошадь. Но легче мне от этого не стало.

Я схватилась за поручень обеими руками, чуть сдвинула ногу вперед.

Ну что я... Это ведь не узенький веревочный мостик. Он широкий и крепкий, что тут может случиться?

— Тар! И мою лошадь возьми тоже, — велел страж.

Отдал свою лошадь солдатам, подошел ко мне и вдруг, без предупреждений, подхватил на руки.

— Не бойтесь, закройте глаза.

— Что вы делаете? — я испугалась. Не то, чтобы эти прикосновения меня пугали, но это был так неожиданно.

— Я перенесу вас на ту сторону, так будет быстрее и проще. Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Его голос удивительно спокойный.

Руки твердые. Прикосновение к нему даже не ощущается, как прикосновение к человеку, словно к статуе.

И я сама действительно не дойду. Я не могу... Он всего лишь пытается помочь.

Он шагнул на мост вместе со мной, и мост чуть заметно качнулся под ногами. У меня все сжалось внутри.

— Все хорошо, — шепнул страж. — Закройте глаза.

Я уткнулась ему в плечо, вцепилась в него изо всех сил. Мне все равно, как это выглядит со стороны, слишком страшно.

Даже запах его был нечеловеческий — нагретого камня и железа. И все же, я отчетливо слышала дыхание. И даже медленный, приглушенный стук сердца.

Он уверенно шел со мной на руках, словно по ровной земле.

Я чуть приоткрыла глаза, стараясь поменьше смотреть по сторонам...

У него крупная родинка сбоку на шее. На отливающей стальным блеском коже отчетливо выделяется темноватое пятнышко с легким рельефом. Я ведь видела раньше — такое же, на том же месте. Из далекого детства, из того, что я не хочу помнить... «Тащи ее сюда!» Парень вот точно так же подхватывает меня на руки, и я вижу... Я помню, как у него нервно подрагивают руки и сердце колотится так, что сейчас выскочит. Ему ведь тогда велели убить меня, а он... не

стал? Как это было? «Вы сдаете крепость, или девчонка умрет!» — я помню голос лорда Энара. Но дочери Сайторина не сдаются, лучше умереть, чем пойти на сделку с врагом. Моя мать сказала «нет».

И как-то от всех этих воспоминаний я невольно вздрогнула, даже чуть шмыгнула носом.

— Тихо, тихо, — шепнул страж, он, наверняка, понял это по-своему, что я боюсь. — Еще немного осталось.

— Спасибо, — шепнула я.

— Да ну, — фыркнул он. — Я не хочу весь день провести здесь, ожидая, пока вы перестанете бояться и перейдете. Мне проще так.

Я качнула головой. Не о том...

— Это ведь были вы? — сейчас не самое удачное время для подобных разговоров, и все же. — Во время штурма Ойта. Я помню вас. Это ведь были вы?

Он молчал какое-то время. Несколько шагов молча. И так неохотно.

— Да, я.

— Простите, я очень плохо помню тот день. Мне говорили, из-за всего, что я пережила тогда... я ведь была еще ребенком... Защитная реакция. Я не могу вспомнить. Вам велели убить меня?

И даже так я чувствовала, как напряглись его плечи.

— Да, — сухо сказал он.

— Но вы не сделали этого?

— Тхай никогда не славились дисциплиной, — почти с издевкой.

Он не хотел отвечать. Что-то было там... Ведь то, что произошло с ним, то, какой он сейчас... это ведь случилось тогда? Я помню его спину передо мной... я за его спиной... он выставил вперед руку, его щит трещит и искрит под мощью удара... «Кольцо! — кричит он мне. — Зажми сильнее!»

— Это ведь ваше кольцо? — спросила я.

— Мое, — согласился он. — Давайте не будем об этом?

Так, словно говорить и ему тоже тяжело.

— Но, может быть, мне стоит вернуть его вам?

— Не стоит.

Десять лет вот так — не вполне человеком, потому, что решил вступить за случайную девчонку? Он нарушил приказ, его и свои бы

могли убить за это. Но ведь на нем ринайская магия, а тхайская уже поверх этого. Первый удар был нанесен не тхаями... по нему... и по мне? Я стою за его спиной, он прикрывает меня... Я ведь не зря не могу полностью вспомнить тот день.

Когда я пытаюсь вспомнить, у меня начинает болеть голова.

Но он помог мне тогда, это точно. Может быть, теперь и я смогу чем-то отплатить ему?

Страж нес меня по мосту на руках, так, словно это было обычным делом.

Маро впереди. Очень старался идти быстрее, но у него подгибались ноги на такой высоте, шаги сбивались. Мы догнали его, какое-то время страж шел за ним, потом обогнал. Здесь достаточно широко, чтобы два человека без труда могли разойтись.

Маро буркнул нам в спину что-то о том, что стражу не стоило бы так лапать меня. Страж сделал вид, что совсем этого не слышит. Он просто делает то, что должен, присматривает за мной в пути. В конце концов, Маро сам бы мог помочь мне, если не перенести на другую сторону, то хоть подать руку.

Самое смешное в том, что Маро отказывается верить, что я в чем-то могу быть слабее его. Разве что в поднятии тяжестей. Я истинная ринай — сильный дар, древний род, лучшее образование, какое только можно позволить. Я идеальна со всех сторон. А он — кроме отцовской должности нет ничего. Ни дара, ни великих предков. Он полукровка, его мать тхариска, обычная женщина из провинциального городка. У отца хоть капля дара, у матери — ничего.

Рядом с ним мне не на что жаловаться.

Но если бы он просто протянул мне руку — я была бы благодарна.

Ближе к концу моста страж стал идти медленнее. И дело вовсе не в том, что он устал, думаю, усталость для такого как он вообще мало что значит.

Я чувствовала, как он прислушивается. Внезапная осторожность...

— Что-то случилось? — спросила я.

Он качнул головой.

— Не знаю... А вы ничего не чувствуете, леди Тиаль?

Я попыталась прислушаться, присмотреться, сосредоточиться изо всех сил. Но нет, ничего нового я не видела. Только слабое ровное свечение магии, поддерживающей мост. Ничего. Все точно так же, как и было — тихо и пусто. И все же... нотка неясного беспокойства звенела где-то на краю ощущений.

— Нет, — сказала я. — Ничего. А вы?

— Не знаю. Явно — ничего.

Я видела, как он нахмурился, вглядываясь. Совсем близко его изумрудный блестящий глаз, настолько нечеловеческий, что невозможно распознать эмоции.

— На всякий случай, давайте без резких движений, — сказал страж. — Мы сейчас дойдем до конца, я поставлю вас на ноги. Вы тихо стоите там, где я вас поставил, не двигаетесь без моего разрешения.

— Хорошо, — согласилась я.

Что-то не так. Или это только моя фантазия?

Я поняла, что сердце колотится. Нет... только бы не сейчас... я не хочу. Я даже невольно вцепилась в стража, обнимая его за шею, просто от волнения. Но тут же спохватилась, отпустила. Страж лишь быстро покосился на меня, но ничего не сказал.

А я не знала, чего боюсь больше — не успеть дойти до конца моста, прежде чем что-то случится, упасть в пропасть, или того, что что-то случится, когда мы коснемся земли.

Но дойти мы успели.

Я затаила дыхание, когда страж шагнул на землю. Ничего...

Он прошел еще несколько шагов со мной на руках, подальше от края. Осторожно отпустил, ставя на ноги.

— Не отходите от меня, — сказал тихо.

Я кивнула.

Мы прошли подальше подальше, освобождая место обозу — людям, лошадям, груженым телегам, сходящим за нами с моста. Я...

Что-то было не так.

Я даже глаза закрыла, чтобы лучше чувствовать это. Где-то совсем на грани, далеко, но приближается. И словно напряжение в воздухе растет.

— Что-то приближается, — тихо сказала я. Теперь уже не сомневалась.

Страж кивнул, он тоже чувствовал это.

— Где? — спросил только.

— Там, — я показала на горы перед нами. Но даже не совсем так.
— Оно летит.

На мгновение мне показалось — дракон. Но нет, этого не может быть. Драконов никто не видел уже давно, последний раз во время битвы под Хортой, когда драконом смог обернуться сам император. Но император слишком дорого заплатил за это. И у Сайторина не было ни единого шанса ответить.

У Сайторина не может быть дракона. Тем более, никто не станет посылать его вот так, жечь обоз. Это слишком серьезный козырь, чтобы раскрыть так просто.

Этого не может быть.

И все же, к нам приближалось что-то. Безусловно магия, но надежно прикрытая от чужих глаз, выдавало только движение и ответное напряжение энергетических полей. Я вдруг подумала — что-то, прикрытое так же умело, может находиться совсем рядом, и мы не видим его. Есть мастера, способные укрыть полностью, особенно неподвижный объект. Спрятать магическое излучение.

— Держитесь рядом со мной, — сказал страж. — Ваше дело — только личная защита, не пытайтесь ни во что вмешиваться, что бы ни случилось.

— Что это? — я готова была схватить стража за руку от волнения, но держалась.

— Сейчас увидим. Вряд ли они хотят убить вас. Не бойтесь.

Оно летело... и я почти чувствовала вибрацию в воздухе. Заржали кони. Даже Маро почувствовал, замер, глядя на гору перед нами.

Низкое гудение...

— Построиться! Раскрыть щиты! — скомандовал страж.

Я видела, как воины спешно занимают свои места, как щиты вспыхивают. Еще никто толком не понимает, что происходит и откуда ждать удара. Крутят головами. Но подчиняются.

И вдруг из-за горы перед нами выныривает огненный шар, с шипением и гулом летит на нас, но... над головами. Бьет в мост за нашей спиной. И мост охватывает огнем.

Наемные разбойники

Ударная волна отбрасывает меня назад. Обдаёт жаром с ног до головы, звенит в ушах.

Я сжимаю кольцо, что есть силы, и оно вспыхивает щитом.

Не понимаю, что делать дальше и куда бежать.

Я не вижу врага, от которого надо защищаться. Только паника, как в детстве, когда мы с Айни забились под кровать, пытаюсь спрятаться. Тогда небо тоже полыхало.

Тогда нас нашли.

Сейчас на нас нападали свои, и, может быть, мне стоило бы радоваться, но радоваться никак не выходило, было слишком страшно. Я даже примерно не представляла, чем это может закончиться.

Все это даже близко не похоже на нападение разбойников, желающих ограбить караван. Не бывает таких разбойников.

Вижу, как Маро бросился было ко мне, но замер рядом. Он сейчас никак не может меня защитить. У него нет даже оружия, нет личной магии. Скорее уж я могу попытаться прикрыть его своим щитом, но прятаться за меня Маро не готов.

Вижу, как страж сосредоточенно всматривается... Он ищет источник. Даже если маг, который шарахнул этим огненным шаром — далеко, здесь рядом тоже кто-то должен быть. Подать сигнал, навести. Довершить дело, в конце концов.

Мост горит, они отрезали нам путь, значит, должны напасть на нас здесь, должны хоть что-то сделать.

Можно накрыть нас еще одним ударом, но если бы они хотели этого, сделали бы сразу. Но били не в нас, а в мост. Не представляю, какую силу надо иметь... Мост горит. Никакая защитная магия, хранившая его столько веков, не может справиться.

И в памяти вдруг так отчетливо встает: «Тхарис должен быть стерт с лица земли!» Ненависть дрожит в голосе, до истеричного визга.

Какой-то человек приходил к отцу, пытался ему что-то доказать... Я услышала случайно, поспешила уйти — нехорошо подслушивать и лезть дела отца. Не знаю, что ответил ему отец, со мной никто никогда не обсуждал это. Я никогда не воспринимала это всерьез, просто еще

один уставший от тяжелой дани ринай, мечтающий о мести. Но сейчас вдруг представила, как все это может случиться на самом деле. Огненные шары, летящие в тхайриские города, Сайторин хочет отыграться за эти десять лет.

Тихий звон, почти на грани слышимого — так лопается щит.

Я дергаюсь, очнувшись от своих мыслей.

Вон там, за камнями на склоне, укрылся сайторинский отряд. И сейчас они сбросили защиту, укрывавшую их, схватились за оружие. Человек пятьдесят, не меньше. Вдвое больше, чем нас... Я пытаюсь присмотреться... яркого свечения магии не вижу, лишь амулеты, защитные руны на доспехах, у кого-то крупница личного дара... это воины, обычные люди, как и в охране обоза. Но их много.

— На склоне! — кричу я стражу, показываю рукой, он кивает. Он тоже видит это.

Так на чьей же я стороне? Я собираюсь помогать ему против своих? Мне стоило молчать? Он в любом случае видит.

— Хакнил! Охраняй! — страж кидает Маро свой меч.

И сам бросается в бой с голыми руками. Вот только в его руках вспыхивает огонь.

Маро ловит меч и замирает... мне кажется, он тоже не сможет понять — защищать меня от своих? Тоже кинуться в бой и ударить тхарисцам в спину? Он почти готов это сделать, но чужой меч в руках сбивает его. Колеблется.

— Маро! — кричу я. — Иди ко мне! Не оставляй меня! Мне страшно!

Не хочу, чтобы он дрался, чтобы лез в это... они разберутся и без него.

— Убей их, Ти! — кричит Маро. — Убей их все! И эту тварь! Ты ведь можешь!

Нет.

Я вижу, как атакует страж. Огонь поднимается волной, сайторинцы, бегущие на него, падают отшатнувшись, отступают. Они рассеиваются — понимая, что магией куда сложнее бить по площадям. Второй волны сразу не поднять. Часть нападающих уже у повозок... звон мечей... бой закивает.

Кто-то из своих передает стражу меч, и меч вспыхивает огнем в его руках.

— Убей его, Ти! — кричит Маро. — Теперь никто не обвинит тебя! Не ты начала это! Убей!

Я не могу убить человека, который спас мне жизнь. Который нес меня на руках.

Не могу ударить ему в спину.

Говорят, тхай коварны... и, может быть, все, что страж делал сейчас, он делал для того, чтобы в нужный момент я не смогла сражаться против него? Но я не готова верить в это. И даже если сейчас это так, то отдавая кольцо девочке, он был готов вместо меня умереть... Вот только что там на самом деле было десять лет назад?

— Ти! Что ты стоишь?!

Маро кидается ко мне, но мой щит со звоном отбрасывает его. Защита кольца, усиленная моей личной защитой.

Сбивает Маро с ног. Пока идет бой, щит не пропустит никого.

— Ти! — обиженно кричит Маро.

— Я не могу!

Вот только нападающие бегут и к нам. Трое. Маро стоит... Он ждет их словно друзей, опустив оружие, но я вижу, как один уже замахивается с ревом. Он не понимает, кто мы?

— Маро! — кричу я. — Осторожней!

У меня замирает сердце, но Маро все же успевает. Он рывком поднимает меч, отражая удар и отскакивает в сторону.

— Эй! — возмущенно кричит он. — Я свой! Я не тхай! Прекратите!

Отскакивает, пытаясь защищаться. Но нападающим все равно.

Маро хороший боец, но их трое и кто знает, сколько будет еще. Тем более, что сразу он не дерется в полную силу, еще надеясь, что нападающие одумаются. Не хочет убивать своих? Не верит. Пытается докричаться до них.

Но его не слышат.

Маро отступает под натиском. В какой-то момент мне кажется — это все, он не справится, они убьют его. Это конец.

И тогда бью я.

Первый удар выходит пшиком — я никогда по-настоящему не делала этого, не убивала в людей. На тренировке, на учебном дворе я чучела заставляла распадаться на части, уничтожала, разносила... но в людей — ни разу. Напасть сама я бы не смогла. Но Маро... Когда они

пытаются убить его — я должна что-то сделать. Ответить всегда проще.

Второй удар слабый, задевает по касательной. Я метила в руку с мечом, мне было страшно убить, но вышло еще страшнее.

Когда меня учили боевой магии, говорили — всегда бей в полную силу. Лучше убить человека на месте, не заставляя страдать. Тхайская магия убивает снаружи, огнем. Ринайская — изнутри. Вскипает кровь и плоть разрывается, лопаются кожа... Такое невозможно терпеть.

И тот человек кричит, хватается за руку. Меч падает из его пальцев, он падает сам, дико ревет, катаясь по земле. Лучше убить. Но с этим быстрее справляется Маро, вонзая клинок.

На мгновение мне кажется — я больше никогда! Никогда в жизни я больше не буду делать это. Мне хочется заорать, закрыть лицо руками...

Они кидаются ко мне, но меня не достать, мой щит не пропустит.

— Вот сука! Убей ее!

Они увязают в защите, теряются...

— Маро! Беги! — кричу я. Меня им не достать, а его сейчас убьют. И я не могу...

Но бежать уже поздно.

И я бью снова.

Это безумие, я больше не могу так.

Магия бурлит во мне, словно кипящий котел, гудит, словно растревоженный улей. Я и не думала, что могу так. Мне самой плохо от того, что я могу. И еще более плохо от того, что это свои... я не понимаю, почему они хотят убить нас — и нас с Маро тоже, но другого выхода у меня нет.

Когда рядом не остается врагов, я пытаюсь найти глазами стража.

Тхарисцев почти не осталось, несколько человек сражаются у телеги с золотом, еще двое чуть в стороне. Нападающих больше. Я вижу сверкающий огнем меч стража. И кажется, он бьется из последних сил.

Не я начала это, но я тоже могу помочь. Закончить.

Убив стража, они придут за нами. Они уже пытались убить и попытаются снова. Это дико, но иначе я не могу.

Маро стоит наклонившись, опираясь ладонями о колени, тяжело дышит. Ему тоже досталось, он сделал все, что мог.

— Я убью их, — говорю тихо.

Не то, чтобы мне нужно было чье-то одобрение, я все равно сделаю это. Я не знаю, кто эти люди, очень может быть, что сражаются они вовсе не за Сайторин, а за груженные данью телеги. За золото. И тогда, какой бы магией они не владели, но разбойники — есть разбойники. Преступники. Вне закона. Это мой долг...

Это не свои. Кем бы они ни были.

Маро молчит, смотрит на меня устало.

Я иду вперед, и бью снова.

* * *

— Я смотрю, вам опасно переходить дорогу, леди Тиаль!

Страж сидел, прислонившись спиной к колесу телеги. Поглядывал на меня одним глазом — каменным, второй, живой — мучительно прикрыт.

Он ранен. На нем много чужой, ярко-алой крови, но есть и собственная. Густая, темно-бордовая, она проступает из-под разорванной куртки на плече, на руках и на боку. Ему очень плохо. И все равно он весело и кривовато ухмыляется, глядя на меня.

У меня дрожат руки. Я стараюсь вообще не думать о том, что сейчас было. О том, сколько я убила людей. Одна — едва ли не больше, чем все остальные вместе взятые.

Если буду думать — сойду с ума.

И до сих пор не понимаю, правильно ли поступила.

Не могу...

— Леди Тиаль, — говорит страж, — вы все сделали правильно. Не думайте. Они бы убили и вас тоже, им не нужны свидетели. Потом бы сказали, что это тхай сожгли мост.

Огонь — это в большей степени тхайская магия, но нападавшие не были тхарисцами. Все это... И все же, без свидетелей Тхарис обвинить проще всего.

Не могу думать об этом.

Мотнула головой.

— Вы ранены... лорд Кавьяр?

— Давайте без «лорда», ладно? — усмехнулся он, я впервые обратилась к нему так. — Немного. Сейчас посижу, разберем все и поедем дальше.

— Может быть, я помогу вам? Я...

— Не надо!

Я успела шагнуть к нему, а он дернулся назад, словно я убить его пытаюсь.

— Простите, леди Тиаль, — сказал он. — Просто не надо, ладно? Будет только хуже. Я сам.

— Почему?

Я сейчас, наверно, плохо соображаю от всего этого. Он ведь ранен, у него кровь, а моя магия может легко затягивать раны.

Страж долго смотрел на меня, словно размышляя, стоит ли объяснять. Потом медленно, осторожно зубами стащил перчатку с левой руки.

Голые кости. Плоть с пальцев осыпалась, когда рука была еще живой. С ладони почти полностью, к запястью еще осталось немного, но так... клоками. А ведь это именно то, что сейчас делала я. Наша родовая магия, очень сильная... Меня учила мать, потом я сама...

Я видела, что и предплечье дальше все в рытвинах, сколах, все готово развалиться в любой момент. Кости еще держатся. Как далеко это зашло — сложно сказать, дальше под дублетом руку не видно. Но остановить, скорее всего, удалось лишь окаменением. На мертвый камень мое заклинание действует плохо, но даже камень может разрушаться все равно.

Он сжал-разжал каменные пальцы, чуть дернул плечом: «ну, вы же понимаете?»

Теперь да. Должна была понимать это и раньше, но как-то не задумывалась, не сталкивалась близко с таким. Если я попытаюсь лечить его — магия нарушит баланс, и то проклятие разрушения проснется. Если я попытаюсь лечить, то только убью еще быстрее. Моя магия убьет.

Я закусила губу. Отступила на шаг назад, и еще.

Мне как-то совсем плохо стало. Не знаю... все это слишком для одного дня. Я не готова к такому.

— И что же делать? — растерянно шепнула я.

— Ничего. Просто подождать.

Да. И я знаю, как это будет.

— Затянется камнем?

Страж кивнул.

Окаменение действует быстрее всего на поврежденные участки тела, так устроено заклинание. Здоровые — меньше уязвимы. От руки оно расходится выше, но и раны затягивает по своему, как может. И живого остается все меньше. Однажды окаменение перейдет ту грань, когда жизни уже не за что будет уцепиться в каменном теле. Он станет големом окончательно. И чем больше таких битв, тем ближе.

Кавьяр сидел, откинувшись назад, прижавшись затылком к телеге, прикрыв глаза.

— Болит? — спросила я.

— Нет, — сказал он. — Ну... не так, как когда ты живой. Все нормально. Отдохни...

Он попытался улыбнуться мне.

Не знаю, как тут можно отдыхать. Когда вокруг такое... Столько убитых, раненых... Я почти физически чувствую это, моя растревоженная магия остро реагирует на близкую смерть. Мне плохо самой. Опустошенность... и кружится голова.

Оставшиеся на ногах солдаты растаскивают трупы, относят в сторону раненых.

Главное, чтобы не было второго удара.

Если сейчас нас накроет, я уже ничего не смогу...

В ушах звенит. И ноги подгибаются сами.

Я села, почти упала на землю, там где стояла. Закрыла руками лицо.

Болело сердце. Что-то скребло внутри и ворочалось.

Больше всего хотелось разрыдаться, но... я ведь не должна?

Маро стоял рядом и так смотрел на меня... словно я сама — чудовище. Не со страхом, но все равно, так напряженно, настороженно. Он видел, как я убиваю. Даже он теперь опасается меня.

Вдруг поняла, что никогда еще не чувствовала себя такой одинокой.

Не выдержала, всхлипнула.

Выкатилась и побежала по щеке слеза.

— Эй, — позвал страж. — Все будет хорошо.

Так тихо, но так уверенно. Ему хотелось верить.

Я не должна плакать.

Маро тихо переминался с ноги на ногу за моей спиной. Не знал, как вести себя дальше.

— Хакнил! — позвал один из солдат. — Не поможешь нам?

С ранеными, с трупами — нельзя оставить все так.

Маро вдруг дернулся, плюнул в сторону.

— Я не за вас сражался! — бросил сквозь зубы со злостью. Развернулся и ушел куда-то в сторону. Помощи от него не будет.

У меня дернулся подбородок. И снова. Все. Вот это было последней каплей, и я больше не могу. Меня за трясло. Я еще пыталась бороться с собой, быть сильной... когда страж тяжело вздохнул, подполз ко мне, не вставая, на четвереньках, сел рядом. Осторожно дотронулся до моей руки.

— Все хорошо, — сказал шепотом. — Да порыдай уже, что ты стесняешься. Такое не каждый день бывает, тем более в первый раз. Ты молодец. Поплачь.

И сорвало. Я уткнулась ему в плечо и разрыдалась. Прямо в голос, навзрыд. Он сидел рядом, обнимал меня за плечи и гладил по волосам.

* * *

Кавьяр залез на козлы, на место убитого кучера. Протянул мне руку.

— Если хотите, садитесь тоже, леди Тиаль.

Я не стала отказываться. У меня до сих пор дрожали коленки, и ехать верхом не очень хотелось.

Маро вернули лошадь. Людей у нас осталось мало, теперь верхом могли ехать почти все. Мы постараемся пройти сегодня как можно больше, заночевать подальше отсюда.

— Захотите прилечь, можете поспать в телеге, — сказал Кавьяр. — Я найду вам плащ, укрыться.

— Нет, я сейчас не усну.

Он кивнул понимающе, протянул мне свою фляжку с волшебной настойкой. Я отпила пару глотков. Потом и он тоже.

В голове слегка звенело.

— Вы спасли мне жизнь, — сказал он.

Очень надеюсь, что поступила правильно.

— Я всего лишь вернула долг. Однажды вы спасли меня, теперь я.

Кавьяр тихо фыркнул, кивнул. Все так и есть.

— Значит, мы в расчете.

Какое-то время мы ехали молча, я смотрела вперед, стараясь не оглядываться на Маро, взгляд которого так и сверлил мне спину. Я знала, что Маро не одобрял. Всего. Что я помогла тхаям, что не сбежала, когда был такой удобный момент, что сейчас я сижу здесь. Он ведь рассчитывал, что во время этого нападения перебьют всех тхарисцев, и он сбежит со мной. А я вот так... нарушила все его планы. Но, что-то мне подсказывает, бежать нам было все равно некуда.

— Что это были за люди? — спросила я. — Провокация, чтобы склонить Тхарис к войне?

Кавьяр вздохнул, глянул на меня искоса.

— А что вы знаете об этом, леди Тиаль?

Я качнула головой.

— Не много, лорд Кавьяр.

Он усмехнулся.

— Я не лорд.

— Нет? Вы говорили, ваш отец...

Прилично ли задавать такие вопросы? У него ведь может быть брат, который получил земли и титул, вовсе не обязательно...

— Земли перешли короне, — сказал Кавьяр. — Мне ведь все равно некому передать их по наследству. В обмен на это я получил помощь лучших магов и до сих пор еще... ну, относительно жив. Все необходимое мне дает император. И я верно служу ему. Я не лорд.

Разве это жизнь?

— А вы не пробовали снять заклинание?

Я ляпнула это и пожалела. Что-то слишком много болтаю, да еще такого, что вообще не стоило бы. Слишком, для приличной леди.

Видела, как у него дрогнули руки, совсем немного. Он смотрел только перед собой, долго молчал... так долго, что мне стало совсем

стыдно.

— Простите, — шепотом сказала я.

— Да ничего, — сказал он. Вздохнул. Бросил на меня быстрый взгляд. — Конечно, пробовал. Первые несколько лет я искал любые способы снять это. Но это ринайское заклинание, причем очень сильное. А как вы понимаете, после войны в Тхарисе сложно найти ринай, готового помочь мне. Тем более, что снимать надо все три заклинания разом, и камень тоже, потому что непонятно, как окаменение поведет себя, когда ринайское заклинание исчезнет... сейчас они в равновесии, но если сместить... Тем более, что после всего этого нужно что-то делать с рукой, скорее всего — резать выше локтя, и тогда, даже в самом лучшем случае, я останусь калекой. Все это сложно, миледи. Тем более, что за услуги хороших магов мне нечем платить. Жалование, которое я получаю, хватает только на необходимое.

— Вас поймали в ловушку...

Он невесело фыркнул.

— Вообще-то, я нарушил приказ. Меня бы могли просто повесить за такое. Но император решил, что я еще могу ему послужить. Так что мне повезло.

— Потому что спасли мне жизнь?

— Да. Мне показалось, убивать ребенка несправедливо. Не ищите в этом каких-то высоких целей, миледи. Мне было семнадцать лет тогда, и дури больше, чем у вашего Маро. Просто юношеский порыв.

Он смотрел перед собой, в одну точку. Совсем мальчишка.

Мне стало неловко, даже не знаю от чего...

Очень долго мы ехали молча. Телега покачивалась, чуть подпрыгивала на камнях.

Но я первая не выдержала.

— Вы спрашивали, что я знаю о нападении, — сказала неуверенно. Интересно ли ему это? — Я слышала разговоры... разные. Я видела, как к отцу приходили разные люди, знаю, что они говорили о Тхарисе, но я не знаю, чего они хотели и что отец отвечал им. Маро тоже слышал, — я запнулась, не очень понимая, стоит ли говорить. — Он поехал за мной, потому что был уверен, что будет нападение где-то в горах, надеялся, что весь обоз перебыют и он сможет увезти меня... спрятать куда-нибудь.

— Боюсь, вас бы не оставили в живых. Вряд ли им нужны свидетели.

— Да. Нас пытались убить там... Но ведь огонь... Это тхайская магия?

— Это катапульта, — сказал Кавьяр. — Я видел такие раньше, но, слава богам, мы смогли найти их раньше, чем катапульты пустили в дело. Настоящий маг нужен только для постройки, а дальше хватает людей с минимальной искрой дара. Для того, чтобы разжечь огонь иногда хватает куска кремня. Это сайторинское оружие, но со стороны может выглядеть как тхайская магия. Из Ферта я отправлю сообщение императору, он должен знать.

Мне даже не по себе стало.

— То есть, их может быть много? И сколько выстрелов они могут сделать?

Гигантские огненные шары, летящие в города.

— Сложно сказать. В прошлый раз мы нашли десять готовых катапульт. Сколько их сейчас... На один выстрел с перезарядкой нужно чуть больше пяти минут. Вопрос в том, что снаряды для них нужно готовить заранее.

Пять минут на удар...

— Вы думаете, готовится война?

Кавьяр кивнул.

— Возможно, леди Тиаль, для вас действительно было бы лучшим позволить сайторинцам перебить нас всех. Возможно, потом убить их, но это... И сбежать с вашим другом подальше отсюда. Куда-нибудь в глушь. Войны не избежать в любом случае, это дело времени. И я не представляю, что будет с вами в Цитадели, когда начнется война. Да, вы сильнее вашей сестры и умнее... возможно, у вас больше шансов справиться и выжить. Возможно, нет. Иногда чтобы выжить, нужно найти сильного покровителя, и вот тут, полагаю, ваша сестра справилась бы отлично. Но я уже ничего не могу сделать для вас.

Море штормило.

Мы должны были отправиться сразу, как только приехали в город, но оказалось, что корабли уже второй день не решаются выходить в море — весенние шторма во Внутреннем море — дело опасное. Придется подождать.

Черная вода... белые барашки пены на гребне подскакивали высоко и вновь ныряли... Я видела море лишь однажды, в детстве. Я даже таких больших, шумных городов, как Ферт, никогда не видела. Это удивительно.

Мы с Маро бродили по набережной, и центральной площади, пока Кавьяр отправился связаться с императором и по своим делам. Я пообещала, что не стану сбегать, он мне легко поверил. Никакой охраны. И даже охранять меня от злоумышленников не было особого смысла, потому что я могла ударить сильнее, чем любой из его людей. Таким как я — охрана не очень поможет, если конечно, в охране не чистокровные маги.

Да и в самом Ферте на нас вряд ли нападут, слишком много свидетелей.

Мне хотелось посмотреть город, Маро предложил составить мне компанию. Как только Кавьяр закончит свои дела, он присоединится к нам, я сказала, где искать.

Маро — серьезный и хмурый всю дорогу.

— Ти, поедem со мной, — настаивал он. — Разве ты хочешь стать заложницей в этой войне? Тебя убьют, как только что-то начнется. Вытянут из тебя все силы, используют и убьют.

— Я не могу.

— Ты на их стороне? Больше никто не придет за твоей сестрой. Дань отдали, как и полагается, а дальше уже проблемы стража, как довести тебя до Тхариса. Он сам упустил тебя, оставил без присмотра... а кто-то украл. Никто даже не сможет доказать, что ты сбежала сама. Мост разрушен, Ти! До твоего дома теперь не так просто добраться. Никто не придет за Айни. Поверь! Ты ведь сама знаешь, для чего нужна им. Они вытянут из тебя все и убьют. Будут использовать тебя против своих же!

Он говорил так горячо, так уверенно. В его искренности я не сомневалась, он действительно думал то, что говорил, и, наверняка,

искренне желал мне добра. Да, он просто хотел, чтобы я осталась с ним, но разве это так странно для влюбленного мужчины.

Да, последнее время он держался отстраненно, но только потому, что ему сложно было смириться с тем, что я сделала. Я помогла тхарисцу, убивая своих. Одно дело — когда нападали на нас, и я защищалась, когда я защищала Маро. Но совсем другое, когда я просто подошла и...

Маро не мог простить мне того, что я, фактически, перешла на другую сторону.

Но я помогала не Тхарису, я помогала тому одному человеку, который спас меня когда-то.

— Не верь им, Ти. Они сами подстроили это нападение, чтобы потом обвинить Сайторин. Ты же видела тхайский огонь. Это их рук дело.

— Это катапульта...

— Ти! — Маро взял меня за руку, заглядывая в глаза. — Твой страж задурил тебе голову! Это были не сайтринцы, иначе они бы не тронули нас. Это были тхайрисские наемники и их магия. Почему ты веришь ему, а не мне? Он враг... Он спас тебе жизнь в детстве? От кого? Ты ведь сама помнишь, как в него ударила твоя мать. Она ведь в него метила, а не в тебя!

— Он отдал мне кольцо, — шепнула я.

Все так сложно в последнее время.

— А ты хорошо помнишь, как это было? Как он отдал его тебе? Ти, он морочит тебе голову!

— А ты?

— Я люблю тебя. Я всегда был честен с тобой, — он взял меня за руку, поглаживая мои пальцы. Отчаянная надежда на понимание в его глазах. — Наверно, я не самый храбрый, не самый... у меня нет магического дара, я не умею ловить рыбу... Но я всегда был честен с тобой. Если понадобится, я пойду с тобой до самой Цитадели.

Упрямо. Я знаю, что пойдет. Если Маро что-то задумал, его не остановишь.

Я знаю, что капитан «Белого кита», на котором нам предстояло плыть в Тхарис, отказывался брать Маро. Он говорил, что ему не нужны пассажиры на борту, не нужны сайторинцы. Но Маро как-то уговорил его. Сторговался. Его возьмут. Взамен Маро будет драить

палубу, помогать на кухне и делать всю грязную работу, какую ему поручат. «А если хоть раз откажешься, я выброшу тебя за борт!»

Маро согласился. Он страшно упрямый, и если пытаться пугать его, то только раззадоришь еще больше.

Помню, как отец чуть не убил его, когда впервые поймал у меня под окнами. Отпустил на первый раз, только потому, что Маро — сын наместника. Сказал, что в следующий раз не пожалеет, и я была абсолютно уверена, что свою угрозу он готов был выполнить.

Но следующей ночью Маро полез в окно снова. После того, как я отказала ему, как сама чуть не выкинула в окно. Грозилась сразу позвать отца.

Помню, как он сидел у меня на подоконнике с пучком каких-то надерганных в нашем же саду цветов. У него тряслись руки — он все же боялся, несмотря на эту браваду. Губы поджаты. «Ну что, — сказал он тогда. — Я пришел, как и обещал. Поцелуй меня, пожалуйста. Мне бы не хотелось умереть, не заслужив ни одного твоего поцелуя».

Мне самой было страшно тогда. И все это было так невероятно. И Маро был вовсе не противен мне — хороший, красивый парень... мне даже нравилось его внимание. И все это, вся отчаянная дурь, его полный мольбы взгляд — не могли оставить равнодушной. Я подошла. Долго стояла, глядя на него. Он молчал, ждал. Я понимала, что уходит время и его следы могут легко обнаружить в саду. Я не хотела его смерти, и вообще не желала ему зла.

А он... «Я люблю тебя, Ти, — сказал тогда совсем тихо, даже голос сел. — Я не могу жить без тебя. Если нет — то и нет... я...»

Я не выдержала, потянулась, коснулась губами его губ. Я первый раз... и совершенно не понимала тогда, как надо целовать мужчину, что мне делать... Еще мгновение, и он обнял меня, подхватил на руки, закружил, такой счастливый. Он обнимал меня так нежно и горячо, что закружилась голова. «Я люблю тебя, Ти! Я люблю тебя!» Это было так удивительно, так хорошо. Я сдалась.

Но удивительнее всего то, что в тот раз Маро все сошло с рук, никто не поймал, не увидел его. Ему удалось прийти и уйти незамеченным.

А следующий вечером я уже ждала его. Он пришел... вот только сбежать снова ему не удалось. Но я первая тогда бросилась к отцу,

умоляя не наказывать Маро, я говорила, что хочу выйти за него замуж! Что люблю его и мне с ним хорошо. Все это было так волшебно тогда.

Сначала Маро лазил ко мне каждую ночь. Я была счастлива. В моей жизни впервые такое. Да что там! Любая девушка позавидует. Он пел под окнами, он дарил мне цветы...

А потом, когда все немного успокоилось, и все договорились, когда объявили о нашей помолвке — у Маро начали появляться неотложные дела. Он все еще бегал ко мне, но через день, раз в неделю... Нет, я все понимала, это не может так гореть вечно. Но, еще не выйдя замуж, я начала чувствовать себя надоевшей женой.

А вот теперь, от ревности, от угрозы меня потерять, чувства Маро вспыхнули с новой силой. Чем дальше, тем отчетливее я понимала, что это именно ревность. К императору, к стражу, наконец. Да, какой бы каменный он там ни был, но он мужчина, и то, что происходит сейчас — не может не волновать Маро. Он не готов меня отдать.

— Я люблю тебя, Ти, — говорил он, взяв меня за руку, глядя на море. — Я отправлюсь с тобой до конца. Никому не позволю отобрать тебя...

И в этом не было ни капли лжи, он умрет за меня. Но... Его чувства, как весенний ветер — порывами.

И я не могу ответить от чистого сердца, что люблю его.

10.

«Белый кит»

Маро старался как мог, но его силы были на исходе. Думаю, он десять раз успел пожалеть о том, что подписался на это.

В первый день, пока берег был еще близко, его не сильно допекали тяжелой работой. Но уже к ночи, когда Маро собирался идти спать, на него свалили кучу старой, ржавой и пригоревшей кухонной утвари и велели чтобы к утру все блестело. «Если не успеешь, отправишься кормить рыб».

Тогда я слышала, но не восприняла эту угрозу слишком серьезно. Долго стояла на корме, глядя вдаль, туда, где уже исчезла в дымке земля, думая о том, смогу ли вернуться сюда снова...

Да и сам Маро, скорее всего, не отнесся серьезно сразу. Я ушла спать, а утром...

Первое, что я услышала, проснувшись — как шкипер орет на кого-то, отборная хлесткая брань... и такой же хлесткий удар плети. У меня что-то дернулось внутри. Я кинулась на палубу.

Маро сидел с огромным котлом на коленях, пытаюсь оттереть внутри... все лицо разбито, алые полосы от плети на спине.

— Живее! — орал шкипер. — Не останавливаться!

Маро пошатывало, руки не слушались. Мало того, что к такой работе он совсем не привык, так еще и поспать, скорее всего, не удалось этой ночью.

Матросы посмеивались, наблюдая за ним.

Я кинулась было к Маро.

— Не вмешивайтесь, леди! — рявкнул шкипер мне. — Это не ваше дело!

— Мое! Я не позволю так обращаться с ним!

На моих пальцах сверкнула молния. Не знаю, что я сделаю, но бить Маро больше не позволю.

— У него договор с капитаном, он должен работать! — шкипер стоял на своем. — И у меня приказ, проследить, чтобы все было исполнено как надо.

Ужас и обреченность в глазах Маро.

— Не стоит, леди Тиаль, — тихо сказал Кавьяр, подойдя ближе.

— Стоит. Они просто издеваются.

— Подождите, не вмешивайтесь. Я улажу сам.

— Вы видели?

Кавьяр усмехнулся.

— Хотите возмутиться, почему я не вмешался? Мне нет дела до этого мальчишки. Но и разъяренные ведьмы на корабле мне тоже ни к чему. Я поговорю, успокойтесь.

Я выдохнула. Кивнула. Отступила на шаг.

И Маро опрометчиво выдохнул тоже, отставил котел в сторону. И шкипер отреагировал мгновенно.

— За работу! — проехался плетью по спине Маро.

Тот взвыл.

Я кинулась к нему, еще немного, и действительно ударила бы молнией. Только Кавьяр успел втиснуться между нами, поймал,

схватил меня за плечи.

— Прекрати! — потрянул меня, глядя прямо в глаза. — Хочешь потопить корабль? Успокойся и отойди в сторону, я пока поговорю с капитаном. А ты! — он повернулся к Маро. — взялся за работу, так не отлынивай. Раньше надо было думать, на что соглашаешься. Еще одно неверное движение, и я сам выброшу тебя за борт.

— Придержи свою цыпочку, Кавьяр! — услышала я голос капитана.

Тот повернулся, закрывая меня своей спиной.

— Не могу, — ответил громко. — Она истинная ринай, я не справлюсь с ней. Она едва ли не в одиночку перебила в горах отряд разбойников. Тебе, Хадо, лучше быть поосторожнее с ней, у нее слабые нервы.

Капитан — невысокий, крепкий тхай, с хорошим даром, между прочим, смерил меня презрительным взглядом.

— Я не собираюсь цацкаться с каждой полоумной овцой! Придержи ее. Или сделаю это сам.

— Когда она потопит корабль, ты сможешь написать жалобу императору, Хадо, — Кавьяр развел руками, показывая, что тут он бессилен. — Но разве удовольствие твоего шкипера попинать парня — стоит того? Давай, отойдем на пару слов?

Мне очень хотелось верить, что Кавьяр все уладит.

Я отступила, наблюдая, как он подходит, как что-то тихо говорит. Капитан явно недоволен. Но ведь капитану не нужны неприятности... Мне тоже не нужны, мне и так хватит с лихвой. Что бы я действительно смогла сделать? Убить человека? Вот просто так? У меня даже колени дрогнули. Еще немного, и это было бы не остановить.

Маро сидел весь красный, даже уши красные, не поднимая головы от котла, сосредоточенно скреб.

— Я сообщу императору об этом! — слышала я раздраженный голос капитана. — Тебя давно грозились превратить в камень окончательно, вот и пора!

Капитан был недоволен, но в руках себя, все же, держал.

Подозвал шкипера, что-то сказал ему. Шкипер выразительно плюнул в сторону.

— Маро... — шепнула я.

Он только зажмурился и отвернулся. Он слишком гордый, чтобы терпеть это все. Слишком гордый, чтобы позволить женщине себя защищать.

— Хакнил! — окликнул его шкипер, возвращаясь. — Капитан щедро разрешает тебе отдохнуть до обеда, а то помрешь. Бери котел, вали в камбуз, и не показывайся на глаза.

Я шагнула было за ним, собираясь помочь, хоть залечить раны немного. Кавьяр остановил меня.

— Не надо, леди Тиаль. Не сейчас. Хорошо? Он крепкий парень, с ним ничего не случится. Идите к себе.

Весь день до обеда я не находила себе места, не видя Маро, не зная, что с ним. А вдруг там, где-то в трюме, его решили убить, отыгравшись за все это. Я не знала, чего ждать. Кавьяр не пускал меня. Он сидел у дверей снаружи...

О чем они там договорились?

На самом деле, послезавтра к вечеру мы должны быть уже на месте, Маро надо продержаться двое суток. Он действительно крепкий парень, и я надеюсь... очень надеюсь, все будет хорошо.

И только когда команда отправилась обедать, Кавьяр позвал меня.

— Идем.

Маро сидел на полу, обхватив котел, сосредоточенно оттирая внутри. Дернулся, когда я вошла.

— Как ты? — тихо спросила я.

— Хорошо, — буркнул он.

— Маро...

Я не знала, что сказать. «Тебя били?» «Тебе больно?» Это и так ясно.

Просто подошла, села рядом, потянулась к нему, коснувшись пальцами волос.

Он так осунулся за последнее время, под глазами круги, щеки заросли щетиной. Богатого мальчика и сына наместника в нем не узнать. Разбитая губа опухла, ссадина на скуле и на переносице.

Он отвернулся, словно мои прикосновения были неприятны ему.

— Ну, что ты? Я пришла помочь...

Слышала, как спустился Кавьяр, сел на ступеньки.

— Не стоит, — буркнул Маро. — Обойдусь. Я ведь сам в это влез! Должен был думать!

Бросил взгляд на Кавьяра за моей спиной, думаю, эту тему они уже обсудили, его слова. Ноздри обиженно дрогнули.

— Маро, хватит... Я волнуюсь за тебя.

— Я не ребенок!

Он попытался отстраниться, отодвинуться от меня. Задел перегородку раненым плечом, дернулся снова.

— Я хочу помочь тебе. Я могу все вылечить... Ну хватит, не дергайся.

Маро отодвинулся. Я потянулась было к нему, но он вскочил на ноги.

— Не надо, не лезь ко мне! Я разберусь сам!

Его гордость задета.

— За два дня он не помрет, леди Тиаль, — отозвался Кавьяр сзади. — Может быть, даже это пойдет ему на пользу. В следующий раз будет умнее.

— Я обойдусь без твоей помощи!

Маро отступил еще на шаг, чуть не упал. Он и так едва стоял на ногах, а когда пол под ногами покачивало — и вовсе.

На перегородке, где он задел плечом, остался след крови.

— Я так не могу... — я чувствовала себя ужасно глупо и растеряно. — Маро, хватит! Я так переживаю за тебя! Я не могу на это спокойно смотреть. Что мне делать, если они убьют тебя? Пожалуйста...

Он смотрел на меня исподлобья, упрямо.

— Хотите, я прижму его к стенке, леди Тиаль, — с едкой усмешкой предложил Кавьяр. — А вы полечите его. Как барана.

— Да вы что?! — возмутился Маро.

Да пошел он! — подумала я. Упрямый, избалованный, самовлюбленный индюк. Баран, да. Я не собираюсь смотреть, как он сдохнет, не хочу, чтобы это было на моей совести.

Вот только...

— А вам это не повредит, Кавьяр, — спросила я, как можно более спокойно. — Вы говорили, что моя магия может пробудить проклятие.

Он качнул головой.

— Я его правой рукой подержу. Не волнуйтесь. Ваша магия направлена не на меня, поэтому только чуть-чуть заденет сверху, а проклятие глубоко. Не повредит.

— Подержите, — согласилась я.

Дико все это, но мне уже все равно.

Маро пытался было убежать, но даже стоять уверенно не мог. В открытом море сильная качка. А вот Кавьяр стоял на ногах уверенно, он к морю, похоже, давно привык. Маро пытался было убежать, но бежать тут некуда. Отбиваться... но драться с каменной глыбой — только отбить руки. Маро взвыл, попав Кавьяру в живот, схватился за руку. А Кавьяр перехватил и вывернул руки за спину, завалил на пол, прижал коленом.

— Готово! — сказал весело. — Можете лечить.

Маро шипел и ругался сквозь зубы.

Мне кажется, я уже схожу с ума...

Подошла, села рядом. Попыталась положить руки ему на виски, но Маро дернулся снова.

— Лучше бы ты остался дома, — устало вздохнула я.

Положила руки ему на плечи, тут ему дергаться некуда. Закрыла глаза. Я вылечу его, отдам ему столько силы, сколько смогу, а дальше пусть разбирается сам. Согласился работать — пусть работает, не выполняет договор, пусть получает по морде. Я сделала все, что могла. Он не ребенок, на самом деле! На три года старше меня. Взрослый мужчина. Вот пусть сам и выкручивает. Но моя совесть будет чиста. Да, я делаю это для себя, не для него, потому что иначе буду мучиться и страдать. И я готова признать это.

Маро еще пару раз слабо дернулся в моих руках и затих.

На самом деле, этому сложно сопротивляться. Когда такой поток силы вливается в тебя — это непередаваемо хорошо. Хочется только расслабиться и постанывать от удовольствия. Я знаю. Боль уходит, усталость уходит, все тело наполняется такой легкостью, что кажется, можно свернуть горы. То, что я могу дать — ему хватит надолго... по крайней мере, на бессонную ночь точно, даже если его заставят работать всю ночь.

Маро расслабился, начал дышать ровнее и глубже, и даже чуть потянулся ко мне...

Я бы могла дать еще, но увидела, как у Кавьяра мелко дрожит рука, которой он держит Маро, как из-под пальцев проступает кровь.

Я видела, как он пытается отгородиться от моей силы изнутри, не пустить ее в себя.

Даже так... Каменея, кожа грубеет и трескается, а когда моя магия касается ее, возвращая немного жизни, на коже выступает кровь. Это только поверхностный процесс, и как только отпустит — все пройдет, но, подозреваю, приятного мало. Кавьяр сидит зажмурившись, стиснув зубы.

Ну, хватит.

Я отпустила Маро, поднялась.

— Все, — сказала я.

Видела, как Кавьяр выдохнул, чуть закинув голову назад. Потом отпустил и поднялся сам.

— Хорошо, — сказал он, вытер об себя ладонь. — Если вы закончили, то идемте, леди Тиаль. Вы ведь еще не пообедали.

— Я, наверно, сейчас не смогу...

Когда отдаешь много силы, потом головокружение и слабость, и совсем не до еды первое время, надо подождать.

— Ничего, — сказал он. — Я схожу, принесу вам чего-нибудь. Поешьте, когда сможете.

Маро медленно перевернулся на живот, подтянулся на руках, кое-как сел. У него тоже сейчас, скорее всего, кружится голова. Но у него это пройдет быстрее. Ему бы стоило поспать полчасика, так это лучше уляжется и усвоится.

— Идемте, — сказала я.

Шагнула... и меня качнуло, то ли волной, то ли от слабости.

Кавьяр подхватил на руки.

— Все хорошо, я сама...

— Да ничего, мне не сложно, — улыбнулся он.

Потащил вверх.

И я как-то слегка разомлела, прижалась щекой к его жесткому плечу.

— А почему «как барана»? — спросила я.

Все это казалось чуть-чуть смешно... но это тоже побочный эффект, я знаю. Это меня накрывает. И даже то, как я задумчиво вожу пальчиком по каменной шее... он не дергается, позволяет мне.

Наверно, тоже понимает, что я слегка не в себе, так бывает, когда слишком много жизненной энергии проходит через тебя.

— Потому, что баранов мне тоже ловить приходилось, — говорит спокойно, голос ровный, только кадык под моими пальцами чуть-чуть вздрагивает. — Еще в детстве. И как-то приходилось банана из капкана освобождать. На волков ставили... а баран сбежал, отбился от стада... это когда я еще с пастухами ходил. И чтобы освободить — пришлось завалить его, держать крепко, сесть сверху, чтобы хоть руки свободны были. А он копытами еще отбивался, и все укусить норовил... у меня потом все руки в синяках...

И Маро — такой же глупый баран. Но я не знаю, что с этим делать.

11.

Пираты

Вся вторая половина дня прошла спокойно.

Я, по большей части, отдыхала, слабость еще не прошла. Видела, как Маро заставили мыть палубу. Он послушно тер, усердно, не поднимая головы, без разговоров. К нему, кажется, не придирались больше, но и расслабиться особо не давали.

Ничего, еще полтора дня он как-нибудь продержится. А потом... Я не очень представляла, что будет делать Маро в Тхарисе. Даже если дойдет с нами до Цитадели. Если уж решился плыть, то дойдет. Но что потом? В императорские покои его все равно не пустят. Да, сейчас у Маро есть деньги, но потом они закончатся. Что ему делать там?

Я понимала, что Маро зашел слишком далеко, чтобы отступить. Он не признает поражения. Пыталась придумать, как убедить его идти назад. Пока еще не слишком поздно. Но он тот еще упрямый баран, какие уж тут доводы?

Со всем этим у меня не хватало сил думать, что будет со мной.

Если будет война — императору нужны будут силы. А я...

Что будет...

Кавьяр принес мне ужин, сидел в кресле, пока я ела. Хотел уйти, но я попросила составить мне компанию. Не хотелось отпускать его, пусть он ничего не ест, но хоть поговорить.

Впрочем, с разговорами выходило не всегда, он больше молчал.

Я украдкой разглядывала магический узор старого ринайского заклинания, лежащего на нем. Это ведь сделала моя мать, все так знакомо, хотя под двумя другими тхайскими его линии терялись, расплываясь даже для подготовленного глаза. Чужим не понять. Но я бы могла повторить это даже с закрытыми глазами, меня учили.

Кавьяр не мешал. Хотя, думаю, он отлично понимал, как я изучаю его. Не пытался закрыться.

Я могла бы...

Это заклинание обратимо. Это заложено в его построении, нужно лишь знать, за какие ниточки потянуть, чтобы развернуть назад. Причем со слегка отсроченным финалом. Сильное начало, с резким первым ударом, так что цель сразу теряет сознание от боли. Но потом затухает... Скорее всего, именно это спасло Кавьяру жизнь, он сам или кто-то из тхаев пришедших с ним, смог это затухание задержать, заморозить, пока не попал в руки сильных магов, которые смогли сделать то, что я вижу сейчас.

Конечно, если ничего не сделать, заклинание бы убило все равно, хоть с отсроченным финалом, хоть нет, если разрушение уже началось — это слишком тяжелые раны, чтобы тело могло справиться само, без посторонней помощи.

Но...

Моя мать хотела дать Кавьяру шанс? Или... не ему?

Когда я пыталась вспомнить, у меня начинала болеть голова. И все же, где-то на краю сознания засела мысль, что били не во взбунтовавшегося против своих же лордов тхая, а в меня.

Я была заложником, и в обмен на мою жизнь требовали сдать Ойт.

А если меня, заложника, нет, то торг не имеет смысла, надо сражаться. Меня просто вывели из игры, прекрасно понимая, что если Ойт сможет победить, то меня вернут к жизни, сняв заклинание. Да, мне будет больно, но это война, и за все приходится платить... А если мы проиграем, то, возможно, лучше умереть, чем оказаться в руках врага.

Но у одного молодого тхая было свое мнение. Он видел только, что по ребенку собирается ударить родная мать, не понимая всего остального. Ужаснулся, кинулся меня защищать. Наверно, он видел в нас чудовищ.

А теперь я могла бы...

— Кавьяр, — осторожно начала я, еще сомневаясь, вдруг я ошибаюсь, вдруг не справлюсь и лишь даю неоправданную надежду. — Это ринайское заклинание, которое лежит на вас... Оно обратимо.

Он глянул на меня. Безразлично. Куда более безразлично, чем я могла бы ожидать.

— Я знаю, — сказал он. — Мне говорили.

Даже так?

— Я могу снять его. Это наша родовая магия, я знаю все тонкости.

Он покачал головой.

— Нет, леди Тиаль. Если вы снимете только его, то нарушится баланс, и я превращусь в камень. Ринайское заклинание своей силой сдерживает то, что лежит поверх. А снять два тхайских заклинания сразу — вы не сможете. И я тоже. Это слишком для меня.

Да, он уже говорил об этом.

Ни капли надежды в его голосе. Кавьяр давно уже испробовал все и не верит.

— Но когда мы приедем в Цитадель, там будет много сильных тхайских магов.

Он невесело усмехнулся.

— Нет, леди Тиаль. Я благодарен вам за это, что готовы помочь, но это невозможно.

Смотрел на меня, чуть нахмурившись, словно вглядываясь.

— Почему? — спросила я. Но, наверно, и сама понимаю... все слишком сложно... И все равно так хочется верить, что я могу что-то изменить.

— Я уже говорил, леди Тиаль. Во-первых мне нечем заплатить за услуги хороших тхайских магов. Даже свои услуги я не могу продать, потому что уже служу императору, и все мое время принадлежит ему. Но и вся ваша сила так же принадлежит императору тоже. С того момента, как ваш отец вместе с данью передал вас. На этот год вы принадлежите ему, леди Тиаль... простите, но вы должны понимать и сами. Я не имею права пользоваться вашими услугами, вашей магией,

за исключением опасных ситуаций в пути, когда от этого будет зависеть и ваша жизнь тоже.

Да...

Но ведь должен же быть какой-то способ? Я не верю, что нельзя ничего сделать! Если я могу снять первое, самое главное заклинание, которое убивает его, то дальше все должно быть проще.

— А через год? — сказала я. — Когда я буду свободна.

За год может случиться все, что угодно. Тем более сейчас.

И все же, через год я могла бы найти деньги или того, кто смог бы помочь.

— Леди Тиаль... — Кавьяр вздохнул, какое-то время раздумывал, как сказать. Потер ладонью коленку, поджал губы. — Не стоит, — наконец сказал он. — Не думайте об этом. Вы ничего мне не должны, совсем ничего. Мы с вами уже в расчете, вы тоже спасли мне жизнь у моста. Главное, не давайте сейчас никаких обещаний, потому что через год... кто знает, как все сложится. Сможете ли вы... да и захочется ли вам обещания исполнять? Если мы встретимся через год, то и обсудим снова.

Болезненная тема для него.

Я хотела сказать, что как бы там ни было, я все равно...

Не успела.

Вдруг где-то на корабле зазвонил колокол.

Тревога?

Кавьяр мигом вскочил на ноги.

— Побудьте пока тут, леди Тиаль. Я сейчас узнаю, что случилось.

* * *

— Корабль! — слышала я. — Там корабль!

— Приготовиться к бою!

— Пираты! Ринайские пираты! Приготовиться!

Я чувствовала, как корабль разом накренился, разворачиваясь. От сражения уже не уйти? Они готовят пушки? Или уже поздно?

Я ничего не понимала в морских сражениях и уж тем более не понимала, что мне делать.

Если это пираты, то мне стоит помочь команде.

Но если...

«Ринайские». Не «Сайторинские» даже.

Я слышала истории о том, как на островах, особенно на западе, где-то в лесах, еще остались дикие ринай, не пожелавшие никому подчиняться, живущие своей жизнью. Они не то что Тхарис, они даже Сайторин не признают, считая, что мы слишком далеко ушли от истинной магии и истинного предназначения.

Но я всегда считала это сказками. Мне это и рассказывали как сказки, слухи... Слишком давно уже никто не встречал диких ринай. И сейчас... нет. Эта мысль промелькнула, но я отогнала ее. Сайторинские пираты, конечно. Впрочем, не знаю, есть ли разница для меня.

Странный, все нарастающий гул, очень низкий, на грани слышимого, но отдается вибрацией во всем теле. Словно что-то надвигается. И становится страшно, потому что я не понимаю, что сейчас будет и что делать мне.

Бежать наверх?

Я уже почти готова выскочить, когда все сотрясает страшный удар. Словно мы столкнулись с чем-то огромным. Скрежет досок... и треск.

Меня сбивает с ног, я падаю. Еще пытаюсь подняться, но вдруг все накрывает оглушительная тишина.

Сначала кажется — я оглохла, так не бывает. Даже темнеет в глазах.

Но это магия. Волоски на коже встают дыбом. Мы все попали под воздействие какого-то поля, и это точно не тхайская магия. Но и не сайторинская, по крайней мере, известная мне. Это что-то особое.

Звуки... я слышу собственное дыхание, стук сердца, слышу свои шаги. Но извне — ничего.

Наверх!

Я не могу оставаться здесь, не понимая, что происходит. Может быть, я смогу помочь... Там Маро и Кавьяр, и я не могу оставить их.

У двери меня сбивает с ног новый удар. И еще. Я не слышу, но ощущаю их — толчки, снова и снова. Палуба кренится.

Вместо ночной свежести и моря — резкий запах озона и чего-то горького, словно полынь.

И гладкий сияющий купол вместо звездного неба. Нас чем-то накрыло...

Я никогда не видела ничего подобного.

Команда застыла на палубе, выхватив оружие. Они жмутся друг к другу, к капитану... в ужасе. Я вижу, как капитан поднимает руки, пытаюсь поднять щит, но магии нет. Не выходит.

Магии нет. Я не чувствую ее, все словно онемело.

Это кажется страшным сном.

Не понимаю. Это невозможно.

Тук-тук-тук. За борт цепляются крюки и что-то лезет к нам.

— Приготовиться! — голос капитана я слышу словно сквозь вату, сквозь туман. Все увязает.

— Маро! — кричу я. — Маро!

Спиной чувствую, как кто-то бежит, рывком разворачивает меня за плечо.

— Вниз! Идите вниз, Тиаль!

Он кричит, но я слышу лишь шепот.

Кавьяр.

В его руках тускло мерцает огненный меч — и все же, магия возможна.

— Что происходит?! — кричу я и сама почти не слышу свой голос. Кружится голова.

— Уходите! — требует он.

— Что это?!

— Дикие! Спрячьтесь!

— Нет!

Прятаться еще страшнее. Так я, по крайней мере, могу увидеть врага в лицо и ответить, а сидя под кроватью я уже ничего не смогу. И защититься тоже. Я останусь здесь. У Кавьяра все равно нет времени, чтобы спорить.

Там, за бортом, я с трудом различаю силуэт корабля. Он почти теряется в темноте, магия прикрывает его, но это все равно корабль, значит там люди, а не чудовища из морской бездны, какой бы чужеродной силой они там не владели. Мир огромен и я знаю далеко не все... Просто люди.

Это вдруг успокаивает.

Неизвестность пугает больше всего, но когда вещи обретают привычные черты — становится проще.

И когда по крючкам, по веревкам, по приставным лестницам, на борт лезут мерцающие фигуры — паники нет, есть готовность драться, пусть пока не понимаю как.

— Уходите! — Кавьяр последний раз пытается убедить меня, но времени нет.

— Вперед! — кричит капитан.

Все, кто могут сражаться — должны сражаться.

Кавьяр кидается в бой. Его меч охватывают огненные всполохи — не так ярко и не так ровно, как я видела у моста, но магия все равно прорывается, горит. А я никак не могу, у меня словно отнимаются пальцы.

Матросы с оружием бросаются в бой, но это больше похоже на резню. Мерцающие фигуры, в которых едва угадываются человеческие черты, кажутся неуязвимыми. Он не видит преград на своем пути. Сметая, сминая, разрубая на части. Неправдоподобно глухие звуки, вместо звона оружия — скрежет и напряженный треск. Я даже не понимаю — эти твари разрубают или разрывают людей на части. Хочется заорать и закрыть глаза.

Мне даже кажется — все это снится. Не может такого быть, слишком неправдоподобно. Слишком!

Вдруг чьи-то руки хватают меня поперек туловища и рывком назад, зажимая рот.

— Тихо! Это я!

Шепот на ухо.

Маро.

— Бежим! Прячемся! — горячо говорит он. — Это не наша битва!

Я позволяю ему подхватить себя и увести. Бегу за ним куда-то вниз, в трюм, там где хранятся запасы еды и пресной воды, мы прячемся за бочками.

— Кто они? — всхлипываю я. — Маро, я не понимаю!

— Дикие, — говорит он. — Бежим, им нужны не мы, у них свои счета с тхаями. — Скорее!

Он тащит меня вниз, у меня нет ни сил, ни желания сопротивляться. Я хочу только проснуться и не видеть всего этого.

В самый дальний угол, стараясь не думать о том, что будет, если мерцающие призраки захотят потопить корабль. Или сжечь. Что нам делать тогда? Но пока они там, наверху убивают команду — мы прячемся здесь. Сидим, обнявшись, прижавшись друг к другу, как испуганные дети.

* * *

Я снова чувствовала себя ребенком во время осады, но сделать ничего не могла. Моя сила вытекала, словно вода сквозь пальцы.

Мы слушали слабые приглушенные звуки, доносящиеся сверху. Ждали.

И дождались.

Шаги. Они спускались вниз.

— Они убьют нас? — шепнула я.

Маро обнял меня чуть крепче, прижался молча.

Потом отпустил. Поднялся на ноги, выпрямился. Я не сразу поняла, что он делает, но потом... ищет хоть что-то, что можно использовать как оружие. Но только вокруг лишь ящики и тюки с шерстью и мехами.

— Маро...

— Я с тобой, — шепнул он.

Удивительно, как это может быть важно. Я понимала, что Маро не справится, его сил не хватит, там слишком сильная магия, но он и не бросит меня, что бы ни случилось.

Шаги.

— Здесь! — услышала я.

Маро сжал кулаки, приготовившись. Он, не прячась, стоял передо мной, закрывая. Уже бессмысленно прятаться.

— Двое! Вон там.

Высокие певучие голоса. Мужские, но словно это не вполне люди... я даже не могла понять — акцент или необыкновенный тембр голоса смущает меня.

В полутьме я видела плохо. Высокие, с тонкими длинными руками и ногами, отчего силуэты казались одновременно утонченными

и пугающими. Голые до пояса — на всех лишь легкие, чуть ниже колен штаны. И босые. Узкие лица с треугольным подбородком, длинные волосы, большие глаза.

— Вот они. Тут еще тхарисец.

— Нет! — я подскочила, едва не отпихнув Маро в сторону, но отпихнуть его не так-то просто. — Он не тхарисейц!

Их пятеро. У троих в руках обнаженные мечи.

— Полукровка, — презрительно выплюнул один.

— Я сайторинец! — Маро выпрямился, как только мог. — Я с... родился и вырос в Сайторине.

Мне показалось, он хочет сказать, что сын наместника, но передумал. За спиной отца он тоже не хочет прятаться? Или подумал, что это может только повредить? Ведь наместник служит императору в первую очередь.

— Полукровка, — усмехнулись ему в ответ. — Хорошей тхайской крови совсем капля, но настоящей ринайской нет совсем. От него не будет пользы. А вот у девчонки сильная кровь.

— Нет! — я вскрикнула, схватила Маро за руку, твердо решив не отпускать. Я пока не понимала, что все это значит, но мы либо вместе, либо никак.

— Не прячься за этого парня, — сказали мне. — Выйди. Кто ты и что здесь делаешь.

Я сделала шаг вперед, но Маро не отпустила.

— Меня зовут Тиаль-Рин Найрах, я дочь Иргато Найраха из Зеленого Дома. На меня пал жребий и я отправилась в Тхарис в качестве дани, которую платит Сайторин.

— К императору? — злая усмешка в голосе. — Твоей силы хватило бы, чтобы освободиться и сбежать.

— Я не хочу новой войны, — сказала я.

— Война уже началась. Ты пойдешь с нами.

— Кто вы?

— Ринай.

Дикие. Еще недавно я считала это сказками.

И у меня сейчас нет выбора. Они уже расправились с командой, и я одна. Они убили Кавьяра... От одной этой мысли сжималось сердце. Я... не могла думать об этом. Я понимала, что иначе не может быть, они убивали всех, и его — тхая с сильным даром не оставили бы в

живых. И все равно, я не могла поверить, что его больше нет. Это неправда. Я чувствовала, что это не так, что... Или это только моя фантазия?

И сейчас, наверно, все что осталось у меня...

— А Маро? — спросила я.

— Кто?

— Он, — я крепче взяла Маро за руку, прижалась. — Он мой жених.

Слышала, как Маро скрипнул зубами.

— Жених? — им было смешно. — А как же император?

— Мы должны были пожениться, — сказал Маро, нехотя. — И я не мог оставить ее, я поехал следом. Хоть до самой Цитадели.

Ринай засмеялись, переглянулись. «Глупый мальчишка». Удар по его самолюбию снова.

— И что было бы потом? — спросил один.

— Не знаю, — мрачно сказал Маро. — Но пока мог бы, я бы остался рядом.

— И чем бы мог помочь ей?

Хватит.

— Он пойдет со мной, — сказала я. Возможно, это единственный шанс выжить.

— Ручная зверушка? — дикие ринай не воспринимали Маро всерьез. — Преданный пес? Пусть идет, от него не будет вреда.

У Маро нервно подрагивала рука.

Несправедливо с ним так, он не виноват. Он обычный человек, каких сотни тысяч по всему Сайторину, и... Там, дома, у него была власть, деньги, и отсутствие дара не казалось столь важным. Дар не слишком-то нужен в обычной жизни. Но здесь его готовы унижать за то, что он просто человек. Так нельзя...

Белое лицо и плотно сжатые губы.

— Все будет хорошо, — шепнула я.

Но Маро только болезненно зажмурился, сглотнул.

— Ты спасешь меня, да? — в его голосе обида и тихая злость.

— Мне страшно остаться одной.

Маро вздохнул судорожно.

— Я с тобой, Ти.

На палубе тихо. Только мертвые.

Я вцепилась в руку Маро со всей силы, ему больно, возможно, но у меня просто сводило пальцы. Я не могла смотреть.

И не смотреть по сторонам не могла тоже.

Мне хотелось зажмуриться.

Но поймала себя на том, что ищу взглядом Кавьяра, он должен быть здесь, среди разрубленных тел. И не нахожу. Если бы я могла пройти по кораблю и осмотреть всех, но отсюда не видно, издалека я недостаточно хорошо вижу в темноте. Меня ведут прочь.

Я пытаюсь хоть немного задержаться, вытянуть шею, потянуться своей магией, хоть чуть-чуть, сейчас я снова начинаю понемногу чувствовать, защиту прекратили подпитывать, но она еще не растаяла окончательно.

— Кого-то ищешь? — спросили меня.

Я собралась с духом.

— Эйх Кавьяр... каменный страж... Он мертв?

Ринай переглянул ись.

— Каменный? Тхай с огненным мечом?

— Да.

— Эйх... Ты называешь его по имени? — легкое удивление.

— Я знала его, когда он был человеком.

— Знала?

Возможно, не стоит, возможно, это может навредить мне. Но я должна знать.

— Он мертв?

— Он мертв уже много лет, — ринай засмеялся.

Значит нет? Сейчас — нет? Что-то не так.

— Я хочу увидеть его тело.

— Хватит, — меня толкнули в спину. — Идем.

12.

В плену

Корабль был когда-то тхариским, даже старое название «Огненный дракон» на борту осталось, никто не подумал менять. На

него перенесли все ценное содержание трюмов с «Кита», золото, меха, продовольствие. Все, что можно было унести.

Пираты. Как бы там ни было и как бы они не называли себя — но это чистое пиратство.

Нас с Маро тоже перевели на борт. Выделили даже небольшую каюту на корме. Одну на двоих.

А «Кита» сожгли.

Я еще стояла на палубе, видела, как он вспыхивает, как огонь с треском охватывает палубу, мачты... Не останется даже следов. Все кончено. Если на корабле были живые, раненные, то теперь и они обречены. Когда с треском занялись паруса, я... я не могла больше смотреть.

Наверно, именно сейчас впервые радовалась, что Маро со мной. Я не одна, как бы там ни сложилось. И я даже представить не могла, что ждет нас дальше.

Я бы не смогла пережить, если бы он остался там, на корабле. Если бы погиб. Я знаю его столько лет...

Знаю, что не должна плакать, должна быть сильной, но толком справиться с собой не могу.

— Что будем делать? — спросил Маро.

Он смотрел на меня и ждал. И я не могла просто расплакаться перед ним.

Вдруг подумала, что если бы здесь был Кавьяр, я бы запросто порыдала у него на груди, и стало бы легче. Я могла бы спрятаться за его спину. А сейчас... Дело даже не в даре, просто Маро сидел и ждал какого-то решения от меня.

А у меня никакого решения не было.

Я ходила по каюте от стены к стене.

— Ти, может быть, так лучше? — сказал он. — Они же свои. Они не убьют нас. Это лучше, чем попасть... к императору.

Он чуть замаялся, но я и так знала все, что он хотел бы сказать. «В постель к императору». Кто знает еще, что нас ждет здесь.

— Зато мы вместе, — сказал Маро.

Ему казалось — он своего добился и теперь я буду с ним. Теперь даже Кавьяра нет, никто больше не мешает.

Ком стал в горле.

Я не могла ничего ответить, только покачала головой. Подошла к стене, прислонилась лбом... Сил не было. Здесь магия возвращалась снова, но немного кружилась голова.

— Мы вместе, Ти, — Маро подошел ко мне, обнял сзади, подбородком к моей щеке. — Все будет хорошо.

Я шмыгнула носом.

Поняла, что что-то не так. Я не могу расслабиться, как раньше, в его руках, что-то заставляет сжаться. Даже попытаться освободиться.

— Что? — спросил Маро. Капелька раздражения, он видел это.

— Маро, я... — замерла, пытаюсь понять, что со мной происходит. — Я не знаю. Прости.

Он мой жених, еще недавно нам было хорошо вместе. И он не сделал ничего такого, за что мне действительно стоило бы обидеться на него, отвернуться от него. Он поехал за мной, он... Да, не все получалось так, как ему бы хотелось, да, у него не было опыта, не хватало сил справиться. Но он делал это чтобы быть со мной.

— Они не разлучат нас, — шепнул Маро на ухо, с нажимом. — Ты для чего-то нужна им, тебя он не тронут. Ты точно для них своя. А я... — почувствовала, как он облизал губы. — Если бы они хотели убить меня, то убили бы. Если бы не доверяли, легко бы связали и отправили в трюм. Но они даже позволили нам остаться вместе.

Ему лучше держаться рядом, так он в большей безопасности.

Его пальцы нежно гладят мой живот.

Еще недавно я сама хотела выйти за него замуж. Я не невинная девочка и уж этими ласками не удивить...

И все же — что-то не так. Я не могу.

— Маро, — осторожно попыталась вылезти из его рук. — Не надо... не сейчас.

— Почему? — он не отпустил, только обнял меня крепче.

— Не могу... — я не знаю, как объяснить. — Не здесь, Маро. А если кто-то войдет?

Он фыркнул.

— Помнится, даже гнев твоего отца не слишком пугал тебя. А тут? Думаешь, они не понимаю, чем мы будем заниматься вдвоем. Ты ведь моя невеста.

Или уже нет?

Если к императору ехать не надо, больше не выйдет, то значит ли это, что Маро снова имеет права на меня? Я ведь не отказывалась от него. Ничего такого.

Мне не в чем упрекнуть его, он именно такой, какой был всегда.

— Я не могу, Маро. У меня... кружится голова... не сейчас...

— Да брось, — он не дал мне отстраниться, развернул лицом к себе, обнял крепче. — Тебе просто надо расслабиться. Тяжелый день. Все хорошо, Ти.

Потянулся поцеловать меня.

Его теплые губы, нежные... Я так привыкла к его поцелуям, мне нравилось это. Еще недавно. Что же сейчас?

Попыталась упереться ладонями в его грудь, оттолкнуть.

Он сделал вид, что не замечает этого.

— Расслабься, Ти. Ну, что ты? Нам ведь всегда было хорошо. Что с тобой? Я пожертвовал всем в своей жизни, чтобы быть с тобой. А ты...

Он так говорил это, что я чувствовала себя виноватой. Я отказываюсь от него, от его любви. Он поехал за мной на край света, ни на что не надеясь. И сейчас, когда мы можем быть вместе, я...

Что я делаю?

Я не смогу вырваться, если только не применю магию. Физически Маро куда сильнее, он мужчина. А магией... что если ринай почувствуют, придут сюда. И как я тогда буду объяснять? Я ведь не хочу Маро зла.

Его пальцы поглаживают меня так настойчиво...

— Пожалуйста, — тихо говорю я. — Маро, не надо. Не сейчас. Мне правда очень нехорошо, я не могу... Я вовсе не гоню тебя, пойми, я... — чуть выдохнула, попыталась улыбнуться, погладить его щеку. У него такое измученное лицо, ему ведь нелегко пришлось в последние дни... щетина колючая... — Я очень хочу спать, Маро. И я была очень рада, если бы ты просто полежал со мной, обнимая во сне. Мне действительно нужно расслабиться и отдохнуть, но...

— Я люблю тебя, Ти, — горячо шепнул он. — Я пойду за тобой куда угодно, я сделаю все... Я так скучал без тебя.

Просьба, но такая настойчивая.

А я сама не знаю, чего хочу.

— Маро... мы ведь теперь будем вместе, правда? Мы вместе, нам некуда торопиться.

Он вздыхает. Очень долго молча смотрит на меня, мне в глаза. Я очень надеюсь, что он понимает все правильно. Так упрямо, почти обиженно, поджимает губы. Правильно понимает.

— Вместе, — говорит, наконец. — Ладно... Не бойся меня, Ти. Пойдем спать.

13.

Чужой берег

Два дня. Я не знаю, куда мы плыли. Нас не выпускали из каюты, я могла только смотреть в небольшое окно. Но кругом море.

Нам приносили еду, воду чтобы умыться, все необходимое. Мы только вдвоем.

Маро держался долго, до самого вечера. Мы говорили, играли в загадки, как в детстве, но это не могло продолжаться бесконечно.

Он просто сгреб меня в охапку и прижал к кровати.

— Ну, — сказал он, когда я напряглась, попыталась освободиться, — объясни мне, что не так.

Я объяснить не могла, сама не понимала.

— Тогда почему, Ти? Почему ты отталкиваешь меня? Что я неправильно делаю? Скажи мне, я постараюсь... Ты нужна мне. У меня больше никого нет, кроме тебя. Возможно там, куда нас везут, меня убьют, я ведь наполовину тхарисец, ты ведь слышала. Все, что осталось у меня — только здесь и сейчас, только ты. Может быть, только одна ночь. Не отказывайся от меня... или хоть объясни. Я подожду, если надо, не хочу давить на тебя. Но я не знаю, есть ли у меня время, чтобы ждать и есть ли в этом смысл.

Нетерпение в его глазах. Нет, ждать он не хочет, хочет получить свое прямо сейчас. Если только не будет веской причины... но ее нет. Я даже не могу сказать, что его ласки неприятны мне.

— Не знаю, Маро.

— Твой страж мертв, Ти. И даже если бы он не был мертв сейчас, он мертв давно. Он не человек, не мужчина, ему все равно. А я здесь,

живой, и я люблю тебя. Разве я не заслужил...

Он потянулся ко мне за поцелуем. Сначала осторожно, едва касаясь губами, потом все более требовательно. И я не смогла оттолкнуть больше. Это же Маро, мне ведь всегда было хорошо с ним, он всегда честно старается делать так, чтобы мне было с ним хорошо. Его теплые руки уже полезли под мое платье, пока совсем осторожно, касаясь кончиками пальцев...

Я вдруг подумала — кто знает, как сложится. Смогу ли я вообще остаться живой после всего этого... И Маро, возможно, единственный человек, которому не все равно, который рядом. У меня никого больше не осталось. Я обняла его, чуть всхлипнула...

— Маро...

Он выдохнул. Его пальцы чуть сжали мое бедро, он прижался крепче.

— Я люблю тебя, Ти.

* * *

Что-то изменилось. Как-то на рассвете я почувствовала это, даже прежде чем услышала и смогла что-то разглядеть.

Маро спал, устав за ночь, раскинув руки на нашей узкой кровати, почти по диагонали, затаскивая во сне одеяло на себя. Но и я, совсем не смущаясь, могла пихнуть его в бок, чтобы подвинулся, сама закинуть ногу на него, чтобы было удобней лежать. Я знала его так давно... Не могу сказать, что он мне как брат. То, что было этой ночью далеко от братской любви. Но с ним было легко.

— Маро! — я толкнула его.

Он сонно поморщился, буркнул что-то.

Я толкнула сильнее.

— Что? — не открывая глаз, спросил он.

— Не знаю, — сказала я. — Кажется, мы приплыли. Что-то происходит там. Кажется, рядом земля.

— Хм, — сказал он. Потер глаза, вылез из-под меня и сел на постели. — Уверена? Тогда нам, наверно, стоит одеться? Вдруг за нами придут.

Он вылез из кровати, выглянул в окно. С нашей стороны земли было не видно, но я видела чаек, летающих над водой. Если чайки — то мы не в открытом море.

Умыться, одеться... Маро торопился, словно боялся не успеть. Прихорашивался, как девушка. Я только потом, на берегу, смогла оценить, а он, видимо, понимал.

Тщательно разгладил все складочки на одежде, долго приглаживал волосы, поглядывая на свое отражение в воде. Раз десять пробурчал на тему того, что нечем побриться.

— Да брось, ты и с бородой хорош, — усмехнулась я. — Словно на свидание собираешься.

Маро глянул на меня с подозрением.

— Лучше постараться произвести хорошее впечатление, — сказал он.

— Что ты знаешь о них? — спросила я.

— Немного, — сказал Маро. — Это ринайская ветвь чистой крови, без примеси крови обычных людей. Ты же видела — они не люди, не такие, как мы. Я слышал, они не хотят связываться с нами, наши проблемы — наше личное дело. Они не участвовали ни в одной войне, считая себя выше этого. Не знаю, чего они хотят теперь. Но если забрали нас к себе, то мы им зачем-то нужны.

Бросили якорь. Я слышала всплеск, потом, как натянулась цепь, чуть дернув. Мы на месте? Шаги за дверью.

— Выходите! — велели нам.

Перед нами остров... да, я думаю остров, он выдавался вперед длинным мысом, мы стояли довольно далеко от берега, никакого причала тут нет и в помине. Возможно Южный Сайторин, потому что солнце недавно встало слева от нас, а перед нами земля... Я не видела никакого поселения на берегу, так, словно мы должны высадиться в лесу. Или так и есть?

Мелькнула даже мысль, что нас сейчас высадят на пустом острове и бросят.

Но если приглядеться — там вдалеке, на песке у воды стояли люди.

Нас посадили в лодку. Еще несколько ринай плыли с нами. Только сейчас, при дневном свете, я могла их по-настоящему разглядеть.

Высокие, стройные все как один. Нечеловеческие пропорции, как тела, так и лица. На первый взгляд почти люди, но чем больше смотришь, тем яснее понимаешь, как сильно они отличаются. Другой разрез глаз и сами глаза огромные, широкая, чуть приплюснутая переносица, мягкие четко очерченные губы, маленький подбородок. Даже в суровых мужчинах, воинах однозначно, было что-то неуловимо-женственное. Изящество. И крепкие плечи, жилистые руки вместе с тем.

Каждый из них обладал даром — в большей или меньшей степени, но сильный дар у каждого из них.

На самом деле, мне было слегка неловко в окружении полуголых мужчин. А их, совершенно точно, не смущало ничего. Один из них протянул мне руку, помогая спуститься в лодку, и когда я чуть не споткнулась — подхватил на руки, отнес и усадил на место. Пока нес, я почти касалась щекой его обнаженного загорелого плеча, и это заставляло меня краснеть.

Я пыталась спросить, что с нами будет, но мне сказали лишь, что я все узнаю, когда придет время.

Вслед за нами спустили вторую лодку. И я... не удержалась, всхлипнула. Даже лицо руками закрыла, пытаюсь справиться с чувствами. Только сейчас, наверно, поняла, как это было важно для меня.

На вторую лодку спустили клетку. В клетке человек. Эйх Кавьяр.

Слышала, как Маро фыркнул с какой-то долей сожаления и злости, он-то надеялся, что с Кавьяром давно покончено. Впрочем, то, как это выглядело сейчас — оставляло мало надежды.

Клетка была маленькая, в ней даже встать в полный рост невозможно, приходилось пригибаться. Узкой, едва шире плеч. Руки прикованы у самого верха, не опустить, не присесть. И еще — на клетке было поле, подавляющее любую магию. Для человека, на котором постоянно лежат три сильных заклинания, находящиеся в хрупком равновесии — это непростое испытание.

Глаза Кавьяра закрыты. Я даже не могла понять, в сознании он или нет, но ему совершенно точно было очень плохо, когда клетку потряхнули, голова мотнулась в сторону...

Я понимала, что меня, скорее всего, не тронут, не сделают ничего плохого. Возможно, не отпустят, но и не убьют. Понимала, что к Маро скорее всего будут относиться снисходительно, он человек и он почти свой, даже если с каплей тхайской крови, но... надеюсь, его не тронут. Но Кавьяр — приближенный императора. Он настоящий тхай, и он слишком много знает, чтобы просто убить. Тхай умеют поднимать и допрашивать мертвых. Ринай действуют иначе, но сейчас мне казалось, что смерть не самое страшное...

— Он покойник, так или иначе, — сказал Маро.

Я глянула на него так, что Маро усмехнулся.

— Он враг, Ти.

На берегу нас ждали.

Трое ринай, таких же, как на корабле.

* * *

— В пределах острова вы можете быть свободны, леди Тиаль.

Лорд Гхаро-Син Диарх смотрел на меня с высоты своего роста так, что становилось не по себе. Если его воины казались не вполне людьми, то он и вовсе не был человеком. Огромные глаза, нечеловеческие пропорции, кожа с голубоватым отливом и рога. Я никогда не видела такого раньше, хотя слышала... думала, это сказки. Небольшие, чуть изогнутые, но совершенно настоящие рога. Истинный ринай древней крови.

Длинная струящаяся светло-голубая туника на нем и синие бриджи — вот и весь королевский наряд. Он не называл себя королем, хотя, по сути, был им. Верховным лордом.

Он разглядывал меня, и, казалось, знал обо мне все.

— Зачем я здесь?

— Вы бы предпочли остаться на корабле?

Сарказм. Остаться и умереть? Сгореть вместе с мертвыми?

— Считайте, что вам спасли жизнь, леди Тиаль. И будьте благодарны.

Он мягко улыбался.

— Я благодарна, милорд, — так искренне, как только могла. — Но домой я вернуться не могу?

— Нет. По крайней мере, пока все не закончится. Вы не пленница, леди Тиаль. Но должны понимать, что о нас и о том, что случилось не должно стать известно. Когда мы покончим с Тхарисом, вы сможете уйти. Или остаться с нами, если пожелаете. У вас хорошая чистая кровь, со временем вы могли бы стать одной из нас.

И отрастить рога, да...

Почему-то «покончим с Тхарисом» — пугало. Это война не за земли, не за золото, это война на уничтожение. Постоянные разговоры о чистой крови... словно это может что-то важное сказать о человеке. Словно чистая кровь — это единственное, что важно.

— Благодарю, милорд.

Я склонила голову, сейчас лучше не спорить.

— Что-то смущает вас?

Я подняла голову, глядя прямо ему в глаза. Ослепительно-лазоревого, словно море на отмели в ясный день. Но кроме глянцевого блеска в глазах лорда не было ничего.

— Не знаю, лорд Гхаро, — сказала честно. — Вся моя жизнь так сильно изменилась за последнее время, что я... в замешательстве. Я не понимаю, на что мне опереться и что дальше будет со мной. Я впервые одна так далеко от дома.

Улыбка на его губах — словно улыбка фарфоровой куклы, нарисованная, нечеловеческая. Или это все от того, что сложно прочесть привычные эмоции на столь чуждом лице.

— Понимаю, леди Тиаль, — кивнул он. — Но здесь вы не одни. И с нами вы можете найти ту опору и обрести истинный путь. Мы поможем вам.

Отчего-то бросало в дрожь. Я изо всех сил старалась не показывать этого, улыбаться в ответ. Но истинная высшая ринайская магия — это и магия разума в том числе. Вот, что пугало больше всего. Этим мало кто владеет, но это есть. И лорд Гхаро, думаю, владеет в полной мере.

Хороший маг мог бы не просто залезть в голову, прочтя все мысли, все сокровенное, не просто заставить делать то, что он потребует. Но и убедить, что я сама этого хочу. Моя память, мои

взгляды на мир, мои желания... все это можно изменить так, что я даже не замечу. Так, что я перестану быть собой.

Очень надеюсь, что моя сила защитит меня. Я буду готова.

Но у того же Маро защиты нет.

Я даже сейчас чувствую волны сияющей, расслабляющей благодати, исходящей от лорда. Но пока эти волны обходят меня стороной. Но эти волны, как минимум, усыпляют бдительность, заставляют доверять. И кто знает, что еще.

— А что будет с Маро? — спросила я.

— Маро? Это тот полукровка? Зачем он вам?

Внутри нехорошо сжалось.

— Мы выросли вместе. Я знаю его всю жизнь. Я не хочу, чтобы с ним случилось что-то плохое.

У лорда чуть заметно дрогнула верхняя губа, презрительно.

— Он не опасен для нас, хотя и пользы никакой нет. Все же, он наполовину тхайрисец... Но если принесет клятву верности, то может остаться. И если, конечно, вы готовы поручиться за него.

— Он принесет клятву, — поспешила я. — Он сайторинец, он родился и вырос в Сайторине.

— Этого не всегда достаточно, — пожал плечами лорд Гхаро. — Кровь иногда сильнее.

Кровь?

Маро ведь не выкинет никакой глупости? Не сейчас... Я готова поручиться за него и сделать все, что угодно, но... Маро бывает несдержан. Я волнуюсь за него.

Но больше всего я волнуюсь... я даже не уверена, что готова сказать это вслух. Не уверена, что о нем можно спрашивать, что это не навлечет на нас с Маро беды. Ринайский лорд видит меня насквозь.

— А тот тхай? — все же спросила я, невольно выпрямилась под его взглядом. — Каменный страж. Что будет с ним?

— Вам не стоит беспокоиться о нем, — лорд ухмыльнулся как-то особенно проникновенно, словно голодная кобра. — Если он расскажет нам все, что мы хотим узнать, то умрет быстро. Мы найдем подход в любом случае, но тхай часто упрям.

Щедрое предложение

— Здесь не так уж плохо, — Маро улыбался, но немного натянуто.

Нам отвели небольшой домик, один на двоих.

Раньше я и представить себе не могла, что женщине позволено открыто жить с мужчиной, который не является ее мужем. Здесь все иначе. И дело даже не в том, что слишком свободные нравы... нет. Дело скорее в том, что они не видят в Маро равного себе. Не видят в нем человека. Скорее вещь, принадлежащая мне, и я могу делать с ним все, что захочу. Могу держать у себя дома, могу выкинуть на улицу.

Мне объяснили условия, на которых разрешат Маро оставить.

Мне становилось плохо от всего этого. Но лучше ему скажу я, чем... Я боялась, если он услышит подобное от одного из этих ринай, если это будет неожиданно, то просто сходу пошлет. И его убьют на месте.

Я и так не была уверена. Его гордость...

А домик неплохой — чистый, светлый, высокие потолки... Здесь почти нет прямых линий, словно деревья сами сплелись. Никакой роскоши, даже пол устлан мягкой сухой травой, но удивительно уютно, тепло. Истинные ринай ценят гармонию с природой, и природа отвечает им взаимность. Таких домов я видела здесь десятка три.

Небольшое поселение, которое нельзя увидеть, пока тебя не пригласят, завеса непроницаемая. Дикие ринай хорошо умеют скрываться от людей. Интересно, много ли рядом таких поселений?

Уйти отсюда нельзя.

— А ты видела, как здесь ходят девушки? Не хочешь попробовать так же, Ти? Уверен, тебе пойдет.

Маро пытался казаться веселым и беззаботным, но я слишком хорошо знаю его, вижу, что места себе не находит. Он еще не знает, что его ждет.

— Нет, не хочу, — сказала я.

Большинство девушек ходит с обнаженной грудью. Длинная легкая юбка, с разрезами до бедра, так, что и ноги почти ничего не скрывает. Когда Маро увидел впервые — у него глаза полезли на лоб, едва ли не слюни потекли. Потому что девушки ринай не только почти

не одеты, но и сказочно красивы — тонкие, гибкие, каждое движение словно танец. Они тоже откровенно, не стесняясь, разглядывали нас.

— Ладно, Ти, — Маро вздохнул. — И чего этот рогатый хотел от тебя?

Мне нужно собраться с духом.

— От меня — ничего особенного. Он говорит, что я могу остаться и жить здесь. Они примут меня как одну из них. Я тоже ринай. Но и уйти мне не позволят.

— Хорошо, — Маро чуть заметно сглотнул, поджал губы. — А я? Глубоко вдохнула. Как начать?

— Они говорят, ты полукровка, Маро. Тхайская кровь. Совсем мало, но они считают, эту кровь порченной.

Маро сжал зубы. Кивнул.

— Они убьют меня?

Он почти готов к такому исходу.

— Маро... Нет. Они готовы доверять тебе самому, если ты принесешь присягу...

Я замялась.

— Да, — сказал он. — Я сайторинец, не вижу в этом проблемы. Я принесу присягу. Но... Ти, это ведь не все?

Я покачала головой.

— Они очень щепетильно относятся к вопросам крови. Слишком ненавидят тхаев. Они не хотят, чтобы кто-то смог наследовать тхайскую кровь. Они хотят сделать так, чтобы ты не смог передать это своим детям.

— Что они хотят сделать?

Маро вытянулся, щеки побелели.

— Они хотят сделать, чтобы ты не мог иметь детей.

Щеки Маро пошли красными пятнами.

— Они... — он кашлянул, голос дрогнул. — Они хотят сделать из меня евнуха?

— Нет, Маро! — поспешила я. — Это не совсем так! Это магия. Это никак не изменит твою жизнь, ты... никак не изменит, Маро. Ты все так же можешь... Это не повлияет на твои отношения с девушками. Никак. Просто...

Просто детей не будет.

Я не привыкла к таким вещам. Не знала, как лучше сказать.

Маро стоял передо мной, краснея, бледнея, его все отчетливее трясло.

Единственный сын наместника, которому досталось бы все.

Это унизительно, да. Когда лорд Гхаро сказал мне, я спросила: зачем, ведь ни одна ринайская девушка не забеременеет случайно, если не захочет того. Если есть хоть капля дара, то этому учат, лишь только девушка начинает взрослеть. Как лечить, так и оберегать тело от всего нежелательного... А дар здесь есть у каждой. Зачем?

Рогатый лорд сказал мне, что это неправильно. Сказал, что если ринайская девушка захочет развлечься с ним, а Маро вполне симпатичный парень, то это должно быть безопасно. Зачем думать об этом и что-то предпринимать каждый раз, когда можно позаботиться заранее. Так проще. И если Маро хочет остаться, он должен это принять.

Он стоит передо мной, и у него мелко дрожит подбородок.

— А если я откажусь, Ти?

— Они убьют тебя.

Нет другого выхода.

— И ты позволишь им? — сквозь зубы поинтересовался Маро.

— Я? Маро! Что я могу сделать?

Даже опешила от такого. Я хотела бы что-то сделать, но как? Я такая же пленница.

— И ты будешь просто стоять и смотреть, да? — зло поинтересовался он. — Позволишь им?

— Маро... — я не знала, что сказать.

Мне хотелось расплакаться, было обидно. Что я могла сделать?! Я хотела, но не могла. Как? И все же, под взглядом Маро я чувствовала себя виноватой. Словно я отвечаю за него, словно я должна.

Я ведь пыталась.

Пыталась убедить лорда Гхаро. Он спросил — разве я не желаю уничтожить тхаев окончательно? Они ведь убили мою мать. Я... не так... Не так, но... Что если он разозлится и решит убить нас обоих.

— Ты с ними заодно, да, Ти? — злость.

— Нет, Маро...

Я попыталась подойти, шагнула вперед... я не знаю... я хотела дотронуться до него, обнять, объяснить... Маро дернулся назад так, словно я хотела ударить. Бросился прочь. В другую комнату. Схватил

стул, со всей силы шарахнул его об стену, так что щепки посыпались... Схватил что-то еще...

Я боялась, что кто-то услышит, разозлится, что он ломает тут все.

Я боялась подойти, попасть под горячую руку.

И все же... я смотрела на него и понимала — он согласится. Ему тяжело это принять, но такая бурная ярость лишь потому, что он сам не видит другого выхода. По крайней мере, Маро будет жить.

15.

Клетка

Мне разрешили прийти сюда на второй день. Разрешили принести ему воды — пищи каменному стражу давно не требовалось, но вода еще нужна, особенно притом, что он потерял много крови.

Его до сих пор держали в клетке, но другой, побольше. И все равно руки прикованы и вздернуты вверх цепями, так что он почти висел на них, ноги подгибались. И клетка точно так же глушила любую магию. Его боялись. Он единственный на корабле, чья магия смогла хоть как-то пробиться сквозь завесу ринай. Даже моя ринайская магия не справлялась, а уж тхайскую завеса должна была глушить полностью. Его огненный меч произвел впечатление. Это тем более невероятно, если понимать, что тхайская магия — идет от сердца, от эмоций, а не от разума, как магия ринай. Лучше всего тхайскую силу питает ненависть... ну и любовь... но любовь мало поможет в войне. Да и какая любовь может быть...

Боевая ярость.

Лорд Гхаро сказал мне, что да, это удивительно. Сила стража должна была затухать со временем, мертвые не испытывают эмоций и магию уже нечем питать. Но либо раньше, когда бы полностью жив, его сила была поистине невероятной, либо... ненависть к ринай еще слишком сильна. Ненависть живуча.

Он опасен.

Именно поэтому его держали в клетке, прикованным, в полузабытье...

Приближенный императора — он знал много такого, чего хотели бы знать эти лорды, готовясь к войне, но отказывался говорить. Весь прошлый день из него пытались выбить информацию силой, но мертвый почти не испытывает боли, совсем не так, как живой. А страха, похоже, не испытывает совсем. Смириться с этим ринайские лорды не могли.

Тогда послали меня.

Мне сказали: «поговори с ним, убеди его». Но это смешно. Что такого я могу сказать?

Я стояла перед клеткой с кувшином воды в руках.

С него сняли всю одежду, я могла отлично видеть, где на теле проходит граница полного окаменения. И все заросшие камнем шрамы, обнажившиеся кости на левой руке, сколы на плече... Черную вязкую кровь на губах. Кровь в трещинах на коже.

Я видела, как баланс заклинаний на нем нарушен, все пришло в движение, но мешает друг другу, что-то глушит клетка, что-то сломали, пытаюсь допрашивать его. Даже представить не могла, что он чувствует. Впрочем, может быть, не чувствует ничего, где-то должна быть та грань...

Смотреть все равно было больно.

Я долго стояла рядом, не решаясь позвать его, не решаясь начать.

Потом он сам поднял голову, глянул на меня.

— Я... — замялась, дрогнули губы. Что я могла сказать.

— Как ты, Тиаль? — сказал он. Голос глухой, совсем чужой, словно песком царапает.

— Хорошо, — сказала я, сжала зубы, чтобы не всхлипнуть, чуть переждала, досчитав до пяти. — Я принесла воды.

Его живой правый глаз совсем мутный и красный, наверно, не видит уже.

— Не надо, — сказал он.

— Ты не хочешь пить?

Его губы дрогнули, подобие неуклюжей улыбки.

— Зачем? — сказал он. — Лишь тянуть время.

Мне говорили, он постоянно пытается вытянуть то заклинание, что превращает в камень. Провалиться в это состояние смерти окончательно. Надежды для него нет, только возможность закончить поскорее. Незачем цепляться за жизнь.

— Я... — поняла, что дрожат руки. Так несправедливо. — За что они так?

Он долго смотрел на меня, на то, как кувшин с водой прыгает в руках, я не знаю, что делать, не могу уйти и остаться тоже не могу. Он с усилием ухватился за цепи, попытался подтянуться, встать на ноги, но ноги почти не держали, суставы не гнулись.

— Не надо, Тиаль, — сказал он. — Все хорошо. Они хотят, чтобы ты убедила меня рассказать все. Но ты не убедишь, это невозможно. Иди. Ты... Не стоит, Тиаль.

Я все же всхлипнула, громко. Кувшин дернулся в руках, я поставила его на землю, чтобы не уронить. Шагнула ближе, взявшись за прутья клетки.

— Они не могут так с тобой... это несправедливо. За что?

Он попытался облизать губы, но даже язык пересох давно. Он...

— Тиаль, посмотрит на меня, — голос вдруг стал жестче, резче. — Я — враг. То, что мы не успели столкнуться на поле боя, ничего не значит. Началась бы война, и мы оказались бы по разные стороны. Мы уже оказались. Я вез тебя как дань, как вещь для своего императора. Не вздумай жалеть меня. Не случись этого, я бы пришел на твою землю, убивать твоих друзей, твоих родных. Ты просто наивная девочка и ничего не понимаешь.

Я понимаю. Он прав. Но все равно...

Только покачала головой.

Есть в этом что-то еще, то, чего не понять разумом, только сердцем.

— Они не отступят, — сказала я.

— Они только теряют время. Мне уже давно нечего бояться и нечего терять.

— Так нельзя...

— Ты думаешь, я поступил бы с ними иначе, если бы мне нужна была информация? Они боятся. Однажды уже видели огненного дракона на поле боя и боятся, что это повторится. Это страшная мощь, — его губы растянулись в улыбке, кривой, нечеловеческой. — И они не знают, откуда эта мощь берется.

— Ты знаешь? — я не удержалась, наверно, не стоило сейчас такое спрашивать.

— Я — знаю, — согласился он. — Но даже если скажу — светлым лордам это ничем не поможет. Они не поверят мне.

— Тогда почему ты молчишь?

Если эту информацию все равно невозможно использовать? Если нечего скрывать? Зачем?

Он пожал плечами, как мог.

— Это ничего не изменит для меня.

Прекратит страдания? Я понимала, что его душа еще жива, но тело почти полностью мертво, он не чувствует боли, или чувствует, но совсем не так. Он не признается, они не отступят. Упрямство? В этом он ничем не лучше Маро.

— Тиаль... — сказал он. — Иди. Тебе нечего делать здесь. Не стоит...

* * *

— Мне кажется, вы не поняли, леди Тиаль, — лорд Гхаро вежливо улыбался, но от этой улыбки пробирал озноб. — Я просил поговорить с ним, убедить выполнить наши требования. Вы этого не сделали.

— Я говорила.

Знаю, что говорила не о том.

Он покачал головой с таким видом, словно я была маленьким ребенком, стащившим конфету перед обедом, скорбно и снисходительно.

— Вы даже не попытались убедить. Возможно, вы не понимаете, как это серьезно?

— Боюсь, мне нечего сказать ему.

— А того, что дракон проснется снова, вы не боитесь? — лорд удивленно поднял бровь. — Вы слишком молоды, не видели, как это было. Но ваш отец был там. Неужели вам не рассказывали?

Отец не говорил никогда, но я слышала от людей, вернувшихся с ним. Нет, он не учувствовал в сражении, не успел, он был там позже, спустя неделю. В сражении под Хортой никто не выжил, ни своих, ни чужих. Не осталось даже тел погибших, сама земля спеклась в черное стекло. Те, кто наблюдал это издалека, рассказывали, как небо

полыхало огнем, едкий дым заполнил все, так, что было невозможно дышать. Землю на много миль вокруг покрыло пеплом... как в песне — крупные хлопья пепла, подсвеченные розовым, падали на закате, словно лепестки на могилы...

Дракона удалось остановить, но он сам убил слишком многих.

Если есть хоть небольшой шанс, что это повторится, мир может быть обречен.

Отец считал, что нужно любыми силами избежать новой войны. Он считал, что нам нужен мир с императором. Но были и такие, что считал, что пока император жив, мы не можем быть в безопасности. И даже больше. Если тхайская магия позволяет такое, все тхай должны быть уничтожены.

Однажды я тоже попыталась повторить ему эти слова, о том, какое это зло... Отец хмуро посмотрел на меня и покачал головой. Он сказал, что все помнят тот огонь, но мало кто хочет вспоминать, что Хорта была ответом на Таруфу. Небольшой тхариский город, отчаянно сражавшийся, но занятый сайторинскими войсками. Сожженный и разграбленный. После того, как войска ушли — город опустел, не уцелел никто. Хорта — сайторинский город. Жители видели, как дракон сделал круг над стенами, прятались в ужасе, думая, что пришла смерть. Но город остался нетронутым.

Я могла бы сказать... но, боюсь, рогатый лорд знает все сам, и ему не нужна такая правда.

Возможно, бояться стоит не императора.

Возможно, я сама не понимаю слишком многого. Но как понять?

— Мне рассказывали, лорд Гхаро, — тихо сказала я.

— Разве вы хотите, чтобы такое повторилось? Хотите, чтобы дракон проснулся и сжег Сайторин?

— Нет, — совершенно искреннее сказала я. — Конечно, нет. Но как я могу убедить его?

Губы лорда чуть тронула улыбка.

— Он не настолько мертв и ему не настолько плевать, как он хочет показать это. Если он не боится за себя, пусть подумает о своих близких.

— Что? — мне даже не по себе стало. — У него никого нет.

Лорд Гхаро покачал головой.

— У любого человека есть привязанности, леди Тиаль. У кхая тем более, они не могут одни. Семья... пусть даже его родители умерли, но кто-то остался. Друзья. Люди, которые ему дороги. Их не так сложно найти.

Почти насмешка. Он ухмылялся, словно сытый кот, с превосходством. Он найдет.

— Нет...

— Ставки слишком велики, леди Тиаль. Я не могу рисковать. Вы должны понимать это.

Боюсь, я понимаю слишком хорошо.

— И еще одно, леди Тиаль, — сказал лорд. — У вас на пальце кольцо. Вы знаете, что это такое?

— Да, — сказала я. — Это защита.

— Оно тхайское.

— Да, — сказала я. — Но это пассивная магия. Однажды оно спасло мне жизнь, и оно дорого мне.

— Тхайская магия опасна, леди Тиаль. И, в первую очередь, опасна для вас. И пассивная магия — тем более, она действует исподволь, незаметно. Она меняет вас. Вы должны избавиться от кольца.

— Избавиться? — сказала я. — Как?

— Отдайте его мне, и я найду способ.

Мне стало даже смешно. Очень страшно и смешно одновременно. Потому что он не отступит.

Особенно страшно то, что я чувствую, как лорд Гхаро пытается убедить меня. Как нити его магии клубятся надо мной, пытаюсь проникнуть под защиту. Да, у меня достаточно личной силы, чтобы защитить себя от подобных попыток, но личная защита стоит усилий и постоянного контроля, который нельзя ослабить даже во сне. Сейчас я видела, как кольцо тоже прикрывает меня, помогая. Но я не знала, где предел прочности у этой защиты, и на что способен рогатый лорд чистой крови. На что он готов пойти.

— Я не могу сделать этого, лорд Гхаро. Это очень ценный артефакт, принадлежащий моей семье, и я не могу отдать его человеку, которого едва знаю. Кем бы вы ни были. Это невозможно. Думаю, вы понимаете, что не можете забрать силой. Скоро война, и мне нужна

защита. Кольцо не всесильно, но от многих бед оно сможет защитить меня.

— Такое кольцо можно снять только с мертвого. Или отдать добровольно.

— Оно способно навредить вам куда больше, чем помочь, — сказал лорд мягко. — Разве вы не видите, как кольцо действует на вас?

Не дает ему проникнуть в мой разум? Насколько я могу сказать, что вижу это? Или лучше притвориться наивной девочкой?

— И как же оно действует?

Он покачал головой с таким сожалением, что любому бы на моем месте стало стыдно.

— Оно пробуждает темную сторону в вас.

Я ношу его уже десять лет. Если оно и способно было что-то пробудить, то уже давно пробудило бы. «Нет света и тьмы, Ти. Все зависит только от тебя», — это слова отца, я отлично помню. Мир слишком сложен, чтобы делить его на черное и белое.

— Я буду очень внимательна, лорд Гхаро.

* * *

— Ти? — вечером Маро подошел, сел рядом. — Слушай, ты можешь спасти меня!

Его глаза горели надеждой.

А я... Только не это! Уже заранее понимала, что он скажет мне. И даже если сейчас скажет что-то другое, Гхаро ясно дал понять, какими методами собирается добиваться своего. Рано или поздно это случится.

— Что я должна сделать? — спросила все равно.

Маро едва ли не подпрыгивал от нетерпения.

— Тебе ведь не все равно, правда? Ты хочешь меня спасти?

— Маро?

Он подсел чуть ближе.

— Они сказали, что не тронут меня, если ты отдашь им кольцо.

Я так и знала.

— Маро...

Надежда в его глазах быстро сменяется ужасом, когда Маро понимает, что я не хочу.

— Ти! Это просто кольцо! Ты ведь не поступишь так со мной?!

— Это не просто кольцо, — сказала я. — Это очень сильный щит, ты и сам видел, как он работает. Отдав его, я останусь без защиты, моих собственных сил может не хватить.

— А как же я, Ти? У меня совсем нет никакой защиты. У тебя есть твой дар, а у меня нет ничего. Но разве я виноват в этом?

Не виноват. Я смотрела на него, все надеясь найти легкий след магии, как знак того, что его заставили сказать все это. Но не находила. Впрочем, Гхаро мог убеждать и иначе. Даже магия не всегда оставляет следы, я не настолько искушена в этом.

Если бы речь шла о его жизни, я бы поняла. Я отдала бы. Очень боюсь, что и до этого скоро дойдет, всего-то надо — повысить ставки.

— Маро, ты должен понимать... То, что с тобой собираются сделать — обратимо. Они не нанесут никакого реального вреда тебе. Потом, если мы сможем выбраться отсюда, любой хороший маг, да и я тоже, сможет все вернуть. Это не стоит того, что бы лишиться хорошей защиты.

— Не стоит того, Ти? Как ты можешь?

Мне было больно слышать это.

Я понимала, что мне легко говорить, что это действительно очень важно для него, очень тяжело. И что кольцо все равно не спасет меня, если дикие ринай захотят что-то сделать. И что пусть не сейчас, но они найдут другие пути... и все равно заставят. Это пустой разговор.

Я чувствовала себя беспомощной.

Я чувствовала себя расчетливой сволочью, которая не хочет помочь, не хочет пожертвовать даже такой малостью ради любимого. «Как ты можешь просить у меня такое, Маро?!» И, в то же время, мне было стыдно за эти мысли. Я лишусь части защиты, но смогу защитить любимого... он ведь мой жених, я ведь сама согласилась выйти замуж за него, а сейчас — готова отказаться. Это предательство.

— Я не могу отдать кольцо, Маро, — сказала я, слова вставали поперек горла. — Не могу. Я не знаю, что будет с нами дальше. Возможно, кольцо сможет спасти...

— Тебя! — Маро сжал губы, вскочил на ноги. — А что спасет меня, Ти?

«Тебе стоило оставаться дома». Нет, этого я не сказала, конечно.

Куда девалась вся твоя гордость, Маро? Когда ты был готов умереть, но не дать помочь тебе? Когда говорил, что справишься сам. Это магия ринай так влияет на тебя? Или их речи? Или они тоже нашли, чем напугать и прижать тебя? Все может быть.

— Как только мы сможем выбраться, я вылечу тебя, Маро. Верну все как было.

— А если не вырвемся? Если мы так и останемся здесь? Навсегда? Они говорят, ты одна из них и должна остаться. Если нам придется жить здесь?

— Здесь? Неужели ты думаешь, что хоть одна девушка здесь...

Я начала и прикусила язык. Так нельзя, слишком жестоко. И сказать это — значит предать окончательно. Отказаться от него.

У Маро дрогнул подбородок. Щеки побелели разом.

Я обидела его.

— Я говорю не о других девушках, — глухо сказал он. — Я говорю о тебе, Ти. Мы хотели всегда быть вместе. Мы хотели детей. Я говорю о наших с тобой детях! Так значит, ты больше не хочешь? Конечно! Когда вокруг столько более достойных, одаренных мужчин, зачем тебе я?! Ты найдешь себе лучше! Истинного ринай, а не жалкого слабого человека. Я не достоин тебя. А пользоваться мной должно быть безопасно! Так? Ты не хочешь даже мысли допустить, что можешь родить от меня ребенка? Тебе плевать на то, что я чувствую!

Хотелось расплакаться, честное слово.

— Маро...

Я не знала, что сказать. Наверно, он прав... но ведь все это не так... Я не знаю.

— Я бросил все и пошел за тобой, Ти! Я готов был на все. Даже умереть. Но я тебе не нужен.

Мне было стыдно и, одновременно, разбирала такая злость. Я не просила его идти, не просила о помощи. Мне было бы проще, если бы он остался дома. Почему я должна расплачиваться за это?

И в то же время... в чем-то он прав. Я так легко дома принимала его любовь, я была согласна быть с ним, обещала любить... и сама отказываюсь от своих слов.

— Прости, — сказала я тихо. Бесполезно оправдываться.

— Я ненавижу тебя! — процедил он сквозь зубы и бросился прочь.

* * *

— Вы все обдумали, леди Тиаль? — лорд Гхаро лучезарно улыбался мне. — Вам совсем не жаль мальчика?

Такая забота в голосе, такое сожаление.

— Разве то, что вы собираетесь сделать, может повредить ему настоящему? — спросила я.

— Разве вы знаете, что мы собираемся делать на самом деле? — все так же улыбаясь спросил он. — Маро дорог вам?

Мне все равно никуда не деться.

— И что же вы сделаете с ним? — спросила я.

— Кто знает, — Гхаро пожал плечами. — Пока я не вижу смысла его убивать. Он не представляет ни ценности, ни опасности для нас. Я отдам его своим девочкам, пусть развлекаются, они бывают очень изобретательны... А когда им надоест... что ж, мы избавимся от него. Я так же не вижу смысла держать здесь бесполезного человека.

— А если я отдам кольцо?

— Что ж, тогда я позабочусь, чтобы ему не причинили вреда.

Дело ведь даже не в кольце. Дело в том, что если я откажусь, если позволю... то буду ненавидеть себя всю жизнь. За предательство. Я сама себя не смогу простить.

К тому же, если рогатый лорд действительно захочет что-то сделать мне — кольцо не поможет. Как не помогло на корабле, когда вся моя магия отказала под их завесой. Повтори они это снова, и от моей защиты снова пользы не будет. Это лишь вопрос времени.

И все же...

Гхаро молча протянул руку, улыбаясь. Он не сомневался.

16.

Дикий план

У меня был план. Дикий, совершенно самоубийственный, и главную роль должна сыграть даже не я. Честно говоря, не верила, что может получиться, но хуже, вроде, уже некуда, так что я решила попробовать. Нечего терять.

Я говорила с Маро.

Теперь остался Кавьяр.

Только из меня плохая актриса.

То, как он выглядел, было ужасно. И в то же время, именно это было хорошо. Понятно, что так долго не протянет, надо что-то менять. Ринай в любом случае придется действовать. Главное, чтобы они действовали правильно.

Заклинания висели на Кавьяре рваными ошметками, слишком долго он находился в клетке, которая подавляет любую магию. Подавляет так хорошо, что старые заклинания разрушались. Еще немного, и даже я, пожалуй, смогла бы отодрать от него два верхних тхайских. Не берусь утверждать, что совсем без вреда, но отодрать бы смогла, где-то с кожей, где-то с разрывом тканей, но если не дать ему умереть, то... я могла бы восстановить. Главное — убрать это.

И если даже я способна снять, то рогатые ринай смогут тем более. Не нужно искать тхайских магов, все можно сделать здесь.

Но если оставить его в клетке еще на неделю, то он умрет.

Только ведь они не дадут ему умереть, им это не выгодно. Слишком просто.

Кончики пальцев на правой руке бледные до синевы, но это живые пальцы. Правая нога от колена и ниже. Тхайские заклинания слезают первыми. Слезают неравномерно, и собственной жизни в нем осталось так мало, что это скорее разорвет на части, чем освободит. И самое верхнее заклинание, которое позволяет мертвому камню оставаться хоть немного живым, двигаться, слезает тоже, превращая пальцы левой руки в неподвижный камень.

Очень хочется верить, что мертвый он никому не нужен, а значит, есть шанс.

Но идея должна быть не моей.

Кавьяр поднял глаза, когда я подошла.

— Я принесла тебе воды.

— Не нужно, — хрипло сказал он.

Его дыхание с глухим свистом, словно старые кузнечные меха. Я вижу, даже дышать ему тяжело. Левое легкое, скорее всего, окаменело — полностью или частично. Главное, чтобы не отказало сердце.

— Нужно, — сказала я. Подходя совсем близко. Мне нужен веский повод подойти.

«Ты мне нужен живой» — не вслух, одними губами, но я тоже ринай и что-то могу. Почти незаметно, но так, чтобы он понял — мне больше не на кого рассчитывать. Ему никак нельзя умирать.

Он чуть поднял бровь. «Даже так?»

Понял.

Как объяснить ему все, чтобы не услышал никто посторонний?

Подняла кувшин, поднесла ближе, и так, чтобы он видел мои руки. Кольцо я отдала, и хотела, чтобы Кавьяр видел это.

Он даже дернулся, когда понял это.

— А где кольцо?

Чем-то всегда приходится жертвовать.

— Они сказали, что убьют Маро, если я не отдам им. Кавьяр... — я смотрела ему в глаза, сейчас мне очень важно было, чтобы он понял. — Они сказали еще, что найдут, как надавить на тебя. Просили передать это. Что если ты не боишься смерти сам, то... у любого, даже у такого как ты, если близкие люди, друзья, а значит, есть уязвимое место. Если ты откажешься говорить, они найдут этих людей.

Я говорила и видела, как вытягивается у Кавьяра лицо. Видела напряжение. Отлично понимала, что долго искать не придется, ринай не слепые.

«У тебя никого нет», — так же, одними губами, с каплей магии, чтобы он услышал меня. Совсем мысли передавать я не могу, но усилить лично для него едва слышный шепот — думаю, получится. Очень надеюсь, никто не заметит это.

— У меня никого нет, — повторил он. — Кроме императора.

Ну и отлично.

— Я тоже думаю, что этим тебя не напугать, — сказала достаточно четко, чтобы это могли слышать. — Но они все равно сделают это. Я очень не хочу, чтобы кто-то пострадал... Пожалуйста, сделай так, как они просят.

Он чуть прищурился, глядя мне в глаза.

— У мертвых нет привязанности, Тиаль, только долг.

Да, я знаю.

И все же, я уверена, они надавят на него через меня. И без кольца у меня куда меньше защиты.

Пусть думают, что я беззащитна перед ними. Что боюсь.

Они хотят знать, на что способен император. Хотят знать, кто еще в его окружении способен сделать подобное. Да, драконом не обернуться, за последние несколько сотен лет император единственный, кто смог это сделать. Но основанная на внутреннем огне тхайская магия может выдать разовый колоссальный всплеск. Вспышку. Такая обычно возможна только раз в жизни, да и то далеко не у всех. Они хотят знать — кто способен на это.

А я хочу вызвать такую вспышку у Кавьяра. Это большой риск, но это наш единственный шанс. Я верю в него. Человек, с огненным мечом... когда вся прочая магия перестала действовать... Он сможет. Кто, как не он?

Я знаю, это не выйдет по заказу. Такие вещи не подчиняются разуму. Это сильный эмоциональный порыв, когда чувства раскаляются до предела. Это может кипеть долго, но чтобы взорваться — нужен спусковой крючок... Я постараюсь нащупать.

«Эйх, ты нужен мне».

У него даже дыхание меняется, срывается, замирает. Я ведь не обманываю себя?

Но только вспышка будет возможна, если освободить его. Нужно быть живым. Если снять все заклинания, или, по крайней мере, те, что превращают его в камень. Для того, чтобы снять, нужно вывести его из клетки.

Все это сложно...

Я хочу убедить ринай, что для того, чтобы Кавьяр заговорил, нужно вернуть ему жизнь. Мертвому все равно. Живой — скорее признается во всем, потому что у живого есть чувства, которые можно ранить, живой чувствует боль. Живому есть что терять.

Я говорила с Маро, он тоже поможет. Я отдала кольцо, чтобы помочь Маро, а Маро поможет мне. Мы сыграем в смертельную обиду. В то, что Маро обижен и ненавидит меня. Хочет мне отомстить, а заодно отомстить Кавьяру, который так издевался над ним всю дорогу. Это ведь не так далеко от истины, такую обиду легко разыграть.

Он подаст идею, прижать Кавьяра с помощью меня. Думаю, ринай собираются сделать это и так, но любая мелочь может оказаться решающей. Если они будут уверены, что Маро говорит все это мне на зло — ему скорее поверят.

И он же расскажет о том, что преданность императору, скорее всего, перевесит любовь к женщине. Потому что мертвый не способен по-настоящему любить. Нужно дать Кавьяру почувствовать, что такое любовь. Нужно, чтобы что-то стало для него дороже преданности и службы. Так уже было. И может быть снова.

Если потребуется, я подыграю тоже.

Я хочу разбудить в нем дракона. Пусть не такого, как в поле под Хортой, нет... это было бы слишком. Но разбудить силу в нем. Потому что он единственный, кто может силе ринай противостоять. Без него я не справлюсь.

Знаю, что жду чуда. Но верю, что чудо возможно.

— Хочешь воды? — спросила я. «Нет, ты мертв и тебе ничего не нужно».

Я вижу, Кавьяр готов довериться мне и сыграть тоже.

— Нет, — говорит он.

17.

Игра Маро

Маро взялся отыгрывать свою роль со всем энтузиазмом. Особенно в той части, где должен был обидеться на меня. И время точно не терял.

Он позвал вечером на пляж, туда, где пристают лодки. Обычный дикий пляж на вид, если смотреть с воды, невозможно догадаться, что да деревьями скрывается целое поселение. От дома, где мы жили — совсем недалеко, остров небольшой.

Только попросил, чтобы никто не знал, что это он позвал меня. Словно я решила прогуляться сама и вот случайно...

Поэтому застукать его с девушкой я была готова.

Они гуляли по самой кромке прибоя, взявшись за руки, Маро без рубашки, с закатанными до колен штанами, отросшие кудри раздувает

ветер. Признаться, сейчас Маро был особенно хорош. И даже такая счастливая улыбка на его лице... когда-то он так же смотрел на меня. Совсем недавно еще признавался в любви мне... Или это только ради дела?

И девушка-ринай неземной красоты. Высокая, как и все они, чуть выше Маро, но такая тоненькая, легкая, что Маро казался огромным чудовищем рядом с ней. Ее звонкий смех...

Вдруг поняла, что мне все равно, меня это не трогает. Мне даже все равно, насколько это игра. Я сама отказалась от Маро, на самом деле сама, и вся наша настоящая любовь закончилась тогда, когда я без всяких сожалений сбежала из дома вместо сестры. Я и с самого начала не очень хотела этой свадьбы, просто поддалась.

Сейчас мне стоит изобразить ревность.

Но ревности не было. Была какая-то ноющая пустота внутри. Просто потому, что эта ниточка окончательно разорвалась, а новую ниточку никак не завязать... невозможно...

Нет, претензий к Маро у меня никаких, сейчас он делал ровно то, о чем мы договорились. К тому же, уж будем честными, после всех моих слов, он мне больше ничего не должен... в смысле, любви. У нас все равно ничего больше не выйдет, как бы дальше не сложилась моя жизнь.

И все же, я так привыкла считать его своим, а тут... какая-то девица... с голой грудью, между прочим, и Маро так откровенно поглядывает на нее. И девица, кажется, совсем не прочь.

— Маро! — окликнула я.

С первого раза он не услышал, и со второго тоже. Или только сделал вид.

Со второго раза услышала его девица. Показала ему на меня.

Я вышла на берег.

— Что тебе нужно? — спросил Маро. Резко. Очень натурально у него выходило.

— А что ты делаешь здесь? — сказала я.

— Гуляю. А ты? Вот только не надо говорить, что ты здесь случайно! Ты следила за мной?

— Зачем мне следить?

— Затем, что я твоя собственность? — он так смотрел на меня, словно я виновата во всех грехах. Его голос с надрывом. — Ты

привыкла, что я всегда рядом, как верный пес. Меня можно почесать за ухом, можно пустить в свою постель. Можно выпихнуть, когда надоест. Ты отлично дала понять, чего я стою в твоих глазах.

— Маро, я...

Хотела сказать, что я люблю его, но это было бы слишком явной ложью, у меня не повернулся язык.

— Вот только не надо, Ти! — фыркнул он. — Ты уже все сказала. Да. «Неужели ты думаешь, что хоть одна девушка захочет от тебя детей?» Я, возможно, и был интересен тебе, как сын наместника, но как мужчина я тебе не нужен.

— А ей ты нужен? — это вырвалось само, но так даже лучше. Чем честнее реакция, тем быстрее поверят нам. Ринай хорошо видят правду.

Маро приобнял свою девицу за талию, она улыбнулась, прижалась щекой к его виску, потрепала по волосам.

— Она, по крайней мере, честна со мной. А ты нет. Ты говорила, что любишь меня, что станешь моей женой, что мы всегда будем вместе. И что? Я бросил все ради тебя. Всю свою жизнь к твоим ногам. Но тебе плевать. Я тебе не нужен. Все это ложь! Тебе нужен только твой каменный тхай. Вот и иди к нему!

Это было немного слишком, но все же...

У меня совершенно натурально покраснели щеки.

— Маро больше не вернется к тебе, — улыбаясь, сказала девица.

У меня пальцы кольнуло магией, еще немного, и я сорвусь. Нет, Маро я могу понять, даже если он говорит все всерьез и для него это не игра. Но вот ее понять не готова. Наоборот — готова выцарапать глаза.

— Я отдала кольцо, чтобы спасти тебе жизнь!

— И тут же унизила меня, — сказал Маро, верхняя губа презрительно дрогнула. — Сколько раз и ты, и твой каменный истукан говорили мне, что все, что я делаю — вовсе не для тебя, а для удовлетворения собственного эгоизма. Что я не готов отпустить тебя, уступить, поэтому, рискуя жизнью, побежал на край света. Я хотел быть с тобой, защищать тебя, делая все, что в моих силах. Не думая о себе. И что взамен? Я понимаю, что кхаю доставляло удовольствие издеваться надо мной. Еще бы! Ведь никакие другие удовольствия ему больше не доступны, а так — хоть почувствовать себя сильнее... «А

давайте мы не будем его кормить?» «А давайте дадим ему палку, пусть сам ловит себе рыбу!» Да у меня голова кружилась от голода и слабости! Ноги сводило от ледяной воды! Думаешь, мне хоть раз приходилось делать это? Да я чуть не помер там! Но я сделал! И весь мой улов отдал тебе. Словно так и надо. Тебе ведь весело было наблюдать, как я страдаю? А когда я купил немного еды, чтобы хоть хватало сил держаться в седле, у каких-то крестьян, ты воротила нос, ведь это слишком легко! А кольцо ты отдала только потому, что иначе твоя светлая ринайская совесть не дала бы тебе спастись. Только для собственного спокойствия, не для меня!

Все так. Для себя.

Эта обида у Маро действительно накопилась, и ничего хорошего уже не будет.

Мне было стыдно, потому что он прав. И все же, ему не стоило ехать за мной. Я не просила ехать. Не было никакого блага в его страданиях для меня. Мы оба делали это для себя.

— Тебе не стоило ехать за мной, — сказала я.

— Я любил тебя! — почти крикнул Маро. — Как можно бросить того, кого любишь?!

Девушка наблюдала за нами с интересом.

— Леди Тиаль, — сказала она, — можно задать вам один вопрос? Маро постоянно говорит о чувствах между вами и императорским стражем. Что вас связывает?

Так спокойно и прямо, что я даже растерялась.

Я ведь собиралась сыграть на его чувствах и... спастись. Чтобы он ради меня совершил невозможное. Я сама была готова подыграть и использовать это...

На что готова я?

А если они действительно захотят надавить на него, угрожая мне. Что если он откажется, а они убьют меня? Его верность императору окажется сильнее. В чем я могу быть уверена?

— Он спас мне жизнь. Еще в детстве, когда был человеком...

— Думаете, он спасет вас снова?

Это заставляет вздрогнуть.

Но, может быть, это как раз мой шанс убедить, или хоть заронить сомнение. И мой страх — только на руку, если дать ему волю.

Я позволила себе всхлипнуть, подбородок дрогнул. Очень честно, я и так на грани.

— Не знаю, — сказала я. — Мне говорили, для мертвого не остается ничего кроме долга. Даже если у него есть какие-то чувства ко мне, император все равно дороже.

— Да уж, женщины его явно больше не волнуют, — тихо усмехнулся Маро.

18.

Все не так

— Он все рассказал.

Лорд Гхаро смотрел на меня, словно надеялся разглядеть что-то такое... особенное. Он зашел утром. От него пахло кровью, даже притом, что на нем самом ни капли крови не было.

— Рассказал? — не поняла я.

Кавьяр взял и рассказал все? Не то, чтобы это было невероятно, любой заговорит под пытками. Но я не думала, что это будет так быстро. И все мои планы теперь... То есть... все?

— Вас тоже это удивляет, леди Тиаль? — поинтересовался Гхаро.

— Он жив? — спросила я.

Лорд Гхаро чуть ухмыльнулся.

— Этот тхай дорог для вас? Или у вас на него были свои планы? — под его взглядом мне казалось, что он все знает, и даже больше, чем я сама. — Пока жив. Завтра здесь будет Альтар, я хочу, чтобы он тоже поговорил с ним.

— Вы в чем-то сомневаетесь?

— Сложно сказать. Очень похоже, что тхай говорит правду. По крайней мере то, что сам считает правдой. То, во что верит. Я хорошо вижу ложь, но здесь... мне кажется, здесь что-то не так, и я пока не могу сказать, в чем дело.

— А поему вы говорите это мне?

Лорд пожал плечами.

— Я предупреждал тхая, что если он соврет мне, то вы умрете.

* * *

— Доброе утро, леди Тиаль, — он нашел меня на берегу. — Позвольте?

Кивнул, собираясь присесть рядом.

Ринай — высокий, светловолосый, даже маленькие рога поднимаются над волосами. Но что-то в нем было не так, может быть слишком широкие для ринай плечи, может быть руки, покрытые тонкими волосками, как бывает только у людей. Зеленые глаза. Могу поспорить, в нем достаточно тхайской крови. Но как это возможно здесь?

— Меня зовут Альтар, — сказал он. Протянул руку.

Его лицо почти человеческое, только чуть тоньше черты лица, тяжелая нижняя челюсть, так, что с местными не спутать.

Совсем человеческая, живая, улыбка на губах.

А ведь я представляла его иначе.

Немного замешкалась, но руку ему все же пожала. Сильная теплая ладонь...

— Вы знаете, кто я.

Мне не имеет смысла представляться.

— Да, я знаю, — согласился он. — Лорд Гхаро хотел, чтобы я поговорил с вами.

— Он думает, я тоже ему лгу?

— Тоже? — Альтар чуть заметно удивился. — Нет, леди Тиаль, все немного не так. Но вы можете знать больше, чем вам придет в голову рассказать. Не потому что вы хотите скрыть это, а потому, что не придаете значения. Некоторые вещи можно увидеть, только если знать, на что смотреть.

— Хорошо, — согласилась я. Вряд ли у меня есть выбор.

— Давайте сыграем, — предложил он. — Есть такая детская игра, «правда или действие». Но мы сделаем даже не так. Сначала вопрос, потом выбор. Если вы не захотите отвечать, то можете исполнить небольшое задание. Не волнуйтесь, это не выйдет за рамки игры. И вы так же можете задавать вопросы мне. По очереди.

Он улыбался, широко и непринужденно. Мне казалось, в этом какой-то подвох.

— Зачем вам это? Игры?

— Это поможет вам расслабиться. Мы ведь не враги, леди Тиаль. Думаю, мы на одной стороне. Хотите, задавайте вопрос первой?

Мне казалось, в этом есть какая-то магия, не может не быть. Уж очень хотелось ему верить, он удивительно располагал к себе. Но я не видела ничего. Конечно, я могу уловить далеко не все... Стоит быть осторожной.

Но и отказываться было бы глупо, если им нужно что-то знать от меня, они найдут способ.

Хорошо.

Значит, сначала я?

— В вас есть тхайская кровь, лорд Альтар? — начнем с простого, это очевидно.

Он весело рассмеялся.

— Есть, — кивнул. — Я так и знал, что вы спросите это первым. И я не лорд, думаю, нет смысла объяснять почему. Но вы хотели знать не это, вы хотели знать, как вышло, что я все еще жив и на свободе?

— Да, вы правы, — сказала я. — Мне казалось, здесь очень ревностно относятся к чистоте крови.

— Именно так, очень ревностно. Но не стоит забывать, что это истинные ринай, — в его глазах мелькнули насмешливые огоньки. — А истинные ринай никогда не упустят своей выгоды. Разум и рационализм всегда побеждает. Я на их стороне и приношу им пользу, поэтому они готовы закрыть на мое происхождение глаза. К тому же, я родился здесь, на островах, этой мой дом, поэтому они не сомневаются в моей верности.

— А кто ваши родители?

Он покачал головой.

— Это уже второй вопрос, леди Тиаль. Я готов дать вам небольшую фору и уступить два вопроса вначале. Но, пожалуй, не готов ответить на этот. Слишком личное. Так что давайте сыграем в «действие», скажите, что я должен сделать для вас. Только не простите увести вас с острова, это не в моих силах.

Все еще улыбался.

Это игра... то есть, не игра, конечно, но мне не позволят ничего больше, чем детская забава. По крайней мере, не сразу... Я не очень понимаю — зачем.

Но есть лишь один путь узнать.

— Встаньте на голову, — сказала я. Сыграем по его правилам?

Ему было весело.

— Хорошо.

Он легко вскочил с места, отошел на пару шагов в сторону, без всяких усилий перевернулся, вставая на руки, и даже прошел так немного вперед. Потом встал обратно.

— Так хватит, или пройти на руках еще?

Словно мальчишка. Боюсь только, я не вижу чего-то важного за этой игрой.

— Хватит, — сказала я. — Теперь ваша очередь задавать вопрос.

Альтар вернулся, сел рядом со мной на песок, скрестив ноги.

— Я слышал, тот молодой человек, что попал сюда с вами, Маро, ваш жених? Вы должны были выйти за него замуж, и поэтому он не смог смириться с потерей, поехал за вами. Вы все еще любите его?

Я... вот так сразу подобных вопросов не ожидала. Даже, кажется, покраснела слегка. Люблю ли я его? Отказаться отвечать?

— Нет, — сказала честно. — То есть... поймите меня правильно. Он нравится мне, всегда нравился, я была в него влюблена. Но я не уверена, что это настоящая любовь. Я знаю, что он тоже был влюблен в меня. И выйти замуж за человека, которого знаешь с детства, который нравится тебе, к которому, по крайней мере, испытываешь симпатию — лучше, чем дожидаться, пока отец заключит с каким-нибудь влиятельным домом взаимовыгодное брачное соглашение. Кто знает, что за человек мог бы достаться мне в мужья.

Альтар усмехнулся.

— Отлично понимаю вас, леди Тиаль. Это разумное решение. Значит, ваше сердце свободно?

Что он хочет от меня?

— Да, — сказала я.

Альтар поджал губы, чуть покачал головой, словно не уверен, в моих словах.

— Боюсь, вы сами сомневаетесь в этом, — чуть снисходительно, очень мягко сказал он. — Я не хочу сказать, что вы обманываете, но,

наверно, еще сами плохо разобрались в себе. Я очень хорошо чувствую правду, гораздо лучше, чем любой ринай, потому что как тхай — умею слушать сердцем. Расскажите мне о ваших сомнениях, леди Тиаль.

Я попалась, да?

— Зачем вам это?

Он пожал плечами.

— Чтобы лучше понять вас. Чтобы помочь вам лучше разобраться в себе. Если вы останетесь здесь, у нас не должно быть секретов друг от друга.

— Я не готова отвечать, — сказала я.

Что бы я ни сказала сейчас — это будет неправильно.

— Хорошо, — легко согласился он. — Значит, действие? Дайте мне вашу руку, леди Тиаль, и пока я буду отвечать на ваш следующий вопрос, ваша ладонь лежит у меня на коленях. Не бойтесь, я ничего вам не сделаю.

Вряд ли я могу отказать ему. И все же.

— А если я откажусь играть с вами в ваши игры?

— Тогда это все усложнит для вас. Бойтесь дать руку? Тогда вы можете ответить на вопрос. Если вы совсем откажетесь говорить со мной, лорд Гхаро может действовать иначе.

Они заставили даже Кавьяра говорить, вряд ли у меня получится что-то сделать. Да и есть ли смысл еще больше портить отношения. У меня нет никаких тайн.

А прикосновения усиливают ментальную магию, если он пытается как-то повлиять на меня, то взяв за руку — это будет сделать проще, быстрее пробьет мою защиту.

— Я отвечу. Да, мое сердце свободно и я не сомневаюсь в этом. То, о чем вы говорите — немного другое, скорее привязанность, я не могу назвать это чем-то большим. Он спас мне жизнь когда-то, отказался подчиняться приказу своих. Он был очень добр и внимателен со мной в дороге... как старший брат. Да, привязанность и благодарность смущает меня, мне казалось, я должна бояться таких, как он, моя сестра его боялась. Мне казалось, он враг и я должна ненавидеть, но ненавидеть не выходит. Он хороший человек, несмотря ни на что. Это странно для меня, и я, пожалуй, еще сама плохо разобралась в себе.

Альтар смотрел на меня чуть прищурившись, внимательно.

— Хорошо, — сказал, наконец. — Я понимаю вас. Пусть будет так, я принимаю ответ. Теперь ваша очередь.

Улыбался так открыто и обезоруживающе.

— Раз уж мы заговорили о Кавьяре, я хочу знать, что с ним будет, — сказала я.

— Он умрет, — сказал Альтар. — Скорее всего завтра утром. Лорд Гхаро снимет с него два верхних каменных заклęcia и позволит нижнему ринайскому завершить начатое.

У меня сердце замерло. Это ведь будет такой момент... Только вряд ли я смогу сделать что-то. На что я надеялась вообще? Если он умрет, то что будет со мной?

— Он все рассказал, да?

— Это уже второй вопрос, — Альтар улыбнулся.

— А вы можете ответить?

— Я не смогу рассказать вам подробностей, но в целом — да, — он пожал плечами. — Давайте только придерживаться нашей игры? Теперь моя очередь.

Я кивнула.

— Насколько я знаю, — сказал он, — вначале ваш отец решил, что ехать в Цитадель должна ваша сестра. Как вышло, что поехали вы?

Это вовсе не секрет.

— Моя сестра совсем юная девушка. Она очень боялась этого: дороги, императора, каменного императорского стража. И я очень люблю ее... Поэтому я решила переодеться моей сестрой и поехать сама.

— Хотите сказать, вы сделали это без ведома вашего отца?

— Я думаю, он все понял, когда я вышла. Не мог не понять. Возможно, не захотел скандала, возможно, у него были свои причины позволить мне сделать это. Я не могу сказать, у нас не было времени поговорить. Он говорил, у Айни больше шансов выжить и найти покровителей при дворе, она умеет находить с людьми общий язык. Я должна была со временем занять его место, у меня нет братьев. Но, возможно, он решил, что так будет лучше...

— Хорошо, — сказал Альтар. — Тогда о Кавьяре... — он потер ладонями колени, задумчиво. — Тут все не так просто, но, боюсь, мы уже ничего нового не узнаем от него. Он рассказал об императоре, о

его нынешнем состоянии. Мы ведь все знаем, что император умер там, на поле под Хортой, сколько стрел и магических ударов не способен выдержать никто. Рассказал, кто в императорском окружении, да и в тхайской армии вообще на что способен. К сожалению, даже я не могу понять, насколько это правда, мне не на что опереться. Все его физические и психические реакции слишком смещены, он много лет находится между жизнью и смертью, слишком специфичны, чтобы можно было оценить. К тому же, он хорошо умеет скрывать правду. Если попытаться снять с него заклинания и полностью вернуть жизнь, то реакции резко сместятся в другую сторону. Должно будет пройти много времени, прежде, чем придет в норму. А к тому времени он успеет убедить себя, что это и есть единственная правда. Мы можем мастерски обманывать даже себя. Сейчас все, что он говорит — очень похоже на правду. И все же, Гхаро считает, что он лжет.

— Почему?

— Из-за вас, — Альтар тихо фыркнул. — Гхаро хотел, чтобы вы были его страховкой. Он сказал, Кавьяру, что вы отправитесь вместе с ним до Цитадели. И если возникнут хоть какие-то сомнения в словах Кавьяра, то вы умрете. И это очень беспокоит вашего каменного стража, гораздо больше, чем собственная смерть. Это наводит на мысли, что он лжет. Но штука в том, что далеко не все можно проверить наверняка. Магия слишком непостоянна. Кстати, леди Тиаль, вы ведь знаете, что на самом деле разделения на ринайскую и тхайскую магию нет?

Так вдруг... и он так смотрел на меня — с видом бывалого заговорщика, что мне даже не по себе стало. Вот сейчас будет что-то действительно важное?

Я слышала что-то такое, но скорее из области философии, чем практики. Сила одна, есть только разные способы ей воспользоваться, и предрасположенность к тому или иному варианту, от разума или от сердца. Разные школы магии, в конце концов. Но изначальная суть одна.

Только к чему это сейчас?

— Что вы хотите сказать?

— Да ничего особенного, — он улыбнулся. — Это моя любимая теория, но никто пока не готов это оценить. Ладно, — небрежно пожал

плечами. Теперь моя очередь задавать вопрос. Расскажите о нападении на вас, которое произошло у моста.

Что-то было во всем этом... что-то такое, что понять я пока не могла.

Да, сразу понятно, что в этой игре что-то большее. Но чем дальше... Он не просто хочет что-то узнать от меня, он хочет мне что-то сказать. Это важно для него. Не для победы, не для блага ринай вообще, не для лорда Гхаро. Для него лично.

Он полукровка и...

Только надо быть очень осторожной с версиями, а то мои догадки могут завести меня совсем не туда...

О нападении. Да, я все рассказала, все. То, что я видела, мог бы вполне рассказать и Маро, я не знаю ничего особенного. О том, как нас встретили, когда мы перешли мост, как они скрывались, как нанесли огненный удар. И о том, что Кавьяр рассказал о катапультах, о том, что их делали в Сайторине, но огонь — это тхайская магия.

— Да, — Альтар кивнул. — Я не могу ничего сказать о катапультах, но все это похоже на правду. Мы уже давно готовимся к войне. Только в этот раз нужно быть уверенным, что никакая дикая внезапная сила, как дракон-император, нам больше не помешает.

В прошлый раз Сайторин почти выиграл, оставалась лишь малость, последнее сражение под Хортой, и у Тхариса почти не было шансов.

Когда Альтар говорил об императоре — в его голосе скользнуло что-то такое, едва уловимое. Быстрая вспышка. Он хорошо владел собой, как и большинство ринай, но я успела отметить для себя, что-то кольнуло. Словно что-то глубоко личное... Ненависть? Личные счета? Он потерял кого-то из близких во время войны?

— Ваша очередь, леди Тиаль.

Попробовать потянуть за эту ниточку? Только осторожно, не в лоб.

— Скажите, Альтар, сколько лет вам было, когда закончилась война?

В его лице что-то дрогнуло, едва уловимо. И снова дружеская, располагающая улыбка, почти расслабленная.

— Хотите спросить, участвовал ли я в войне? Нет, леди Тиаль, мой народ держался в стороне от этого.

— Нет, — сказала я. — Хотела спросить именно то, что спросила. Сколько вам было лет? Совсем недавно я была уверена, что дикие ринай — это сказки, вас не существует. Если бы кто-то из вас принимал участие в войне, о вас бы знали.

— О нас знают, — он небрежно пожал плечами. — Тхайские моряки отлично знают о нас. Но Сайторину выгоднее считать, что нас не существует. Да, если ты не можешь с чем-то справиться, просто закрой на это глаза, — он усмехнулся. — До сих пор мы не мешали Сайторину верить, что нас нет.

Да они же собираются воевать против всех! Они не друзья.

И я, дочь одного из самых сильных и влиятельных лордов Сайторина, — всего лишь заложница. На что будет готов мой отец, чтобы вернуть меня?

Но он не ответил.

— Так сколько вам лет?

Он улыбнулся шире.

— Вы удивительно настойчивы. Во время битвы под Хортой мне было двадцать четыре. Это что-нибудь скажет вам?

Не знаю. Наверно, нет. Легкое разочарование скользнуло... Или я просто не знаю чего-то важного. Я прямо кожей чувствовала, что не все так просто, но не понимала. Нужен ключ...

— Тогда моя очередь, леди Тиаль. Вы говорили, что Эйх Кавьяр спас вам жизнь. Можете рассказать об этом?

Он даже немного пододвинулся ближе. Мы переходим к главному?

Возможно, это и мне поможет понять...

— Во время штурма Ойта, нашего замка. Мне было десять лет. Он сам был мальчишкой, пришел вместе с лордом Энаром. Пока войско пыталось прорваться в ворота, мой отец сражался на стенах, вместе со своими людьми... Кавьяр и еще несколько человек пробрались через тайных ход... не знаю, кто показал им... Но они ворвались к нам, захватили в плен меня, требовали от моей матери, чтобы Ойт сложил оружие, чтобы она передала это моему отцу и убедила его. Иначе убьют меня. Но моя мать отказалась.

Где-то тут у меня невольно дрогнул голос, всегда очень тяжело вспоминать об этом. Я понимаю все причины, понимаю, что мама вовсе не желала моей смерти, она сделала это, надеясь, что потом сможет помочь мне... Но больно все равно.

Альтар внимательно слушал.

— Вас приказали убить?

— Да, — мне пришлось сделать усилие, чтобы говорить дальше.
— Они приказали Кавьяру меня убить. Но он не подчинился. Он отдал мне кольцо, чтобы защитить, он закрыл меня собой, когда ударили по нам.

Вдох-выдох... это всегда было сложной темой. Настолько, что долгие годы я отказывалась помнить как все было.

— То есть, он не подчинился приказу? — это был даже не вопрос, не удивление, Альтар и сам знал. Он хотел обратить мое внимание на что-то. — Вы же понимаете, леди Тиаль, что неподчинение во время боя расценивается тхаями как предательство? А предательство карается смертью. И, тем не менее, он не просто сохранил жизнь, пусть и такую. Совершив предательство, какой-то мальчишка, тем не менее, смог стать приближенным императора. Это не кажется вам странным?

Пожалуй, но... это было так давно. Да и что я знаю, об обычаях Тхариса?

— Что вы хотите этим сказать?

— А вы знаете, что это за кольцо, леди Тиаль? Вы столько лет носили его.

Что-то ведь совсем рядом... я чувствовала, но пока не могла нащупать. Что-то очень важное.

— Это тхайское кольцо, очень сильная, пассивная защита...

— Нет. То есть, вы все говорите правильно, но я хотел знать не это. Что изображено на кольце?

Я носила его столько лет...

— Дракон, — сказала я. — Тхайский дракон.

— И вы не понимаете? — Альтар засмеялся так, словно я сказала какую-то глупость, словно я наивная девочка, настолько наивная, что это смешно.

Я носила это кольцо, отец велел не снимать его, сказал, что лучше сохранить. Я знала, что это очень сильный артефакт. Безумно дорогой.

Важный. Я честно не задумывалась, как такая вещь могла оказаться у мальчишки, сироты, сына мелкого лорда... Мало ли, его отца наградили когда-то за службу... Но сейчас...

— Это символ императорского дома, леди Тиаль. Не в официальном геральдическом варианте, но тем не менее.

— Вы хотите сказать...

У меня прямо мысли разбегались. Сейчас я, пожалуй, готова поверить во что угодно, вплоть до того, что Кавьяр и есть император.

— Я хочу сказать, что он бастард Ксаро, — сказал Альтар, — и брат нынешнего императора. Ксаро отличался любвеобильностью, у него было множество сыновей... но законный только один. Я хочу сказать, Тиаль, вы сами не представляете для ринай никакой ценности. Можете пригодиться, но... Когда напали на ваш корабль, охотились не за вами, а за ним. Как только вы перестанете быть нужной, вас легко убьют.

19.

Белая буря

Кавьяр уже был там.

Когда меня привели, он стоял, привязанный к столбу за локти, посреди пустой площади. Голый, только стальной ошейник, заглушающий магию.

Он судорожно пытался дышать, но легкие, давно отвыкшие от такого, едва справлялись, с хрипом, с кашлем. Стоять он тоже почти не мог, упал бы, если бы не веревки, держащие его. Пытался справиться.

Живой.

Бледный, с разбитой в кровь губой, разбитым носом, совершенно лысый, худой, но живой совершенно точно. Старое ринайское заклинание моей матери еще было на нем, но его сильно остановили на руке, чтобы не шло дальше. Думаю, сейчас оно причиняло сильную боль, но Кавьяру и так непросто.

И все же, он жив. То оставшееся можно легко снять.

Красные пятна бледных щеках... он почти задыхается, ему нужно прийти в себя.

И все же, старые раны, давно заросшие камнем — сейчас превратились в розоватые шрамы, никак не угрожающие жизни. Кто-то постарался, чтобы Кавьяр, по крайней мере, не умер сразу, кто-то сделал это основательно. Значит, он еще нужен. Зачем тратить столько сил, если его все равно хотят убить?

Едва увидев меня, Кавьяр дернулся, рванулся, словно надеясь освободиться. Зашипел сквозь зубы.

— Не дергайся, — сказал Гхаро. — Если будешь вести себя правильно, она не пострадает.

Второй столб напротив. Для меня?

Страх не было. Была странная пустота внутри, до легкости. И лихорадочно скачущие мысли.

Я ведь знала, что так будет.

Отчасти, даже хотела этого. Ждала.

Отличная возможность проверить... Конечно, вспышки масштабов той, что была под Хортой, я ждать не могла. И не нужно. Не приведи боги такое снова. Но боевое безумие тхаев, их огонь, тот же пылающий меч Кавьяра — все это явления одного порядка. И это возможно.

Вопрос лишь в том, на что хватит его сил. И еще в том, насколько ринай готовы к этой вспышке. Они ведь не могут не понимать.

Зрителей нет, только Гхаро, Альтар и двое крепких парней, которые привели меня. Без лишних свидетелей.

— Привяжите ее, — говорит Гхаро.

С меня срывают платье, разрывая пополам, оно падает к ногам. Удивительно, но и нагота меня не пугает, возможно здесь, среди полуголых ринай я перестала придавать этому значение. Возможно, все мои мысли просто не о том. Мне все равно, важно не это.

Среди скачущих мыслей мелькает вдруг: нет ринайской и тхайской магии, сила одна. Трансформация ринай, основанная на долгой медитации или безумная вспышка тхаев... не важно, кем ты родился, важно то, что тобой движет. Разум или чувства.

Может быть, смогу и я?

Мои руки связывают, поднимают, цепляя веревку к крюку над моей головой.

Альтар стоит совсем рядом, улыбается... вот скотина.

— Не трогайте ее! — кричит Кавьяр, его голос хриплый, совсем чужой, не узнать. — Не смейте! Я убью вас!

Искорки вспыхивают над его головой, всполохи магии пробиваются несмотря ни на что. Значит, возможно? Он все равно сильнее, чем все ошейники, которые пытаются на него повесить. Он сильнее, значит, может вырваться.

— Ты ему нравишься, — подмигивает мне Альтар. — А он тебе? Между прочим, парень готов жизнь за тебя отдать.

— Чего ты добиваешься? — шепотом говорю я Альтару.

Он пожимает плечами.

— У меня в этом деле свой интерес, — говорит так же шепотом, едва слышно. — Будь хорошей девочкой, и все увидишь.

Потом кладет руку мне на лоб и что-то тихо бормочет, я чувствую легкое жжение.

— Если ты попытаешься освободиться, — Альтар поворачивается, громко говорит Кавьяру. — Мое проклятие убьет ее. Мне стоит лишь щелкнуть пальцами.

— Ублюдок! — Кавьяр шипит сквозь зубы.

Но Альтар лишь смеется.

— Как и ты.

Его магия на мне... но это не то. Я чувствую ее, и это тхайская магия, Альтар тоже наполовину тхай, и это настоящее проклятие, но стоит лишь чуть потянуть за край — как оно рассыплется. Вряд ли уязвимость заметна со стороны, особенно если не присматриваться внимательно, само проклятие горит ярко... но я чувствую. При чем потянуть могу даже я. Он не собирается меня убивать? Это блеф?

Свои интересы? Так на чьей же Альтар стороне? Исключительно на своей? Но если так, то, возможно, у нас есть шанс?

— Что я должна делать? — говорю едва слышно.

— А что ты можешь, Ти? — хитро улыбается он.

Я сама точно не знаю, что могу... но если все действительно так... нужно действовать быстро. Нас шестеро здесь, если только кто-то не спрячется за кустами. Гхаро, Альтар, Кавьяр, я и двое охранников... С Гхаро я не справлюсь точно, он сильнее меня. С охраной — может быть. Но это ли надо?

На меня ошейник не надевают. Руки связаны, но даже со связанными руками я кое-что могу.

— Мне нужны имена, — говорит Гхаро Кавьяру. — Готов ли ты повторить все, зная, что если я хоть немного усомнюсь в твоих словах, расплачиваться придется ей?!

Кавьяр молча сжимает зубы. Со злостью.

— Я могу ударить магией, — говорю я тихо. — Тлением.

Альтар поглядывает на меня с интересом.

— Неплохо, — соглашается он. — Но для начала придется отдать немного крови. Умеешь громко кричать?

С долей сарказма, и все же, у него есть какой-то план. Ему нужен Кавьяр? Лично ему. А Кавьяру, очень надеюсь, нужна я... иначе мне отсюда не выбраться.

— Нивар Унхиро, — говорит Кавьяр. — Советник и двоюродный дядя императора. Занимается расследованием нападения на караван в Южном Сайторине и...

— Нивар уже год как мертв! — говорит Альтар.

И вдруг словно невидимые руки сжимают мое горло.

Так резко и сильно, что дыхание перехватывает, до боли в груди. Темнеет в глазах. Сквозь звон в ушах я слышу, как кричит Кавьяр:

— Стой! Прекрати! Я сказал правду! Отпусти ее!

И что-то происходит...

— Ты лжешь! — говорит Альтар.

Он дает мне вздохнуть раз, и снова сжимает. Слезы из глаз.

Сквозь слезы я вижу, как над Кавьяром вспыхивает огонь, он еще пытается вырваться, освободиться.

Альтар наклоняется ко мне, совсем близко.

— По моему сигналу притворись мертвой, — говорит тихо-тихо.

— Отпусти ее! — кричит Кавьяр. — Отпусти, тварь! — и вдруг, словно последняя надежда: — Эниса! Я знаю, где она! Отпусти, и я скажу!

Меня резко дергает куда-то в сторону.

И то, что дальше, я не просто понять не могу, я не успеваю уловить, что происходит. Какое-то безумие, буря, кругом огонь.

«Гхаро!» — еще успевает прорычать Альтар и вдруг взрывается вспышкой света. Свет разливается везде. И еще мне, тихо: «Умри»! Не послушаться нельзя.

Свет обжигает, словно огонь, я чувствую страшную силу, но направлена эта сила не на меня.

Успеваю заметить, как лопается на Кавьяре ошейник, и сам он вспыхивает столбом огня. «Умри». Я разом поджигаю ноги, повиснув на веревках, словно мертвая, закрываю глаза. Если я не сыграю смерть, кто знает, может быть, меня убьют по-настоящему.

Или меня все равно убьют?

И дикий крик Кавьяра в ответ на это. «Тиаль! Нет!»

Треск и грохот потом. Огонь слепит глаза даже сквозь плотно сомкнутые веки, так ярко. И кто-то еще кричит, так страшно... крик ужаса и боли.

Потом меня что-то подбрасывает вверх, сжимает и резко тащит в сторону. Словно я старая игрушка. Мотает. Я не успеваю сообразить что это. Мной задевает о землю, о столб, едва ли не о деревья, попавшиеся на пути. Кажется, меня схватила гигантская лапа. И даже страшно подумать о том, что это значит. Свет и огонь бушуют вокруг. На какое-то время я даже теряю сознание, сила оглушает.

Прихожу в себя, когда меня бросают в воду. Холодная... все тело обжигает... И прямо под водой тащат дальше. Потом мы выныриваем и ныряем снова, я едва успеваю ухватить немного воздуха. И снова.

Я схожу с ума?

Все, что я могу — это попытаться дышать между погружениями. Мы несемся так быстро, что вода больно бьет в лицо.

Белый водный дракон... Его очертания плывут, или у меня в глазах двоится, я ничего толком не могу сейчас разглядеть, меня снова швыряют в воду. И в одной лапе у этого дракона я, в другой Кавьяр, и так же, почти без чувств.

Значит дракон — Альтар?

Во все это невозможно поверить.

Он тащит нас куда-то прочь, через море, на другие острова. Я еще пытаюсь хоть как-то осознать, что происходит, но после очередного нырка в глазах темнеет окончательно.

* * *

— Эй! Жива? — меня потрянули за плечи.

В голове звенело, но тряска и безумная гонка закончилась. Я лежала на земле. На камнях. Вот только голова кружилась невыносимо.

— Тиаль?

Альтар передо мной. Совершенно голый, взъерошенный.

— Да.

Я попыталась сесть, но разом накатила тошнота...

— Тихо, тихо... Дыши глубже, сейчас это пройдет. Ты в порядке? Ничего?

Наверно. Я попыталась кивнуть.

— Тогда присмотри за своим тхаем, подлечи немного, у меня уже нет сил. А то сейчас помрет... Мне он живой нужен. Поняла?

Я очень старалась дышать и справиться...

— Что случилось?

Альтар криво и почти безумно усмехнулся.

— Я освободил тхая, он убил Гхаро, как мы и договаривались. Я сам не мог его убить, был связан заветом верности. Не мог вырваться... но у меня с ними свои счеты, долго объяснять... Потом я унес вас оттуда.

— Дракон... это ведь ты, да?

— Какой из них? — Альтар фыркнул. — Тот, что тащил вас — да. А огненного ты не видела? Нет? У него сил почти осталось, да и Гхаро по нему хорошо ударил. Но он справился. Иди, обними его, силой поделись... ему поможет. Я скоро вернусь. Давай.

Альтар чуть толкнул меня в бок, заставляя пошевеливаться. Сам поднялся на ноги.

— Ты куда?

— Потом... — отмахнулся он. — Смотри, чтобы тхай не помер, он мне нужен.

Я неуверенно кивнула, пытаюсь справиться с головокружением.

Мы в небольшой пещере, тут темно, но слабо светит магический светлячок под потолком.

Совсем рядом, на полу лежит Кавьяр. Весь мокрый, как и я... по всему телу красными пятнами ожоги. Видно, как неровно и часто дышит.

Я кое-как смогла приподняться, подползла, села рядом.

Осторожно коснулась пальцами его плеча.

— Эйх... как ты?

Да он весь горячий!словно в лихорадке. На пальцах левой руки до сих пор проглядывает кость, это никто не вылечил, просто чуть развернули процесс. Скорее всего, он отдал много сил на ту огненную вспышку и на борьбу с Гхаро... Очнется, я узнаю, как все было. Сейчас важно, чтобы он выжил. Мне он тоже нужен живой.

Немного собраться... Со мной все в порядке, просто голова кружится, оглушило магией, но собственных сил хватит. Сейчас...

Сначала прийти в себя самой.

Я села, скрестив ноги, закрыв глаза. Несколько минут. Так будет лучше. Если слишком поторопиться — велик шанс ошибиться и навредить.

Спокойно, вдох-выдох...

Все будет хорошо.

Для начала, нужно окончательно снять проклятие с него. Оно слишком старое, слишком глубоко сидит и сильно разрушило тело, но это возможно. Ожоги — это ерунда, он справится и сам, таких как мы — сложно убить. Освободившаяся магия залечит мелкие раны сама.

Только сейчас рука ниже локтя не крошащийся камень, как раньше, а рваное, сочащееся кровью месиво... и чтобы действовало скорее, мне бы надо дотронуться, положить руку, прямой контакт всегда эффективнее. Вот только подкатывает тошнота.

Я...

Ничего, я справлюсь. Главное — я знаю, что с этим делать, меня учили.

Да... сейчас... наверно, лучше не смотреть. Наверно, лучше будет сначала положить ладони у плеча, где еще все нормально, и потом медленно сдвигать вниз, к пальцам.

Когда я закончила, у меня тряслись руки.

Кавьяр так и не приходил в себя, лежал неподвижно. Но дышать стал ровнее.

Кисть его правой руки снова обросла плотью, кожа сверху была тонковатой, красной и слегка морщинистой, но это пройдет, нужно только время.

Все оказалось сложнее, чем я думала, отнимало куда больше сил. Или просто тяжелый день выдался. Ничего, главное я сделала... Теперь отдохнуть.

Я так и легла рядом, отползая на другой конец пещеры бессмысленно, да и слишком устала. Неважно. И даже лучше... соприкосновение магических полей хорошо сказывается на восстановлении. Обмен энергией.

И холодно лежать на камнях одной...

Я так и уснула, прижавшись щекой к его плечу.

20.

Новые планы

Я очнулась от того, что кто-то на меня смотрит. Почувствовала взгляд, даже не открывая глаз. А открыв — дернулась, не сразу поняв, где я и что вообще происходит.

Рядом со мной голый мужчина, он лежит на боку, чуть приподнявшись, опираясь на локоть. Смотрит на меня.

— Тихо, тихо... Тиаль, все хорошо. Ты... как?

Я тоже голая.

А он разглядывает меня. Не то, чтобы как-то откровенно разглядывает, скорее тоже пытаюсь осознать, что тут происходит. Но вдруг проняло.

Довольно темно, и это хоть немного спасает, потому что я краснею до самых ушей.

— Нормально... наверно. А ты?

Он улыбнулся.

Так странно было видеть улыбку на его лице. Все так же, и в то же время иначе, мягче...

Кавьяр вытянул вперед левую руку.

— Это ты сделала?

— Немного я, немного уже до меня, с тебя и так все эти заклинания слезали... я только помогла... — и где-то тут я поняла, что спала прижавшись к нему. — Я пыталась немного помочь, поделиться силой... Альтар сказал, ты много сил потерял, и... наверно, уснула.

Я голая... а он очень старательно смотрит мне в глаза, в лицо, хотя взгляд так и норовит скользнуть ниже. Покраснела еще больше, быстро села, притянув к себе ноги, обхватив колени руками. Поймала себя на том, что и мои глаза все косятся туда, куда не надо...

Кавьяр тоже сел напротив, немного притянув ноги к себе. Не то, чтобы это смущало его самого, скорее, чтобы не смущать меня.

Долго сидел молча. И как-то незаметно улыбка сползла, он стал очень серьезным.

— Я думал, он убил тебя, — сказал тихо.

— Альтар? — я покачала головой. — Он велел мне притвориться мертвой. Это ведь его план, да? Ты знал?

Кавьяр облизал губы.

И все же, он разглядывал меня. Пытался не смотреть, но взгляд все равно возвращался. Справедливости ради, я разглядывала его тоже. Сейчас даже представить сложно, что этот парень — то самое каменное чудовище. Не знаю, может быть, все дело в тусклом свете, но он выглядел совсем мальчишкой, наверно таким же, каким был десять лет назад, когда ему было семнадцать. Несмотря на прошедшие годы и опыт, физически все затормозилось именно тогда. Он был высоким, худым, но довольно крепким, широкие плечи... хотя левая рука явно тоньше и слабее правой, но это нормально — магия восстановила распавшиеся мышцы и сухожилия, сами по себе, но должно пройти время, прежде чем все это придет в прежнюю форму.

— Я знал не все, — сказал он. — Альтар предложил освободить меня, если я убью Гхаро. Я так понял, что он не мог сам сделать это, заклинание верности держало. Гхаро вырастил его, но, полагаю, поводов любить его у Альтара не было. Альтар говорил, что не было дня, чтобы его не упрекали, что он полукровка. И, думаю, не только это, хватало всякого, и поводов для ненависти. Его мать, Эниса, сестра Гхаро.

— Эниса... и ты знаешь, где она? Ты крикнул это Альтару?

— Да, — Кавьяр кивнул. — Я знаю ее.

— Она ведь... и не твоя мать тоже?

— Нет, — он усмехнулся. — Я чистокровный тхай, это совершенно точно. А Альтар получил пополам, того и другого.

— А твои родители?

Может быть, это неуместный вопрос...

— Тебе уже сказали, да? Для меня, мои родители — люди, которые вырастили меня, не делая разницы между своими детьми и мной, до войны я даже не знал... Остальное не важно.

Он немного нахмурился, отвернулся.

Все это так сложно. И я даже представить не могу, что ждет нас дальше. Что ждет меня...

— Что с нами будет дальше? — спросила я.

— Не знаю, Тиаль. Это был не мой план, и я... Я не могу сказать.

Вдруг такая усталость в голосе, даже обреченность.

Несколько минут мы сидели молча.

— Как твоя рука? — наконец, спросила я.

Он хмыкнул, вытянул, покрутил руку перед собой, попытался разжать и снова сжать пальцы, но они слушались плохо.

— Хорошо, я думаю, — чуть улыбнулся, быстро глянул на меня.

— Чешется очень. Кости ломит. Но это, наверно, нормально?

— Да, это нормально, — сказала я. — И то, что чувствительность еще вернулась не до конца, тоже нормально, чем больше ты будешь двигаться, тем быстрее все восстановится. Можно мне посмотреть?

Я даже чуть подалась вперед, когда осознала, как это может выглядеть со стороны.

Но ведь я действительно только помочь хочу, ничего такого...

Он сам подвинулся ближе, протянул руку мне. И все же, легкая улыбка мелькнула в уголках губ, но он очень старался сохранить серьезное лицо.

Ладно, я вовсе...

Я осторожно прощупала кисть руки, пальцы... вроде, все срослось правильно, проблем быть не должно.

— Сожми пальцы и разожми, — попросила я.

Он послушно сделал это. Выходило не слишком хорошо, но все пальцы хоть немного сгибались, двигались, значит восстановиться должно. Чуть ущипнула с тыльной стороны ладони.

— Чувствуешь.

— Угу, — он кивнул.

Ладони у него шире и крупнее, чем у Маро, даже притом, что левая пока тоньше. Длинные пальцы. И мне неожиданно не хочется отпускать...

Запястье и чуть выше — мне ведь надо понять, все ли нормально... В какой-то момент я поняла, что он почти не дышит, сидит, напрягшись, задержав дыхание и прикусив губу.

— Что-то не так?

Кавьяр мотнул головой. Потом усмехнулся, немного нервно.

— Прости, но... я чувствую не только это, — тихо фыркнул, извиняясь. — Видимо, я слишком долго был... каменным, что забыл, как это бывает, — он сосредоточенно втянул воздух, выдохнул. — Но когда рядом... девушка... я...

Да, обнаженная девушка, которая сама тянет к нему руки. Нет, руки я все же убрала, а то будет двусмысленно. Все, что надо я уже увидела... и даже больше.

— И это тоже нормально, — тихо сказала я, стараясь не очень уж явно краснеть и не дергаться. — Откат. Еще несколько дней все реакции тела будут намного сильнее, чем обычно, потом немного успокоится. И не только это, острее чувствуется боль, голод, жажда... Ты, наверно, и пить очень хочешь... но я не знаю, есть ли тут что.

Он улыбнулся, чуть склонив голову на бок.

— Ты удивительная, Тиаль.

Я покачала головой.

— Просто я уже большая девочка и знаю, как это происходит. Как действует эта магия. Или ты просто мало знаком с ринайскими девушками.

Попыталась улыбнуться в ответ.

На самом деле, в истинно ринайских семьях высокого происхождения действительно довольно свободные взгляды на отношении. Просто потому, что для ринайской девушки не будет никаких последствий, если только она сама не захочет. Это простолюдинки без капли дара должны заботиться о непорочности, о том, как родить здорового ребенка исключительно для своего мужа. Нам это не надо...

Кавьяр вдруг засмеялся.

— Я вообще мало знаком с девушками. Как ты понимаешь, все эти годы девушки мало интересовали меня, как и я их. А до этого... я был мальчишкой. Не могу сказать, что вообще ничего не успел, но это такой... хм, дурацкий опыт по большей части. Скорее одноразовые приключения, чем что-то большее.

— У меня был жених.

— Да. Но, как я понимаю, ты не слишком в него влюблена?

— Не слишком, — согласилась я.

Не могу сказать, что я не понимаю, к чему он клонит. Да что совсем не хочу этого — тоже сказать не могу. Просто немного странно все это...

Вдруг подумала, будь на месте Кавьяра Маро, он бы вешал мне лапшу на уши: какая я красивая, потрясающая, как он все эти годы страдал без меня, но вот сейчас, прямо сейчас, готов сделать меня счастливой, и мне обязательно понравится, потому что настоящие тхай — лучшие любовники. Да, про это как раз Маро мне говорил, что он тоже наполовину тхай, а они...

Что станет с Маро после всего этого?

Эйх Кавьяр сидел, склонив голову на бок, серьезно глядя на меня. Молча. Глядя в глаза, а не куда-то там... И под этим взглядом у меня что-то внутри переворачивалось, что-то происходило. Настолько, что я терялась...

И вдруг кто-то тихо кашлянул в темноте...

— Ладно, вы опытом-то обмениваться не будете? — веселый смешок. Альтар? — А то я стою, думаю: мешать вам или нет. Но давайте сначала кое-что обсудим, а там можете развлекаться.

Я и не слышала, как он подошел. Судя по всему, Кавьяр тоже.

Альтар принес одежду для нас, большой бурдюк с водой, немного вяленого мяса, яйца и свежие лепешки. Не знаю, где взял все это, но ему видней.

На мне платье сидело мешком, а Кавьяру оказались коротки штаны, ботинок на него и вовсе не нашлось, те, что принес Альтар — слишком малы. Но все равно это лучше, чем сидеть голыми.

— Ты спер это у местных крестьян? — спросил Кавьяр, разглядывая себя.

— Не я. Для меня приготовили все, что я просил, и лодка тут неподалеку. Кто же виноват, что у тебя такие длинные ноги. Придется потерпеть.

— Хорошо. И какие планы дальше?

Альтар протянул ему воду.

Кавьяр пил долго, с перерывами и нескрываемым удовольствием.

— Мясо я тебе не дам, — сказал Альтар. — Так сразу желудок может не справиться, поэтому ешь пока лепешки, а там будет видно.

Кавьяр не спорил. Он даже лепешки ел осторожно, маленькими кусочками, потому что совсем отвык.

— Мне нужен только ты, Эйх, — сказал Альтар. — Она не нужна. Ты сказал, что знаешь, где моя мать. Ты обещал показать, если я отпущу. Я даже готов поверить на слово. Пообещай, что отведешь меня к ней, и я готов отпустить Тиаль хоть прямо сейчас.

— И куда она пойдет? — спросил Кавьяр. — Где мы?

— На острове, недалеко от южного Сайторина. Да, с острова уйти сложно, но как только мы попадем на материк — она свободна. То, что она ринай — видно сразу, при необходимости хватит силы, чтобы за себя постоять. Стоит пойти к своим, сказать кто она, и ей помогут добраться до дома, — Альтар пожал плечами.

— Боишься, что она может помешать тебе?

— Хочешь взять ее с собой в Тхарис? Или, может быть, даже завершить свою миссию? — Альтар усмехнулся. — Хочешь доставить ее императору и передать в руки? Я был о тебе лучшего мнения.

— Нет... — Кавьяр нахмурился, потер подбородок. Бросил быстрый взгляд на меня.

Они обсуждали это, словно меня не было, словно у меня не могло быть своего голоса.

Но даже реши я вмешаться — пока не знала, чего я хочу. Домой? Но это значит, не увидеть больше никогда...

— Мы далеко от Илаты? — спросил Кавьяр. — Дай мне возможность отвести Тиаль в город и посадить на корабль до дома.

— У нас нет на это времени, — сказал Альтар. — Она взрослая девочка и справится сама.

Кавьяр нахмурился еще больше, поджал губы.

— Твоя мать в Табере, в горах, — сказал он. — Нам нет смысла идти к Цитадели, если ты хочешь увидеть ее. Если только Хакато не изменил планов, и ринайская заложница не понадобилась ему... для каких-то целей.

— Ты что-то знаешь?

— Нет, — Кавьяр повернулся к нему. — Я не могу знать наверняка, меня слишком долго не было. Но Хакато и без того остро нуждался в ринайской силе, ждал нас. А наш корабль пропал в море.

Поэтому я могу предположить, что он обратился за помощью к Эннису, он делал это уже не раз. С другой стороны, обычно он отправляется в Таберу сам, так что Эннису, скорее всего, там, где и должна быть.

— Он заставляет ее отдавать свою силу? — даже в тусклом свете я видела, как лицо Альтара потемнело.

— Нет, — сказал Кавьяр. — Она делает это добровольно. Поверь, это не пустые слова, я ездил в Таберу вместе с ним. Я бы даже сказал, что после Хорты Хакато остался жив именно благодаря твоей матери, она всегда поддерживала его, в отличие от родной матери, Илты. Хотя ходили слухи, что Илта императору не мать... уж очень непростые у Ксаро были отношения с женщинами, сейчас уже сложно разобрать. Но я знаю, что Эннису помогает императору, в том числе, и в память о Ксаро, она любила его.

— Это неправда! — Альтар мотнул головой, что-то еще прошипел сквозь зубы.

Кавьяр вздохнул.

— Если мы идем в Таберу, скоро ты все узнаешь сам, — он повернулся ко мне. — Тиаль, ты пойдешь с нами?

— Не думаю, что это разумно, — буркнул Альтар.

— А я думаю, — сказал Кавьяр. — Сейчас вряд ли найдется хоть одно безопасное место для нее, кроме родного дома, но до дома слишком далеко. Конечно, она и сама за себя постоять может, но три хороших мага лучше, чем один. И я даже примерно не могу представить, чем все это закончится.

— Хочешь сдать ее императору, чтобы загладить свою вину?

— И в чем же моя вина? — удивился Кавьяр.

— Ты предал его. Ты сдал Гхаро все... или ты думаешь, что раз Гхаро мертв, то это не имеет значения?

Кавьяр усмехнулся.

— Ты думаешь, я сказал ему правду? Ну, нет, и правду тоже, но лишь то, что он мог бы легко узнать и без меня. С одной ложью ничего не выйдет, не за что будет уцепиться, важно верить в то, что говоришь. Но обо всем, о чем говорить нельзя — я соврал. Ничего действительно важного я Гхаро не сказал. Ты ведь и сам не слишком-то поверил мне... Так что я не предатель. Я верен своему императору и всегда буду служить ему.

— Почему я должен верить тебе сейчас? — Альтару все это не нравилось. — Если ты заведешь меня в ловушку...

— Не знаю. Но ведь это был твой план. Ты хотел, чтобы я отвел тебя к матери. Я могу это сделать. Возможно, это даже в моих интересах.

— А она? — Альтар кивнул на меня. — Если ты действительно так верен императору, ты должен привезти Тиаль ему? Как часть дани. Ты ведь не имеешь права отпускать ее. Поэтому зовешь ее с собой?

Кавьяр шумно втянул воздух, скрипнул зубами. Потом поднялся на ноги, отошел в сторону, прошелся от стены к стене.

— Нет, не поэтому, — немного резко сказал он. — Тиаль, если ты хочешь уйти, я не стану тебя держать. Но я действительно думаю, что сейчас так будет лучше.

— А как же Маро? — спросила я.

— Маро? — Альтар глянул на меня так, словно видел впервые. — Забудь.

— Но...

— Нет, — жестко оборвал он. — Я вытащил вас обоих оттуда не потому, что хотел кого-то спасти. А потому, что мне нужен был он, — Альтар показал на Кавьяра. — Тебя я взял потому, что без этого он мог отказаться мне помогать. Но твой Маро меня не интересует. Я никогда не вернусь за ним, потому что это поставит под угрозу все. Я никогда не позволю вернуться тебе. Так что да, думаю, Эйх прав, тебе лучше пойти с нами, так будет надежнее.

* * *

Мы отправимся на рассвете.

Пока стоит отдохнуть, нам всем нужно восстановить силы.

До глубокой ночи Эйх разговаривал с Альтаром, рассказывал, слушал, обсуждал какие-то планы. Я сначала сидела рядом, слушала... потом... в этих разговорах не было ничего личного, только об императоре, дворе, войне, магии... потом и вовсе вещи, которых я не понимала. Они оба были так увлечены, что почти не вспоминали обо мне. Как бы там ни было, но они братья, сыновья старого императора, братья нынешнего. Им было, что обсудить.

В какой-то момент поняла, что никогда не чувствовала себя такой одинокой и потерянной, как сейчас.

Даже там, на острове, я понимала чего хочу и к чему стремиться, понимала, что мне нужно выбраться, что нужно Кавьяра как-то вытащить из всего этого. Мне казалось, только ему я могу доверять, и он будет со мной, поможет...

Нет, это и сейчас так, все произошло, как я рассчитывала. Та самая безумная эмоциональная вспышка, всплеск магии, когда он не смог примириться с моей смертью, сокрушив все...

Сейчас Эйх, живой и довольный, сидел и что-то увлеченно обсуждал не со мной.

Ревность?

За наше путешествие я привыкла, что все, что он делает, так или иначе крутится вокруг меня. А сейчас он был занят чем-то совершенно иным. Ему даже больше ничего не угрожает и... Я ему больше не нужна?

Глупое чувство.

Усталость и пустота. Как-то все навалилось разом. Надеюсь, я отдохну, и это пройдет, слишком много навалилось...

Встала, отошла подальше. Лучшее, что я могу сейчас сделать — это поспать, силы мне еще понадобятся.

— Тиаль? — Эйх окликнул, обернулся.

— Я отдохну, наверно, — сказала я. — Голова немного кружится.

В конце концов, я отдала много сил, чтобы сейчас он был жив и здоров в полной мере, мне нужно восстановиться.

Он проводил меня взглядом.

А потом — я не смотрела. Ушла подальше, повернулась спиной, легла на пол, поджав колени. Холодно. Не сказать, что я замерзаю, но пробирает легкий озноб, а одеяла нет, не во что завернуться. И огонь не разводили, потому что это нарушит маскировку пещеры, Альтар сделал так, чтобы вход невозможно было заметить со стороны.

Греться магией я не умела, мои способности немного не о том...

Обхватила колени руками...

Шаги сзади.

— Тиаль? Как ты?

Он сел рядом.

— Хорошо, — сказала я. — Просто устала.

— Ты дрожишь.

— Холодно...

Эйх протянул руку, коснулся моего плеча. У него такие горячие пальцы.

— Погреть? — спросил тихо, усмехнулся. — Прости, я понимаю, как это звучит, но имею в виду лишь то, что говорю. Я могу немного согреть магией, если это не слишком смутит тебя. Могу еще свою рубашку отдать, но не думаю, что это сильно поможет.

Я... даже не знаю.

Он подождал немного, и, видимо, решил, что если я не отказываюсь, то, скорее всего, не против. Наверно, так оно и было. Сел поближе, а потом и лег рядом, осторожно обнял меня сзади, притянул к себе.

— Не бойся, Тиаль, я ничего не сделаю. Так лучше?

Тепло. Я знаю, многие тхай умеют так — греться внутренним теплом, согревать других, кто рядом. Тепло его тела...

— Да, — сказала я. — Спасибо.

И даже невольно потянулась ближе, прижимаясь спиной к его груди. Его тепло укутывало, проникало внутрь, помогая расслабиться.

— Поспи, — сказал он на ухо, касаясь носом моих волос. — Я пока побуду рядом. У нас завтра сложный день.

— Я отвлекают тебя? Ты же о чем-то говорил с Альтаром?

— Ничего, — Эйх улыбнулся, я почувствовала, как он улыбается.

— Я успею поговорить и потом, а мерзнешь ты прямо сейчас.

Это было немного странно... но как-то очень успокаивающе и хорошо. Да, а остальное не важно. Как бы там ни было, сейчас я больше ничего не могу сделать, только успокоиться и поспать.

* * *

На свету Эйх выглядел еще большим мальчишкой, чем в полутьме пещеры. Даже с густой рыжей щетиной на подбородке. Сейчас, в первые дни, волосы будут расти особенно быстро. Ресницы и брови уже хорошо заметны, темно-коричневые, а не белые, как часто бывает. И волосы на голове заметно темнее, чем борода.

Глаза чуть сумасшедше поблескивают, круги под глазами — он почти не спал.

— Да как-то отвек я спать, не выходит.

Он так всю ночь и лежал со мной, очень тихо, стараясь не двигаться, грел своим теплом. Просыпаясь, я чувствовала его дыхание у самого уха.

— Ну-ну, — отозвался Альтар. — Сказал бы я, что ты еще отвек делать...

— Да иди ты! — фыркнул Эйх.

Мальчишка. Босой, в штанах по щиколотку... Сейчас так сложно признать в нем грозного воина с огненным мечом. Скорее пастушок, чудом оказавшийся в такой компании.

Вместе мы действительно выглядели странно, даже для людей, которые не могут распознать дар: девушка-сайторинка, тхариский паренек и Альтар, вообще неизвестно на кого похожий. Диких ринай давно не видели в наших землях, а он еще и полукровка.

Думаю, косых взглядом нам не избежать.

До лодки нужно было идти часа два через остров, Альтар специально спрятал ее подальше, чтобы если нашли лодку, не смогли сразу обнаружить и нас.

Небольшая, скорее рыбацкое суденышко, но с парусом. Надеюсь, плыть нам придется не очень далеко, не хотелось бы попасть на такой в шторм.

— К вечеру будем на месте, — сказал Альтар. — Ты с нами, Тиаль?

— Если я уду сейчас, одна, без денег, без понимания куда идти, то вряд ли смогу добраться до дома. Так что пока я иду с вами.

— Ты разумная девочка, — согласился Альтар. — Надеюсь, не думаешь, что я чем-то обязан тебе?

— Не думаю. А ты, я надеюсь, не думаешь, что я обязана тебя слушаться?

Альтар засмеялся, подмигнул Эйху.

— С ней будет непросто!

Южный Сайторин

— И что потом? — спросила я.

Альтар тихо хмыкнул.

Вечером мы сидели на берегу вдвоем, Эйх отправился ловить рыбу, у него отлично выходит. Альтар только что развел огонь и подкидывал в костер веточки, чтобы лучше разгорелось.

— Сложно сказать, — он вздохнул. — За последние дни мне на многие вещи пришлось взглянуть иначе. То, что казалось простым и очевидным еще совсем недавно, сейчас таким уже не кажется. Я встречаюсь с матерью, а потом уже решу, что делать.

— Ты хотел убить его?

— Императора? Хотел. Не могу сказать, что изменил свое решение. Наверно, больше всего хочу разобраться, понять, что к чему. Очень долго я мог видеть все лишь с одной точки зрения, а сейчас... То, что Эйх рассказывает об императоре, заставляет меня задуматься. Не передумать, но задуматься, по крайней мере. И еще... Если я попытаюсь убить Хакато, то мне придется убить и Эйха тоже.

— А ты бы не хотел его убивать?

— Его? Я не очень-то уверен, что справлюсь, — он посмотрел на меня. — Хочу спросить, Тиаль, если вдруг дойдет до такого, на чьей стороне будешь ты?

Это просто. Но мне бы очень не хотелось, чтобы до такого дошло и пришлось выбирать.

— Если бы ты сражался за Сайторин, — сказала я, — у меня могли бы быть сомнения. Но ты только сам за себя. Поэтому мой ответ очевиден. Если Эйху понадобится моя помощь, то я это сделаю.

— То есть, случись что, ты готова встать на сторону Тхариса? Ты ведь понимаешь, что дело идет к войне.

— Нет не на сторону Тхариса, только на сторону одного человека. Для тебя самого это только личная месть и личное дело. Думаю, если бы это было не так, Эйх отказался бы вести тебя туда. У меня нет ни единого повода помогать тебе.

— Ты веришь ему? Эйху?

— Почему же я не должна ему верить?

— Не знаю, — Альтар пожал плечами. — Человек, который легко врет под пытками, да так, что даже ринай не может распознать правду... Кто знает, в чем еще он врет.

— Он защищал своих, так, как мог.

— А если император будет в Табере, если он потребует отдать ему тебя?

Что я могу сказать на это?

— Я ведь для этого и отправилась с ним.

— Ты не боишься?

— Она боится, — вдруг ответил Эйх из-за моего плеча. — Любой человек в здавом уме будет бояться.

Я даже не видела, как он подошел... казалось, вот только что ловил рыбу у реки, я видела... и вот, он уже тут, подошел совсем неслышно.

Альтар даже вздрогнул.

— Подслушивал?

— Ну, что ты, — Эйх улыбнулся ему. — Просто рыбу принес, а вы так увлеклись беседой, что не слышали.

— Ты использовал магию, чтобы подойти незаметно.

— А не должен был? Зачем ты задаешь ей провокационные вопросы? Она не может знать, что я сделаю. Спроси меня.

— И что же ты скажешь сам?

Эйх положил перед нами три разделанных рыбины, готовясь жарить их на огне.

— Если императору нужна будет помощь, — сказал он, — я так же попрошу Тиаль помочь ему, как твоя мать помогала все эти годы. Но если он попытается взять свое силой или причинить Тиаль вред, то я буду защищать ее.

— Пойдешь против его воли? Почему?

— Потому, что я считаю, что так правильно.

— Ставишь свою волю выше воли своего господина?

Эйх усмехнулся.

— Это говорит мне человек, который нанял тхая убить своего лорда и дядю? Или чужими руками — не считается? У тебя была своя цель, у меня своя.

— Хочешь занять его место?

Я думала, Эйх возмутится такому вопросу, но он только покачал головой.

— Не хочу, — сказал спокойно. — Мне не нужна власть, я слишком долго стоял рядом, чтобы понимать — ничего хорошего власть не принесет.

— Но ты допускаешь такую возможность?

— Допускаю, — согласился он. — У Хакато нет детей и уже не будет. Он мертв. Не так, как я, потому что я, все же, не переступал ту грань, я был только близок к смерти. А он переступал, но его вытащили назад — тхайские маги и ринайская сила жизни. Он может существовать в таком состоянии много лет, едва ли не веков, если обеспечить постоянный приток силы. Но детей не будет. Ему некому передать власть. У него нет законных братьев, а братья Ксаро погибли под Хортой. Есть только мы с тобой. Ну и, может быть, под шумок отыщутся еще претенденты. Разве не за этим ты собрался в Цитадель? Впрочем, — Эйх ухмыльнулся, — несмотря ни на что, Хакато может запросто пережить нас всех, мы успеем состариться, а он останется юным и бессмертным. Но пока мы успеем добраться до Таберы — слишком многое в мире может успеть измениться. Кто знает, может быть, война уже неделю как идет, может быть Хакато давно мертв, а трон Тхариса поделили сайторинские лорды? Давай не будем загадывать. Для нас пока есть только здесь и сейчас.

Он улыбается мне.

Так легко... и все это так безумно сложно одновременно. С того момента, как мы покинули Ферт и вышли в море — действительно могло произойти много всего. Нам не узнать. И даже если мы выйдем к людям, то в отдаленных деревеньках люди могут ничего не знать. А идти в город — опасно. И даже в Илате далеко не каждый может рассказать нам, как на самом деле обстоят дела.

Для нас только здесь и сейчас, без загадывания наперед.

Вечер, первые звезды на небе...

Костер потрескивает. Обалденно пахнет жаренная рыба, и так хочется есть после целого дня на ногах. И на вкус... Рыба и немного оставшихся лепешек, вот и весь наш ужин.

Я сижу, наблюдаю, как Эйх ест — даже чуть зажмуриваясь от удовольствия, облизывая пальцы. Слишком долго простые

человеческие радости были недоступны ему. А сейчас все вернулось.

Блики от догорающего костра играют в его глазах. Он улыбается, поймав мой взгляд — легко, искренне, ему хорошо сейчас.

Я знаю, что этот человек не даст меня в обиду, что бы ни случилось, чего бы это ему не стоило.

И дело даже не в этом. Не в защите. Мне хорошо рядом с ним. Сейчас хорошо...

И он встает, обходит костер, садится рядом, так близко, что его коленка касается моей.

— Когда доешь, не хочешь немного прогуляться к реке? — тихо говорит он.

— Зачем?

Тихо смеется.

— Просто так.

Лягушки поют на разные голоса...

У него теплые пальцы... Он протягивает мне руку, помогая подняться, и не отпускает потом. Сначала просто осторожно держит, потом чуть крепче, потом легонько поглаживает большим пальцем. И вот где-то тут у меня замирает сердце, пропуская удар.

Эйх улыбается.

Мы идем, молча... Больше всего я сейчас боюсь пустых банальных слов, боюсь, что они разрушат все это... так удивительно. Но Эйх ничего не говорит мне. Мы оба все знаем, без объяснений.

Мы спускаемся к реке по склону, так, что от костра нас больше не разглядеть.

Вдалеке от огня немного прохладно, тем более у воды. Я невольно вздрагиваю от налетевшего ветерка. Или это от налетевшего вдруг волнения.

Я помню, как увидела Эйха впервые. Десять лет назад. Конечно, тогда все воспринималось иначе, я была ребенком, а он — врагом, пришедшим в мой дом. Но отчего-то я не боялась его уже тогда. И потом — каменный страж в доме моего отца... Айни так боялась его, а я разглядывала его с каким-то почти болезненным интересом, что-то цепляло. Возможно, тогда я просто понимала, что знаю его, но не понимала откуда, и это не давало покоя.

Я помню, как в первый вечер в дороге он кормил меня лепешками. Помню, как после первого боя у моста он обнимал меня за плечи, давая возможность выплакаться. Ему было не все равно, что я чувствую. Как нес меня на руках, когда я лечила Маро. Как грел меня своим теплом вчера вечером. Был рядом, когда мне нужна была помощь. И ничего не требовал за это. И даже сейчас... он же отлично видит, что я сама хочу. Чуть больше тепла...

Я так устала, наверно... От неопределенности, от бесконечной дороги и чужих людей, от умываний ледяной водой, от ночей под открытым небом, от всего этого. Хочется покоя и тепла.

Хочется, чтобы он обнял меня.

Эйх останавливается, поворачивается ко мне. Совсем близко... Смотрит мне в глаза. В темноте его глаза совсем темные, но я отлично знаю, что они изумрудно-зеленые на самом деле. Эйх очень спокоен внешне, только крылья носа чуть вздрагивают, но в изумрудной глубине полыхает огонь... его не скрыть, такой горячий, что у меня вспыхиваю щеки.

Он отпускает мою руку, но только для того, чтобы обеими ладонями обнять за талию, притянуть к себе. Я подаюсь... и вдруг понимаю, что стою столбом, не зная, как ответить. Я не смущаюсь, нет, я уже большая девочка... и мне нравится все, что сейчас происходит, но... не знаю. Кажется, для него это значит куда больше, чем для меня.

Он гладит меня нежно, кончиками пальцев, пытается заглянуть в глаза.

— Что-то не так, Ти?

Все так. Он не Маро, не станет уговаривать и давить, Маро ждал, что я буду обнимать его, потому что он этого хочет, Эйх пытается понять, чего я хочу. Я постоянно сравниваю... не стоит, наверно.

— Все именно так, — пытаюсь улыбнуться, найти и уцепиться хоть за что-то, что может реально тревожить меня, а не все эти глупые мысли. — Ты ведь должен был отдать меня императору? Ты ведь все еще служишь ему. Ты говорил об эмоциональной привязанности, о том, что мое сердце должно быть свободно...

Он немного хмурится.

— Не думай об этом. Так, как должно быть, уже не вышло в любом случае.

— Но император...

— Тебя никто ни в чем не обвинит, Ти. Это я могу обещать. А если вдруг императору понадобится помощь, и ты захочешь помочь, то сможешь сделать это в любом случае.

— А ты? Никто не обвинит тебя?

Он тихо фыркает, почти с усмешкой.

— Это уж моя забота.

Обвинят, я вижу это. Он не выполнил приказ, и у них с этим строго.

— И ты не боишься?

Эйх улыбается.

— Отказываться от любви, боясь наказания? Зачем тогда жить вообще?

Поднимает руку, касается моих волос, проводит пальцами, и чуть-чуть по щеке...

Это не игра, не бравада, это серьезно для него. И он ничего не боится, не сомневается, легко и открыто говорит о чувствах. Но он тхай, так что, наверно, это обычное дело. Они воспринимают это иначе.

Я...

Я просто прижимаюсь к нему, на выдохе, обнимаю его крепко. Не знаю, что мне сказать. Просто сделать вот именно так мне кажется правильным, самым правильным из всего, что я могу. Быть рядом. Всем телом чувствую, как быстро колотится его сердце. Чувствую, как и мое сердце начинает биться сильнее.

Он обнимает меня сам. Касается носом, губами моих волос.

— Я люблю тебя, — говорит шепотом.

Это так просто, он ничего не просит взамен. Не ждет от меня ответных признаний. Эйх ведь прекрасно видит, как я... сомневаюсь. Но не обижается за это на меня. Ему достаточно своей любви, достаточно отдать мне сейчас то, что у него есть.

Чувствую, как улыбается, его дыхание мне в макушку. Это удивительно успокаивает. Я прижимаюсь к нему сильнее. И как-то почти до всхлипа... словно что-то ломается во мне. Словно лопается защищающая меня скорлупа и тепло разливается по всему телу. До слез.

— Ну, ты чего? — говорит он.

Я поднимаю на него глаза. Он осторожно смахивает непрошенную слезинку с моей щеки и касается в этом же месте губами.

Словно я знаю его всю жизнь, словно он самый близкий человек... это так удивительно... он мой...

И я, почти не осознавая этого, к нему тянусь, губами к его губам. И быстрый отчаянный выдох... Его поцелуй такой горячий и такой нетерпеливый, словно все эти годы он только этого и ждал. Пальцы мелко подрагивают от волнения — у него, не у меня, и я чувствую, как он всеми силами пытается сдержать этот порыв, потому что на нежные вдумчивые ласки терпения не хватает, это сильнее его, огонь вспыхивает.

Я обнимаю его за шею... короткий колючий ежик на макушке, подбородок колючий тоже — щекотно, но мне нравится. Может быть, потому что в этом есть что-то удивительно настоящее, живое... не важно, нет сил думать уже ни о чем. Его огонь обжигает, захватывает и меня тоже, горят щеки, дыхания не хватает и кружится голова. Мне просто хорошо с ним сейчас, остальное не важно.

Он подхватывает меня на руки... или я сама запрыгиваю, сложно сказать... обхватив его ногами, глажу его шею, плечи, я прижимаюсь к нему до хриплого стога. Он целует мою шею и грудь в вырез платья... и укладывает меня на траву, его пальцы по моим ногам... а дальше я уже вообще плохо понимаю...

22.

Дорога

Мы видели вооруженных людей на дорогах, но предпочитали держаться подальше. Это Сайторинская территория, и как бы восприняли тхая, интересующегося ситуацией в мире — сложно сказать. Императорского стража в нем сейчас не распознать, и даже если бы узнать можно было, то не факт, что встретили бы с радостью. Альтар тем более выглядит странно, а я... Одинокая женщина на дороге смотрится подозрительно, а женщина в такой компании — тем более.

Конечно, можно притвориться другим человеком с помощью магии, но долго держать такую маску не выйдет, да и попадись на пути хороший маг — он почувствовал бы неладное, и это вызвало бы куда больше подозрений.

Поэтому мы смотрели издалека, пытаюсь строить версии. Старались держаться подальше от больших дорог.

Еще не война, но точно что-то готовится.

То тут, то там — встречались повозки сайторинцев, направляющиеся от тхариской границы вглубь. Обычные люди, по большей части, такие нередко бегут от войны, если остались родственники, живущие в относительно безопасном месте.

Пока таких было немного.

До Тхариса отсюда не так далеко, поэтому Эйх рассчитывал выяснить все у своих.

И только когда попался небольшой городок на окраине Сайторина, мы, наконец, решили выйти к людям. Здесь хватало и сайторинцев и тхарисцев, так что мы не будем слишком уж бросаться в глаза. И все же, решили разделить с Альтаром, у него, похоже, были дела, которые он хотел решить самостоятельно.

Мы с Эйхом отправились на рынок, купить немного еды в дорогу и хоть какие-то ботинки для него, а то идти в горы босиком — не самая удачная идея. И, если повезет, узнать последние новости, что там в мире делается.

— Давай так, — сказал Эйх, — если вдруг спросят: ты дочь состоятельного купца, живущего в Тхарисе последнее время. У отца дела, а тебя он отослал к родственникам. Я наемник, твой сопровождающий.

— Пожалуй, наемник ты так себе, судя по тому, что нас явно обокрали в дороге, — я кинула на его ноги. — Да и оружия у тебя нет.

Эйх усмехнулся.

— Ничего, я хреновый наемник. В конце концов, так и есть, свое задание я провалил.

И вроде бы весело, но капелька горечи в голосе.

Но до рынка мы дойти не успели. Прямо на улице, столкнулись с всадниками.

— Сойтер! — вдруг крикнул Эйх, едва ли не наперерез бросился.
— Аше Сойтер!

Два всадника охраны впереди, трое сзади, а между ними огромный черноволосый мужчина в синем дублете расшитом серебром.

— П-шел вон, оборванец! — рявкнул один из охраны.

— Сойтер, мать твою! Я Кавьяр! Нам нужно поговорить!

— Что ты несешь! — Сойтер выехал вперед, напряжено вглядываясь. Охрана демонстративно взялась за оружие, пока не обнажая, но готовясь сделать это в любой момент.

— Эйх Кавьяр, каменный страж! — он быстро засучил рукава, хлопнул в ладоши, и его руки до локтя вспыхнули огнем.

Двое впереди выхватили мечи.

— Стойте! — Сойтер подъехал ближе, потом спрыгнул с лошади.

— Кавьяр? Что это значит? Огонь убери.

Огонь погас.

— Нам нужно поговорить, — сказал Эйх.

Мы расположились в таверне неподалеку. Мужчинам принесли эль, мне немного вина.

— Леди Найрах, — Сойтер церемонно склонил голову, но его черные глаза напряженно поблескивали. — Когда «Белый кит» не пришел в порт вовремя, мы поняли, что что-то случилось.

— На нас напали... пираты, — сказала я, поглядывая на Эйха.

Даже не знаю, все ли я могу сейчас рассказать или о чем-то лучше умолчать пока. Насколько этот человек ему друг.

Видела, что Эйх тоже не спешит рассказывать, разглядывает Сойтера. После всего, что случилось, если у него веские причины прятаться от людей императора? Так или иначе, эта встреча — хорошая возможность узнать правду.

Но что-то не так.

А Сойтер не слишком доверял нам.

— Это пираты вернули тебя к жизни, Кавьяр? Что с тобой произошло?

— Долгая история. Меня накрыло вспышкой магии, такой мощной, что она поломала все заклинания, лежащие на мне. Тиаль

сняла то, что осталось, и спасла мне жизнь. Мне повезло. А как ты сам оказался здесь?

— У меня приказ, — сказал Сойтер. — Секретный, я ничего не могу рассказать тебе. Я еду... дальше на восток.

Он мялся. Наверно, впервые я так ясно видела ложь. Тхай не умел притворяться, он боялся, что его уличат во лжи, но и правду говорить не хотел. Дело не в секретности, он бежал от чего-то. И в то же время Эйх врал так, что сомнений в правдивости его слов даже не возникало, совершенно естественно. Признаться, это слегка пугало меня.

— Я должен доставить Тиаль императору, — сказал Эйх. — Он в Цитадели сейчас? Или мне стоит поискать его в других местах.

— Других?

Эйх пожал плечами, отхлебнул из своей кружки.

— Тиаль ведь пропала, ее нужно было кем-то заменить, по крайней мере, на время.

Сойтер нахмурился, задумчиво потер подбородок.

— Так ты хочешь вернуться? — сомнение в его голосе. — Вы пойдете туда вдвоем?

— Вдвоем, — уверенно сказал Эйх. И даже я не уловила и капли лжи. Но ведь Альтар пойдет с нами? Или Альтар и вовсе не отпустит нас в Цитадель, ведь Эйх обещал отвести его к матери.

— Слушай... не говори, что видел меня, — сказал Сойтер. — Ты ведь понимаешь, правда?

— Понимаю, — согласился Эйх. — Где Хакато?

— Думаешь, у тебя выйдет? — сказал Сойтер. — Свою силу ты ведь не растерял, как я видел. Не знаю уж, что случилось с тобой, но сейчас... Удивительно, как ты похож на него, только ты рыжий... удивительно похож. Раньше я не замечал этого.

— Где Хакато? — Эйх говорил ровно, но очень настойчиво.

— Должно быть, в Цитадели сейчас, — сказал Сойтер. — По крайней мере, он был там и собирался остаться. Возможно, ты знаешь больше... ты всегда знал больше. Но... добрый тебе совет, Эйх — не торопись в Цитадель. Просто не торопись. Тебя наверняка считают погибшим, так что ты свободен, никто не хватится. Тебя даже не узнает никто. Я не могу объяснить, но что-то там готовится, и я бы советовал держаться подальше. Тем более, что тебе так повезло и... теперь есть что терять.

Он со значением кивнул на меня. Поднял свою кружку, допил все залпом.

— Спасибо за совет, — согласился Эйх.

* * *

— Нет, — Альтар был непреклонен. — Мы идем в Таберу, как и договаривались.

— Мне нужно в Цитадель, — Эйх сидел хмуро, глядя прямо перед собой. — Я знаю, что обещал тебе, но это важно. Возможно, императору угрожает опасность, и я... Я объясню тебе, как добраться и как найти, ты сможешь найти сам. Я обещал показать дорогу, но не идти с тобой.

— Тогда Тиаль пойдет со мной, — холодно сказал Альтар. — Не дергайся, с ней ничего не случится. Но мне нужны гарантии. Идти в Цитадель сейчас — самоубийство, думаю, ты и сам уже прекрасно видишь это.

— Что ты знаешь?

— Не много. Знаю, что готовится война. И готовится она не Сайторином, как многие думают... хотя и Сайторином тоже, но это, скорее, прикрытие. У Сайторина сейчас слишком мало собственных ресурсов. Истинные ринай, которых вы называете дикими, хотят отомстить за долгие годы изгнания и получить все. Они долго собирали силы и вот...

— «Они»? — Эйх глянул на него искоса. — Ты не один из них?

— Я никогда не был по-настоящему своим, — Альтар покачал головой. — Я жил с ними, меня воспитывали как ринай, но каждый день, день за днем, указывали мне, что я никогда не буду таким, как они, что я чужак... порченный... Я хотел быть с ними, но, в конце концов, поверил. И до сих пор не знаю кто я. Прежде, чем принять чью-либо сторону, я должен найти свою мать.

— То есть, хочешь сказать, тхайская кровь может взять верх?

— Я не вижу разницы между тхайской и ринайской кровью. Сила одна. Ты сам можешь без труда освоить простые ринайские заклинания, как и Тиаль — тхайские. Дело лишь в

предрасположенности к одному или другому. Ты ведь видел, на что я способен... и, думаю, это далеко не предел.

Белый водяной дракон, несущийся по волнам. Кто из диких ринай способен на такое? И только ли Альтар? Я была бессильна, когда они напали на корабль, а ведь я далеко не так слаба. И если такая сила обрушится на Тхарис... Мне даже не по себе от такого. Они ведь не пожалеют никого.

Эйх хмурился.

— Я должен предупредить императора, — сказал он.

— Думаешь, он не знает?

— Не важно, что я думаю. Это мой долг.

Альтар пожал плечами.

— Тебе нужно определиться между долгом и женщиной, — он усмехнулся. — Что важнее? Хочу, чтобы ты понимал, что если ты Тиаль пойдет с тобой к Цитадели, то может погибнуть. Ты ведь сам знаешь по катапульты, но вряд ли понимаешь настоящую мощь этого оружия. Сможете ли вы спрятаться от такого удара, если настигнет?

— Хочешь, чтобы я пошла с тобой? — удивилась я.

— Не хочу врать, но мне нужен он, Тиаль, — Альтар кивнул на Эйха. — Его знания и его сила. А он пойдет за тобой. Что бы он сейчас ни говорил, но пойдет. На счет тебя у меня тоже были кое-какие мысли, но не думаю, что это разумно.

— Какие мысли?

— Уже не важно, — он мягко улыбнулся.

— Полагаю, он хотел жениться на тебе, — глухо сказал Эйх. — Твой отец имеет серьезное влияние в Северном Сайторине, его поддержка легко перетянет большую часть северных лордов на сторону Альтара, без войны, крови и лишних проблем. Мать Альтара, Эниса, принцесса, вероятно, будет иметь влияние среди своих тоже... Дядя, Альтара и брат покойного Гхаро, Юшину, верховный лорд диких ринай. Полагаю, Юшину планировал занять место императора, подмяв под себя все земли. Полагаю, Альтар планировал устранить и второго дядю тоже. Согласен, у Альтара достаточно личных причин для ненависти, но дела это не меняет. Вероятно, среди ринай так же есть люди, готовые поддержать его. А ты... думаю, это не так принципиально, можно найти и другую девушку, например, твою сестру, у нее хуже защита, она легче поддается влиянию.

Мне даже нехорошо стало.

— Это правда? — спросила я.

Альтар пожал плечами.

— Это только догадки, — сказал он. — Я всего лишь хочу найти свою мать.

— Не спорю, без матери тебе не обойтись. Но во всех этих семейных разборках вы уничтожите Тхарис. Я говорю даже не об императоре, я говорю о людях. Простым людям точно нечем защититься от огненного удара.

— Простые люди всегда гибнут в войне.

— Чужими руками... — сказал Эйх, искра ненависти мелькнула в голосе. — Для тебя расчистят дорогу, это так удобно.

— Ты ведь понимаешь, что я не имею к этому отношения и никак не могу помешать.

— Ты можешь только воспользоваться.

— Глупо было бы не воспользоваться, — Альтар усмехнулся. — Ты хочешь меня убить?

Эйх, тихо выругался, скрипнул зубами.

— Если бы я думал, что это может что-то изменить, то да, хотел бы. Но это ничего не изменит. С тобой или без тебя, но ринайский флот, думаю, уже в пути. Я должен идти к Цитадели, — сказал он. — Я объясню, как добраться до Таберы и как найти твою мать. Думаю, будет правильно, если Тиаль пойдет с тобой. Но я не могу.

Он отвернулся.

Я... даже не знала, что сказать на это. Он хочет бросить меня? Оставить? А сам... Если все действительно так, он может погибнуть там, и я больше никогда его не увижу. Так нельзя!

— Эйх...

— Прости, Ти. Так будет лучше.

— Нет. Тогда я пойду с тобой!

— Ты идешь со мной! — сказал Альтар с нажимом, голос повысил, ему это совсем не нравилось.

А вот на меня вдруг накатила злость. Никто не будет решать за меня!

— Я ничего тебе не обещала, — вскочила на ноги, глядя Альтару в глаза. — Ты договаривался не со мной. Если хочешь, попробуй заставить меня силой! Вот только думаю, Эйх поддержит меня. А с

нами двумя ты справишься? Я иду с ним! А ты можешь идти куда хочешь!

— Не надо, Ти, — сказал Эйх за моей спиной. — Это опасно. Думаю, тебе действительно лучше пойти с ним.

— А я так не думаю! И вообще, я ему не доверяю! Ты хочешь бросить меня?! Как ты можешь!

Сейчас я устрою истерику, такую же, как мне Маро. Словно смотрю со стороны, понимаю, что так нельзя, но и ничего сделать не могу тоже. Немного стыдно... Но я хочу идти с ним! Я не могу...

— Ти, я... Если останусь жив, я найду тебя. Обещаю.

— Нет.

А если он погибнет? Что мне делать тогда?

Эйх поднялся, вздохнул, обнял меня сзади.

— Не делай глупостей, Ти.

Это не глупости.

23.

Огненная скала

Время. Все упиралось во время, его не хватало.

Мы старались проходить за день как можно больше, но всему есть свой предел.

Два дня до тхайской границы и еще день на юго-восток, и только потом имело смысл разделиться. Что бы мы ни решили, пока нам все равно в одну сторону, одной дорогой.

И так безумно нужны крылья... или, хотя бы, лошади. Но лошадей нет, и денег на то, чтобы их купить — тоже, хорошие лошади стоят дорого.

Эйх был готов идти день и ночь, почти без сна, но даже он понимал, что надолго так не хватит. Можно идти без отдыха одну ночь, можно даже две, если помочь магией восстановить силы. Но до Цитадели слишком далеко. Никаких сил на это не хватит.

Он даже осунулся, места себе не находил. Весь погрузился в свои мысли, понимая, что может опоздать, но не понимая, что может

сделать с этим. Дикие ринай могут атаковать Тхарис в любой момент, могут сжечь все... Найдутся ли у Тхариса силы противостоять?

Я старалась идти рядом с Эйхом, но не всегда могла поспеть за ним. Иногда даже шла, держа его за руку, и тогда Эйх замедлял шаг, соизмеряя свои шаги с моими. Но стоило ему задуматься, отвлечься, и он снова начинал идти быстрее. У меня болели ноги, болела спина, но отдыхать времени не было.

Альтар держался чуть в стороне, пока ни на чем не настаивая, наблюдая. Он не пытался тянуть никого на свою сторону, не пытался давить на Эйха. «Ты нужен мне как союзник», — сказал он. «Я пока не знаю, как повернется, и не хочу портить отношения».

Я поняла еще одну важную вещь об Альтаре — он очень мало знал о нашем мире. Всю жизнь провел где-то на островах, и то, как живут здесь — понимал плохо. А у Эйха были знания и связи, ему нужно только добраться до своих.

Но даже он не думал, что будет так...

За тхайриской границей нас встретил вооруженный отряд. Небольшой, их было шесть человек, все верхом.

— Стоять! — сходу окрикнули нас. — А ну, стоять! Руки подняли, чтобы я видел!

— Что это? — тихо удивился Альтар.

— Сейчас узнаем, — Эйх шагнул вперед и замер, и руки, все же, поднял, демонстративно. — Держитесь за мной.

Всадники подъехали к нам, внимательно приглядываясь. Эйх был тхаем без сомнения, а вот мы с Альтаром...

— Дезертир?! — рявкнул один из всадников, капитан, судя по всему.

— Меня зовут Эйх Кавьяр, я служу императору, — Эйх в ответ так же внимательно разглядывал их. — Я вез дань из Северного Сайторина, но мой корабль попал в шторм и разбился. Это дочь Иргато Найраха, — он кивнул через плечо.

— Что ты несешь?! Какой еще корабль?

— У них лошади, — тихо сказал Альтар. — А магии почти нет. Заберем?

— Подожди, — шепнул Эйх. — Мы вышли из Ферта, — сказал громко, — но шторм отнес нас к западу. Корабль разбился о подводные

скалы. Нам удалось выбраться на берег, и мы идем в Цитадель.

— Идешь в Цитадель? — капитан фыркнул недоверчиво. — Кавьяр, ты говоришь?

Имя было ему незнакомо, и что-то смущало.

— Да. Я видел людей, покидающих Тхарис. Что происходит? Они бегут?

— Спроси их сам! — рявкнул капитан, сплюнул под ноги. — Они крысы! А кто он такой? — ткнул в Альтара.

— Я могу ударить, — шепнул Альтар. — Могу парализовать, прицельно, не убивая.

— Подожди, — отмахнулся Эйх, и потом громче. — Этот человек сопровождает леди Найрах, служит ее отцу.

— Ринай? — они переглянулись.

— Говорят, сайторинцы высадились к востоку отсюда, — сказал один из всадников. — Может, этот с ними?

Капитан шикнул на него, чтобы молчал.

Значит, война?

Но если это так, если сайторинцы там, то, может, и отец... У меня даже в груди кольнуло, я поняла, как сильно устала, как хочу домой... Но только рвануться к своим у меня нет никакой возможности. Я даже не знаю, где они... Нет, даже если бы могла, я бы не бросила Эйха тут...

— Сайторинские войска? — сказал Эйх.

— Не делай вид, что не знаешь! Вы пойдете с нами, пусть лорд Марон решит, что с вами делать.

— Марон? — Эйх, хмуро скрипнул зубами. — Альтар, давай!

Альтар не заставил себя ждать.

* * *

Мы скакали до вечера, так быстро, как только могли, опасаясь погони. Альтар сказал, что через пару часов те тхарисцы начнут приходить в себя, еще через час будут в состоянии скакать за нами. Вот только, конечно, в здравом уме за нами поехать не должны, им с нами никак не справиться. Только двое из них обладали слабым даром, но в сравнении с Альтаром, Эйхом, даже со мной — это вообще ничто.

Не знаю, мучила ли меня совесть, что лошадей мы украли... все слишком перемешалось в последнее время.

Эйх сказал, Марона он знает, и этому человеку не стоит доверять. Отправившись с ними мы потеряем время и, скорее всего, не узнаем ничего. Лучшее, что мы можем сделать, это увидеть своими глазами.

Завтра утром разделимся, и я...

Весь вечер у костра я сидела рядом с Эйхом, не отходя. Мне казалось, стоит отвернуться, и он сбежит, сделает по-своему. Я ни на минуту не выпускала его из виду.

И даже во сне я крепко обнимала его, держала, чтобы никуда не делся. Я не позволю ему решить все за меня. Он, казалось бы, и не слишком сопротивлялся, ничего не говорил, обнимал меня в ответ, нежно гладил по волосам. Его хмурое сосредоточенное лицо и мысли явно где-то не здесь, но руки гладили меня так нежно... Я не отпущу. Завтра мы решим.

Я уже засыпала почти, когда почувствовала странный гул. Вздрогнула, открыла глаза, пытаюсь понять, что это такое. Словно что-то огромное, дрожь земли...

Эйх моментально вскочил на ноги.

— Что это?

Альтар уже стоял на ногах, вглядываясь в горизонт.

— Смотри! — он показывал куда-то за наши спины.

Всполохи света на горизонте... и все ярче. Словно огонь движется на нас.

— Что...

Гул, до вибрации в воздухе. И звон в ушах от нереального напряжения магических полей, словно буря. Словно все сходит с ума. И у меня сжимается сердце.

Огонь. Что-то летит на нас.

От страха я хватаю Эйха за руку, уже готова развернуть щит... но только никакой щит не закроет от такого.

Как у моста в горах, я отлично помню, но намного страшнее. Огонь летит на нас. Нет, через нас, далеко, он летит дальше. Мимо нас, высоко, где-то краем, и все равно дрожит земля.

Огненная скала в небе. Словно комета с гигантским пылающим хвостом. Чудовищно.

Эйх замирает, вытягивается. Я сама, кажется, перестаю дышать. Это невозможно. Словно в страшном сне.

Оно летит в ту сторону, куда едем мы. К Цитадели.

— Твою мать... — выдыхает Эйх сквозь зубы, почти готов дернуться из моих рук...

— Еще! — говорит Альтар.

За первой огненной скалой летит еще одна. И, мне кажется даже, не одна...

А первая уже уносится за горизонт.

Я со всей силой сжимаю руку Эйха, ожидая далекого удара... Хочется зажмуриться.

Сердце колотится так, что кажется, я сейчас задохнусь.

Этого не может быть.

Ожидание тянется вечно, я считаю про себя, не знаю зачем... один, два, три...

Удар!

Сначала я вижу, как небо на горизонте вспыхивает красным и золотым. Столб огня и света поднимается на огромную высоту, и свет разливается кругом...

Нет!

— Нет! — Эйх вскрикивает, вырывается, бросается вперед. Я пытаюсь задержать его, остановить... не понимаю, что делать.

В это время где-то там, вдали, падает еще одна горящая скала. И только тут накатывает дрожь земли от первого удара, докатываясь до нас, так, что подгибаются ноги.

И падает третья.

Порывом ветра бьет в лицо.

Я кричу.

Там, где все это упало — не осталось ничего живого, на много миль вокруг.

Я даже предположить не могла удара такой силы. Это больше, чем магия, больше, чем я могла себе вообразить. Это невозможно.

Я сейчас проснусь?

Пальцы Эйха в моей руке леденеют. Потом вдруг наливаются таким жаром, что я отдергиваю руку — невозможно держать.

— Эйх... — испуганно говорю я.

Он делает шаг вперед, вообще меня не слыша. Он смотрит только на пылающее небо вдали. Его дом, император, все, что было ему дорого... тысячи людей, которые не смогли укрыться... ни в чем не повинных людей...

Я понимаю, что у меня дрожат губы, но все замерло в груди, закаменело.

Эйх идет вперед... шаг, еще шаг...

Язычки огня вспыхивают на его коже, но он не замечает, он даже не здесь... его одежда вспыхивает.

— Эйх! — кричу я. — Эйх, нет!

И я почти понимаю, что сейчас будет. Но я не понимаю, что после этого будет со мной, смогу ли я когда-нибудь его еще увидеть... Что будет с ним! Вернется ли он?

— Альтар! — беспомощно оборачиваюсь.

Альтар лишь качает головой — не мешай. Он стоит, вытянувшись, поджав губы. Так напряженно.

— Эйх! — отчаянно кричу я.

Эйх идет вперед, почти бежит, и огненные крылья призрачным огнем вспыхивают за его спиной.

— Не туда! — кричит Альтар ему вслед. — Там уже все кончено! Лети туда, откуда били! Отомстить! Отомстить, Эйх!

Последнее — изо всех сил, срывая голос, потому что Эйх уже прыгает в небо. Он больше не человек. Драконьи крылья поднимают ветер.

— Отомсти! — орет Альтар.

Эйх слышит его, потому что разворачивается в небе, меняя курс... Страшно ревет, так, что закладывает уши.

А потом мы с Альтаром остаемся вдвоем. В тишине.

Я стою, смотрю, как огненная точка исчезает в небе...

И только потом подступают слезы.

Мы просидели с Альтаром без сна всю ночь. Какой уж тут сон?

Мало разговаривали, просто сидели рядом, погрузившись каждый в свои мысли. Пустота внутри. И даже страшно начать хоть немного думать о будущем, потому что тогда придется думать о том, что теперь на месте падения огненных глыб. Для того, чтобы понять что делать, нужно осознать что произошло.

— Ты ведь знал? — сказала я.

Альтар глянул на меня, долго сидел неподвижно, потом кивнул.

— И ничего не сделал? — сказала я. Все это не укладывалось в голове.

Он сморщился устало.

— Я ничего не мог сделать с этим, Тиаль. С самого рождения на мне лежит блокирующее заклинание, которое не дает причинить вред кому-либо из истинных диких ринай. Как бы я ни ненавидел Гхаро, как бы ни хотел убить его, я ничего не могу сделать. Для этого мне нужен был Эйх. Как я мог помешать? Да и в подробности меня никто не посвящал, я понимал, что готовится, но, честно говоря, думал, что впереди еще много времени, что я успею найти мать, а потом... Не знаю...

— А если бы мог? Если бы никакое заклятье не мешало тебе?

Альтар пожал плечами, выглядел немного растерянно.

— Не знаю, — сказал он. — Но после того, что произошло сегодня, я бы попытался отомстить.

— Попытаешься? Или только мог бы попытаться сделать это?

Он усмехнулся моей настойчивости.

— Попытаюсь, — сказал твердо. — Как только найду способ, я сделаю это.

Я разглядывала его. Даже не столько разглядывала, сколько приглядывалась к переплетению магии в нем. Слишком глубоко, слишком старые блоки, и, самое главное — незнакомые мне. Это ринайская магия, безусловно, но мне не распутать такое. Я могла бы попробовать, но боюсь только навредить.

— Думаешь, заклинание можно снять? — спросила я.

Он ухмыльнулся.

— Ты уже пытаешься разобраться? Тут своя специфика, Тиаль, родовая магия, закрытая, тебе с таким не справиться. Даже не потому,

что тебе не хватит сил, но это немного другое, не такое, как ты привыкла. Я думал, мать может найти способ снять.

Его мать сестра Гхаро, сестра Юшину. Кто, как ни она?

— Но сейчас она слишком далеко, — сказал Альтар. — слишком много времени на это уйдет. Не было бы поздно.

— Но ты ведь... дракон?

Он усмехнулся с такой горечью.

— Я водный дракон, у меня нет крыльев. Ты ведь видела. Здесь, на земле — я бесполезная неуклюжая змея. Огромная, в этом свой плюс, но... реальной силы у меня нет. Своя ирония, знаешь... я могу обернуться драконом просто усилием воли, мне, как Эйху, не нужно никакого волшебного эмоционального пинка. Но мощь не сопоставима. В море я бы мог бы еще потопить корабль, но на суше... думаю, парочка средних магов уложит меня без особых проблем. Как дракон я даже еще более уязвим, чем как человек, мне сложнее использовать магию, все силы уходят на контроль этого тела.

— Ты можешь обернуться усилием воли? — это казалось невероятным.

— Да. Даже сейчас. Это плод долгих тренировок, на самом деле, а не эмоциональный порыв. Ты, возможно, тоже смогла бы, если научить как.

— Драконом?

— Не знаю, что из тебя может получиться, Тиаль, это индивидуально. Да и получится ли. Но этому не научишь за одну ночь.

Да, я понимаю... и все же эта мысль засела в голове.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросила я.

Альтар качнул головой.

— У меня еще есть время подумать до утра, — хмуро ответил он.

Хорошо, пусть так...

— Тот тхариский патруль... — сказала я. — Они говорили, что сайторинцы высадились и могут быть, наверно, где-то поблизости. Я не думаю, что мне стоит ехать к твоей матери, мне нечего делать там. Я попытаюсь найти своих.

— Это разумно, — согласился Альтар.

* * *

Он поехал со мной, и, честно говоря, я была безумно рада. Да, я взрослая девочка и могу за себя постоять, но остаться совсем одной было бы... не то, чтобы страшно, но немного не по себе.

Тем более, что Альтар умел интересную вещь — он хорошо чувствовал потоки силы, любые возмущения, колебания. А много магов Сайторина в одном месте — неизбежно эти колебания создают. Он, конечно, не в силах точно определить где они, но мог уловить направление. А это уже было не мало.

Очень надеюсь там сайторинцы, а не тхаи и не дикие ринай. Потому что отсюда не узнать. Впрочем, если мы подъедем ближе, возможно, сможем понять это раньше, чем они заметят нас.

Мы отправились на рассвете и ехали весь день, остановившись лишь ненадолго, чтобы перекусить.

И вечером, уже в темноте...

— Они совсем рядом, — сказал Альтар. — Может быть, еще часа два. И это ринай точно, но я не могу определить сайторинские или дикие. Думаю, нам лучше остановиться здесь и утром подъехать ближе. Надеюсь, они сами не заметят нас, я попробую прикрыть.

Я не могла уснуть, даже притом, что ночь до этого совсем не спала. Непокойно было. Устала страшно, голова раскалывалась, но сон никак не шел.

Одиноко было. Я уже и отвыкла так. Последние ночи Эйх всегда был рядом, я засыпала, прижавшись к нему, греясь его теплом, его дыхание успокаивало... А сейчас его нет, и я не знаю что с ним, увижу ли когда-нибудь снова. Мысли не давали покоя.

Я лежала, закутавшись в плащ, смотрела на звезды. И только ближе к утру начала засыпать...

— Эй! Кто вы такие?! — чей-то голос сквозь сон. Требовательный, хриплый.

Мне даже показалось — это снится, я не сразу открыла глаза, не сразу поверила.

— Кто вы такие, я спрашиваю?!

— Я Альтар... хм, с островов. А это леди Тиаль Найрах.

Голос Альтара заставил меня проснуться окончательно. Я села, сон как рукой сняло.

Несколько всадников перед нами.

Сайтоинцы, без всяких сомнений.

Я готова была расплакаться от радости.

— Леди Найрах? — с сомнением произнес человек, переглянувшись с остальными, прыгнул с лошади.

— Да, — я поднялась на ноги перед ним.

То, что я сайторинка, видно сразу, без всяких сомнений.

— Как вы оказались здесь?

Не знаю, стоит ли рассказывать все или поступить, как Эйх.

— Я была частью дани, которую платит Сайторин. Но наш корабль разбился в море о скалы, во время шторма. Мне удалось спастись. Это Альтар. Я встретила его на одном из островов, он помог мне добраться...

— Почему отправились сюда, а не в Северный Сайторин?

— У нас была лишь лодка, мы отправились туда, куда могли добраться.

— Почему не до Илаты?

Хотят знать, что я делаю здесь? Пожалуй, самое лучшее, что я могу сейчас — это заплакать. Одинокая беспомощная девушка — они не будут слишком строги ко мне, не станут задавать слишком много вопросов. А если станут, то от них, пожалуй, стоит держаться подальше.

Я шмыгнула носом. Потом еще раз.

— Я не знаю, где я, — почти всхлипнула, глядя этому человеку в глаза. — Мы пытались спрашивать, но тхайрисцы напали на нас. Вы ведь из Сайторина, да? Вы сможете мне помочь?

Пустить слезу я не смогу, это слишком, но, надеюсь, обойдемся и так.

— А этот Альтар? С какого он острова?

— Кеон, — ответил Альтар за меня. — Из небольшой рыбацкой деревушки.

— Ты наполовину тхай?

— Я сайторинец, — сказал он. — Меня вырастил дядя, а отца я никогда не видел. Мне говорили, он был моряком с тхариского корабля.

Они там усмехнулись чему-то своему. Забавно, это почти правда, даже про отца — кто знает, что ему могли говорить в детстве.

— Может, отвести их к лорду Найраху, — сказал один из тех, что стояли сзади. — Он разберется.

Меня едва не подбросило от этих слов.

— Мой отец здесь?! — вскрикнула я. — Отведите меня к нему! Пожалуйста! Я... Почему же вы молчали!

И вот тут из глаз брызнули самые настоящие слезы.

* * *

Лагерь еще спал.

Нас провели мимо часовых, вглубь, к высокому шатру.

У меня сердце колотилось. Сейчас я должна буду рассказать отцу все, ему я не стану врать про разбившийся корабль, про то, как я чудом спаслась. Если уж отцу я не могу довериться, то кому тогда?

Рассказать ему все про Эйха... Про Альтара? Понять, на чьей он стороне.

На чьей стороне я? Если Сайторин с дикими ринай заодно... нет, дело даже не в диких. Если огненные скалы в небе, летящие на Тхарис — дело рук Сайторина, смогу ли я быть с ними заодно? Что мне делать, если это так?

— Подождите здесь, — сказали мне.

Мы с Альтаром остались около шатра ждать. Должно быть, отец еще спал в такой час.

— Ты расскажешь ему все? — тихо спросил Альтар. — Расскажешь кто я?

— Ты хочешь, чтобы я молчала?

Альтар вздохнул, покачал головой.

— Не знаю, — сказал он. — Я тоже не знаю, как будет правильно. Не знаю, какую сторону он примет.

— Я расскажу. Я не могу врать ему...

Альтар кивнул.

Мы стояли, но...

Не знаю, чего я ждала. Наверно того, что отец выскочит, обнимет меня... такой еще заспанный, лохматый и неодетый, потому что он захочет видеть меня как можно скорее.

И только прождав больше десяти минут, я поняла, что просто давно не была дома. Отец никогда не станет выскакивать не одетым, не станет перед всеми показывать своих чувств.

Когда мне сказали: «Вы можете войти», я была уже готова. Только я одна, Альтару придется подождать.

Отец ждал меня, аккуратно застегнутый на все пуговички, словно давно готовился к приему гостей.

Мне даже показалось — он успел постареть за это время. Или это просто неясный утренний свет делал его таким.

— Тиаль? — сказал он. — Мне сказали, что ты погибла.

Глухо и тихо.

— Я жива, — так же тихо сказала я, и что-то все внутри сжалось. Словно отец не рад. — На нас напали пираты, убили всех и потопили корабль, но мне удалось сбежать от них.

— Моим людям ты сказала, что корабль разбился о скалы. Ты соврала?

Я сжала зубы. Ком встал в горле...

Подошла ближе, заглядывая ему в лицо.

Чего я ждала? Отец ведь всегда был таким. Эмоции — это не его... Я отвыкла.

«Я жива, папа! Я ведь жива! Что еще может иметь значение?! Я напугана, растеряна, я не знаю, что сказать...»

— Я не знала, кто эти люди и можно ли им доверять, — сказала я твердо. — Тебе я могу сказать правду. Все, что случилось.

«Обними меня...»

— Хорошо, — сказал он, — расскажи. Присядь.

Я рассказала все. О том, как Маро поехал за нами, о том, как на нас напали в горах, про огонь, такой же огонь... Про то, как на нас напали в море — все подробно, как блокировали магию и я ничего не могла сделать, про то, как Эйх сражался огненным мечом. Про диких ринай, которые увели нас к себе. Про то, как они поступили с нами... Про Эйха, про то, что они хотели от него. Про кольцо, которое мне пришлось отдать.

Отец кивнул только. Он слушал очень внимательно, молча, лишь иногда задавая мелкие уточняющие вопросы, но не вмешиваясь, никак не комментируя то, что слышит.

Мне пришлось рассказать про Альтара. Да, я рассказала все, что знала о нем, о том, что его отец — старый император Ксаро. О том, как он помог мне выбраться с острова. О том, как обернулся морским змеем.

Об Эйхе... О нем мне было говорить тяжелее всего. Но я начала и теперь не могла уже промолчать. О том, как он защищал меня в дороге, как всегда был рядом, как помогал. Как только благодаря ему я смогла спастись с острова. Как с него были сняты все заклинания и теперь он свободен.

— Так он жив?

— Да, — сказала я. — Вернее, сейчас я не знаю, что с ним. Он полетел мстить.

— Полетел?

Я вдруг подумала — только бы отец не был связан с этим. Эйх говорил, сайторинцы замешаны тоже. Не только дикие, но и многие сайторинские лорды... Только бы не отец... я не знаю, как мне быть тогда.

— Он обернулся драконом, — сказала я. — После того, как... Вы же тут видели этот огонь в небе?

Сейчас он скажет. У меня сердце колотилось... Но я подумала, если Эйх полетел не сюда, значит катапульты, возможно, не их рук дело. Возможно, дикие или кто-то еще... отец не имеет к этому отношение.

Он долго хмуρο молчал.

— Да, мы видели, — сказал, наконец.

И все.

У меня сил не хватало ждать ответ.

— Что это значит?! — почти вскрикнула я. — Этот огонь... Ты ведь знаешь!

— Знаю, — согласился он. — Многие в Сайторине недовольны правлением тхайского императора, многие считали, что этому правлению давно пора положить конец. Они пытались привлечь меня на свою сторону, но ты знаешь, я никогда не поддерживал новую войну. Поэтому подробностей я не знал. Только о том, что такие разработки велись, о пробных запусках, но гораздо меньшей мощности и дальности, вроде той катапульты, которая уничтожила мост в горах.

Думаю, из-за моего несогласия и отказа поддержать это, устроили так, что выбор пал на наш дом, и ты должна была отправиться к императору. О том, какой удар готовится на самом деле, я узнал уже после того, как страж увез тебя. Ничего нельзя было сделать. И если бы я попытался тебя вернуть, это поставило бы под угрозу все. Мне обещали — тебя выведут из игры раньше, чем все это начнется, ты не пострадаешь.

— На острова?

— Да, на острова, в безопасное место.

— Но ты все равно здесь...

Отец чуть заметно, криво ухмыльнулся.

— Остаться в стороне, значило бы потерять контроль окончательно. Как бы там ни было, война уже началась и это не остановить. Я не мог остаться дома.

— Они уничтожили Тхарис.

— Не Тхарис, только Цитадель. Тхарис слишком велик. Решили устроить хортинское поле сразу, с первого удара. Одним ударом решить исход. Да, вероятно многие тхайские лорды успели покинуть Цитадель, но вряд ли им теперь есть, что противопоставить нашей силе, так же как нам нечего было противопоставить Дракону-императору. Возможно, и лучше решить так, разом, чем затягивать войну на долгие годы. За годы — погибло бы не меньше.

— Как ты можешь... — шепнула я.

— Это уже случилось, Тиаль. Что бы я ни думал по этому поводу, это уже свершилось. Можно лишь принять, как есть. И решить, как поступить дальше.

— А Эйх?

— Кавьяр? Ты ведь знаешь, тхаи иногда оборачиваются чудовищами. Но это не длится долго и серьезной угрозы не представляет. Эмоциональная вспышка — вспышкой и остается. Разовый мощный выплеск силы, но потом... все это сходит на нет, иногда даже убивает мага, вытягивая из него силы до капли. Для того, чтобы удержать, нужен хороший контроль, а... это сложно для тхаев, вся их магия противоречит этому. Я не знаю, что ты видела, но, боюсь, это уже ничего не изменит. Единственный, кому удалось по-настоящему, это Хакато, но и то, это стоило ему жизни.

— Он не умрет, — тихо сказала я.

Отец посмотрел на меня так странно... думаю, он отлично понимал мои чувства.

— Я рад, что ты теперь здесь, со мной, — сказал он. — Все будет хорошо.

Вздыхнул. И все же, подошел, чуть неловко обнял меня за плечи. Эмоции никогда не были его сильной стороной, не помню, чтобы он когда-то открыто показывал то, что чувствует.

— Я волновался за тебя, Ти.

И я всхлипнула, уткнулась ему в плечо.

— Ну что ты, Ти? — кажется, его смущали мои слезы. — Не плачь, все хорошо. Ну что ты... не сейчас...

Да, вдруг кто-то увидит. Я ведь не просто дочь лорда Найраха, я его наследница. Я не имею права на слабость. Это одновременно заставляло собраться и... причиняло боль.

— Не плачь, Ти.

Да, я сейчас...

После меня, отец долго говорил с Альтаром.

Мне приготовили ванну, чистую одежду, я смогла, наконец, нормально помыться. Потом поесть — наконец-то хорошая горячая еда. Наконец-то можно отдохнуть и расслабиться.

Но расслабиться не выходило, я даже примерно не понимала, как будет дальше. Вернее, понимала, но смириться с этим не могла.

Отец сказал, мы ждем известий из Тхариса. Они должны предложить переговоры, должны обсудить условия. У них некому сражаться. Даже если лорды, наделенные силой, еще остались, им нечего противопоставить такой мощи. Они сдадутся.

Иначе Юшину готов ударить снова.

Да, Юшину уже провозгласил себя императором.

И почему-то мне кажется, не только у Тхариса, но и у Сайторина нет ни единого шанса помешать ему. Мы платили дань Хакато, теперь будет платить Юшину, только под видом налогов, но разницы никакой. Он уничтожит тхаев, всех подчистую... не только наделенных силой, но и любых, имеющих хоть каплю тхайской крови. Целый народ. Да, отец подтвердил, Юшину уже говорил об этом. Пока мало кто воспринимал это всерьез, просто тхаев как врагов, готовых

сопротивляться, ведь кому нужны крестьяне... Но я видела достаточно, чтобы понимать — он готов уничтожить всех.

А потом примется за нас. Потому что мы недостаточно истинные. Мы уже давно не такие, как они, а значит, тоже не имеем права.

То, что сейчас сайторинцы сражаются вместе с дикими ринай — ничего не значит, это временно, пока есть общий враг.

Мне было страшно, на самом деле. Так не должно быть. Нельзя допустить...

Но что я могу?

Альтар никогда не признает власть Юшину, никогда не подчинится. А это значит, его могут убить. Не то, чтобы я испытываю к Альтару какие-то чувства, но... я уж точно не желаю ему зла. Он ведь не успокоится. И вряд ли все удастся тихо замять.

Отец пока позволяет Альтару остаться, но как долго это продлится? Вряд ли он захочет пойти на открытое столкновение с новым императором. Даже сейчас — к Альтару приставлены вооруженные люди, присматривают за ним... вот только вряд ли они смогут его остановить. И вряд ли отец не понимает это. С Альтара, формально, взято слово, что он не покинет территорию лагеря, но сам Альтар не скрывает того, что как только что-то станет известно, он уедет.

У меня голова шла кругом.

Я одновременно надеялась, что отец не станет поддерживать Юшину. И боялась, что отказавшись поддержать, отец сам может пострадать.

Не понимала, как правильно.

25.

Крылья

Весь вечер Альтар объяснял мне, как обернуться какой-нибудь тварью. Для таких, как я, эмоционального всплеска не надо, а надо только сделать все правильно, сосредоточиться и идти до конца.

Это была непривычная магия, почти чужая, хотя что-то знакомое я уловить могла. Но в Сайторине никогда не делали ничего подобного,

меня не учили раньше.

Я пыталась все запомнить и осознать. На самом деле, магия всегда давалась неплохо, но тут словно упиралась в стену. Изменения собственного тела пугали меня, и стоило хоть что-то почувствовать, инстинкты сами давали отбой. Дело даже не в боли, хотя без боли тоже не обойтись... Альтар говорил, со временем тело привыкнет, и ощущения сгладятся, останется лишь легкий дискомфорт в момент превращения. Но сейчас буквально разрывало кожу и выворачивало суставы.

Но даже если боль не брать в расчет — сознание плыло, и это пугало больше всего. Альтар говорил, это нормально, как только трансформация закончится, все придет в норму.

Я не могла преодолеть это. Стоило дойти до черты, и все срывалось.

Но может, и к лучшему. Не могу представить, что было бы, обернись я драконом среди отцовского лагеря. Как минимум, я напугала бы людей. Как максимум... хуже всего, что после такого мне уже не удастся жить спокойно, мое умение попытались бы использовать. И кто знает еще, в чьих интересах.

Сейчас для меня важнее всего освоить технику, запомнить последовательность и все правильные действия. Пробовать на практике будем потом.

День прошел спокойно и тихо.

Я рано отправилась спать, очень устала, да и две ночи подряд нормально не спала.

Мне поставили отдельный шатер, чтобы бы мне было удобно. О, боги! Как же давно я не спала в чистой постели! Конечно, походный лагерь это не уютная спальня дома, но после долгих ночей под открытым небом, было невероятно! Так хорошо, что казалось — теперь все обязательно наладится.

Но около полуночи меня разбудили крики. Что-то происходило. Не в самом лагере, но где-то далеко, так, что отсюда можно было только наблюдать. «Смотри, смотри!» — слышала я. «Вон там, в небе!»

Я мгновенно вскочила на ноги.

Первой мыслью было — огненная гора летит на нас!

Второй — там дракон. Они видят дракона. И тогда... это Эйх? Возможно ли это? Но, судя по крикам...

Я быстро оделась, выскочила.

Несколько человек, чуть впереди, смотрели в небо, показывая друг другу руками.

— Что случилось? — я подбежала к ним.

— Там что-то было в небе, миледи! Словно огонек летел... а потом вспыхнул и погас. И, кажется, упал.

— Где?

— Во-он там, — показали мне. — Рен думает, это был дракон.

Я даже вздрогнула от такого.

— Почему?

— Мне показалось, он махал крыльями... вот так... — этот Рен даже махнул пару раз. — А потом... Он погас.

— Не брешь! Отсюда крылья не увидеть!

— Тиаль! — отец шел к нам. — Ты видела это?

— Нет, — сказала я. — Услышала шум и крики, выбежала, но уже ничего не было. А ты видел?

Он покачал головой.

— Я не видел. Пока мы не поймем, что это, тебе лучше оставаться у себя. Иди спать. Я поставлю охрану, они сразу разбудят и предупредят тебя, если что-то случится.

— А если это дракон?

— Ты предлагаешь спастись или готовиться к бою? Иди спать.

Отец хотел спроводить меня подальше.

— Если это Эйх?! — попыталась я. — Если он ищет меня?

— Тиаль! — в голосе отца звенела холодная сталь. — Тебе следует помнить, что у нас с Тхарисом идет война. А Кавьяр — тхай. Что бы там ни произошло раньше, но теперь ты вернулась домой, и он твой враг. Вы по разные стороны. Так всегда было, но теперь война по-настоящему. Иди к себе.

Спорить бесполезно, тем более, что сейчас это ни к чему не приведет. Может быть, я Эйха вообще никогда не увижу, и что толку доказывать тогда...

Я услышу, если снова появится что-нибудь.

Ушла.

Но уснуть так и не смогла больше.

Лежала и постоянно прислушивалась к редким голосам снаружи. Все пыталась хоть что-то уловить... но ничего.

Отец отправил людей на разведку, но они пока не вернулись. Это ведь далеко. Можно ли что-то найти ночью.

Чуть задремала только ближе к рассвету. А лишь встало солнце, утренний шум просыпающегося лагеря разбудил меня. Я дернулась было, но нет... просто обычные утренние звуки, ничего не случилось.

К обеду вернулся наш отряд.

Сказали, что неподалеку нашли выжженное поле, словно что-то упало с неба, вспыхнуло. Но ничего нет и никаких следов. В смысле, человеческих следов. Следы магии были, но путались, никто из разведчиков не смог отследить. Пытались, но не смогли, для этого нужны куда большие способности.

Сейчас так отчетливо вставала проблема магии. Сильных магов почти не осталось после прошлой войны. И здесь в лагере — может быть, парочка действительно одаренных. Во всем Сайторине — еще десяток, может полтора. Даже во главе домов не всегда стояли люди с сильным даром.

На стороне Тхариса — не лучше.

И только боги знают, сколько сильных магов на стороне диких ринай.

Я видела, как отца беспокоило все это, он не понимал, чего можно ждать.

Но к вечеру он пришел сам.

Эйх Кавьяр к воротам лагеря. В какой-то бесформенной одежде с чужого плеча, босиком, с черной копотью в отросших рыжих волосах.

Его появление вызвало смятение, едва ли не панику.

Конечно, часовые не сразу поняли, кто перед ними, решили сначала, что какой-то оборванец. И когда Кавьяр потребовал провести его к лорду Найраху, над ним посмеялись, сказали, что это точно никак не возможно.

Тогда он потер ладони, расплавил плечи... и за его плечами вспыхнули огненные крылья. Конечно, это были не крылья дракона, просто всполохи огня, но впечатление на часовых произвело. Они попятились, едва не кинусь бежать. И спорить уже не смели.

Я видела, как его вели к центру лагеря, какая поднялась суета.

Отец вышел... и я тоже...

Я стояла в стороне, не понимая, могу ли подойти, уместно ли будет. Он теперь враг? Но сейчас он сам пришел поговорить. Кто знает, что ему нужно от моего отца...

— Тиаль, иди к себе! — резко бросил отец, и сам вышел гостю на встречу.

И вот тут Эйх увидел меня.

Я шагнула к нему, и он вдруг сам рванулся ко мне на встречу. Обнял, прямо сходу сгреб в объятия. Ему было все равно, что на нас смотрят. Все равно, что подумают. Он был рад мне, просто искренне рад, а остальное не важно.

— Ти, как ты? Прости, что бросил тебя, но я... прости...

Он гладил меня по волосам, я обнимала его, уткнувшись носом в его грудь. Да, мне тоже все равно, что подумают о нас, обо мне.

Шмыгнула носом, только прижалась крепче.

— Что ты здесь делаешь? — шепотом спросила я.

Он коснулся губами моих волос.

— Пришел договориться с твоим отцом. С Сайторином. Либо мы будем заодно, либо дикие уничтожат нас всех. Не бойся. Ладно, Ти... я ведь по делу.

Он мягко отстранил меня, взял за плечи. Улыбался мне, чуть неуверенно, словно не понимая, имеет ли право улыбаться сейчас.

Вдруг так остро захотелось сказать, чтобы больше никогда не оставлял меня. Но как такое сказать? Пока все это не закончится — сложно давать такие обещания. А когда закончится — еще неизвестно, что будет.

Вдруг поняла, что больше не представляю своей жизни без него. Не хочу представлять. Он мне нужен, он самый близкий и родной человек. И никто и никогда мне не был нужен так сильно, как он.

«Не уходи...»

— Все будет хорошо, Ти.

Он ушел обсуждать важные дела с отцом, и Альтар ушел вместе с ними.

А я сбежала. Очень быстро ушла к себе, испугавшись косых взглядов и лишних вопросов. Потому что взгляды были. И без Эйха

рядом я уже не так уверена, что мне все равно...

Эйх решил договориться с Сайторином от лица Тхариса, должно быть. Если согласится отец, многие поддержат его. Объединиться против общего врага. Но этот враг, я боюсь, слишком силен, с ним не справиться... Или Эйх знает больше? У него ведь должен быть план, иначе бы он не пришел сюда.

Эйх уверен, что у него получится, а значит, буду верить и я.

Удивительно, как наши жизни оказались связаны. Та случайная встреча много лет назад — Эйх спас мне жизнь, почти заплатив своей, отдал мне кольцо... Жаль, что кольцо уже не вернуть. И даже не потому, что в нем сильная магия, а потому, что оно много значило для меня.

Потому что Эйх для меня многое значит. Я плохо осознавала это, пока мы были вместе, мне было хорошо с ним, да и только. Но сейчас я поняла, что могу его потерять. Даже не потому, что с ним что-то случится. А просто наши пути могут разойтись... по разные стороны.

Я не могу допустить этого.

Мы с ним вместе. Не важно кто он и кто я, важно лишь то, что мы вместе. Мне он не враг.

Они обсуждали что-то до глубокой ночи. Я выглядывала несколько раз — у отца горел свет. Ждала. Я ведь тоже имею право знать. Ходила кругами, не находила себе места, вся извелась.

Эйх заглянул ко мне далеко за полночь.

— Еще не спишь? — тихо спросил он.

Подошел, обнял. Вид у него был усталый, но вполне довольный. Они договорились о чем-то? Наверняка договорились, раз он так спокойно пришел сюда. Врага бы ко мне не пустили.

— Не могла уснуть, пока не узнаю, что там решили, — сказала я.

— Завтра мы отправляемся в Таберу, — сказал Эйх, заглядывая мне в глаза,

— Мы?

— Втроем. Ты тоже.

Что-то тут не так?

— Я? Отец отпускает меня? Как? Мы поедem, да? И Альтар?

— Кроме тебя некому, — сказал он. — У нас нет времени, Ти. Мы должны лететь. Альтар сказал, у тебя почти получается раскрыть

крылья, нужно лишь немного подтолкнуть. У Альтара крыльев нет, кто-то должен понести его, но я не могу, в моей магии слишком много огня, его сожжет. Так что придется тебе.

Он смотрел на меня, чуть поджав губы, ожидая, как я отнесусь к этому.

Да он с ума сошел? Я не смогу так! Я должна обернуться... Кем? И понести Альтара в горы?

— Нет, я не могу... — шепнула растеряно.

— Сможешь, — сказал он. — Я бы не обратился с этим к тебе, если бы у нас были другие варианты. Мы должны как можно быстрее собрать всех, кто хоть как-то в силах помочь. Иначе будет поздно. Катапульти я сжег, но дикие ринай уже высадились в Тхарисе. Мы должны помешать им, пока еще хоть что-то осталось. Нельзя позволить разделить нас и истребить поодиночке. Они не остановятся ни перед чем.

— И мой отец согласился?

— Он разумный человек и понимает, что новый враг может быть куда опасней старого. И чтобы справиться, нам нужно объединиться. Это вопрос не победы, это вопрос выживания. Друг с другом мы договоримся, Сайторин с Тхарисом, мы и так столько лет живем рядом. А с ними — нет.

— Эйх, я...

У меня мысли путались.

— У тебя все получится, Ти, — он поцеловал меня в лоб. — Но давай оставим это до завтра. Сейчас нужно отдохнуть. Нужны силы...

Он все еще обнимал меня. Его губы коснулись моего виска, потом шеи за ухом... и моего плеча. Он расстегнул, словно невзначай, пуговку на моей сорочке...

— Что ты делаешь?

— Ты не хочешь? — он удивился. — Если не хочешь, я не буду...

Но вместо того, чтобы остановиться, расстегнул еще одну.

Хочу. И все же...

— Здесь?

Его лицо слишком близко, и я скорее почувствовала, чем увидела, как он улыбнулся.

— Предлагаешь спрятаться за кустики?

Мне стало смешно вдруг. Ну что я, в самом деле? Просто когда отец рядом, я не могу отделаться от мысли, что вдруг... Но ведь я уже большая девочка. Эйх однажды забрал меня из родительского дома, так что я сама решаю теперь. После того, как я обнимала его при всех, вряд ли кто-то в этом лагере не догадывается о наших отношениях. Мы не дети, чтобы прятаться.

И еще — у меня все получится.

— Не надо за кустики, — в ответ улыбнулась я. — Только, давай, погасим лампу... иди ко мне...

* * *

Я не верила до последнего.

Мы вышли в поле. Подальше от лагеря, от лишних глаз. Втроем.

— У тебя получится, — сказал Эйх уверенно. — Когда много магии вокруг, всплески активности, то сделать что-то смой — намного проще. Возмущенные энергетические потоки легче поддаются новому воздействию. Во время войны, когда магия кипит вокруг, всегда проще ударить в полную силу, чем в спокойное время.

Он сказал, ему самому больше не нужно сильных эмоциональных всплесков, чтобы превратиться в дракона. Да, если сделать это спокойно, то такой силы не получить. Но просто для полета — вполне достаточно. И мне для полета хватит.

Я видела, Альтара это задевало, он старался не подавать вида, но зависть кипела внутри. Он тоже хотел летать. Но сейчас должен оставаться только человеком. Он должен признать, что сейчас во многом зависит от нас... а ведь он всегда хотел большего.

Возможно, его мать сможет чем-то помочь. Главное, чтобы мы нашли ее.

— Снимай одежду, Ти, — сказал Эйх, и сам начал раздеваться. — Так будет проще.

При трансформации одежду все равно порвет, так что он прав. Да и смущаться некого. Не его, точно. И Альтар уже давно, еще в той пещере, мог разглядеть меня во всех подробностях. Это только магия, это для дела. Смущение не уместно. И все равно, не в пещере, а здесь,

на свету, посреди поля, неудержимо тянуло прикрыться хоть чем-нибудь.

— Я ведь никогда не делала этого...

— Сейчас сделаешь, — Альтар улыбнулся. — Все данные у тебя есть, я видел, как ты все делала правильно, не хватало лишь последнего шага. Просто не останавливайся. Сделаешь один раз, и потом будет легко.

Легко сказать.

Они оба смотрели на меня, ждали.

Вернее, Эйх ждал, а Альтар, как и на наших тренировках — подсказывал, что делать сейчас. Нужно пройти этот путь до конца, один раз, и потом будет проще.

Ладно. Сейчас.

Я закрыла глаза. Не волноваться, не думать ни о чем постороннем. Я смогу.

Очень старалась. Сосредоточиться, сделать все, как надо, подготовиться, закрыть глаза...

Я чувствовала жжение во всем теле... так и должно быть. Мне нужно было лишь шагнуть дальше. Чувствовала, как руки начинают вытягиваться и суставы выкручивает до боли... Я...

Я очень старалась.

— Расслабься, — тихо сказал Альтар рядом со мной. — Ты очень напряжена.

— Не могу.

— Можешь, — уверенно сказал он. — Процесс запускается, значит, ты все делаешь правильно. Нужно лишь последнее усилие воли.

Вот этого мне как раз и не хватало.

Да, я напряжена. Но сейчас уже ничего не могу сделать. У меня нет права ошибиться, сделать не так. Я должна... И от этого просто сводило дрожью, упиралось в глухую стену. Я чувствовала эту стену, и как только доходило до нее — все. Ломалось.

— Не волнуйся, Ти.

Легко говорить. Но когда они оба смотрят на меня и ждут.

И снова. Сначала тепло собирается внутри, начинает покалывать пальцы, потом огонь растекается по всему телу, я чувствую, как что-то во мне меняется и сознание немного плывет... вот тут я еще могу удержаться на грани. Потом боль в пояснице и звон в ушах, и кажется,

все суставы начинает выкручивать, и меня словно разрывает, бросает в сторону... дыхание перехватывает, не хватает воздуха, я пытаюсь сделать судорожный вдох, но словно нет легких, один огонь внутри... невыносимо кружится голова, и... нужно сделать еще один шаг, но где-то тут срывается в очередной раз. Я не могу. Не в силах пробить эту стену.

— Успокой, все хорошо, — говорит Эйх. Подходит, обнимает меня. — Отдышись и попробуй еще раз.

Я кусаю губы.

Нет. Я не справлюсь. С чего он взял, что у меня может получиться? Только потому, что он хочет этого? Что ему надо? Я не могу!

Но все равно пробую снова.

И снова все доходит до той последней точки и срывается. Резко, со звоном, так, что темнеет в глазах. Я чуть не падаю.

— Ти?

— Я не могу.

— Можешь, — говорит он чуть жестче, берет меня за плечи. — Ты должна это сделать. Кроме тебя некому. Посмотри на меня. Нам нужна Эниса. Нужна ее сила и власть, она ведь старшая сестра Юшину. Нужна сейчас, если ехать — будет слишком долго, слишком поздно. Без нее нам не победить. Нужно, чтобы она сняла блок с Альтара — кроме нее никто не сможет. Нельзя пустить диких на нашу землю, ты ведь видела из вблизи, ты понимаешь, — он облизал губы, подбирая слова. — Ти, ты ведь здесь, чтобы защитить свою сестру, помнишь? Сделай это для нее. Иначе никто уже не сможет гарантировать ей безопасность... и даже жизнь. Потому что твой отец на нашей стороне. А Айни там одна.

Я вздрогнула, даже сердце замерло на мгновение. Если дикие решат отомстить, я просто не успею помешать им. Айни...

Кивнула. Сейчас попробую еще раз.

Я честно старалась. Очень, изо всех сил, как только могла. Наверно только сейчас действительно поняла, для чего эмоциональная вспышка нужна. Когда ярость переполняет тебя — ты просто забываешь про все непрошибаемые стены и делаешь невозможное. Одним ударом.

Но я уперлась вновь. Намертво.

И вдруг разрыдалась. Я не могу. Не понимаю, что делать... не могу.

— Я не могу, Эйх! — всхлипнула громко. — Не могу! Ты не понимаешь! У меня нет сил на это! Не получится. Хватит!

Он долго смотрел, молча и хмуро, словно какое-то непростое решение принимал. Стоял и смотрел. Я уже готова была пожалеть о своих словах, попробовать еще... и еще, если потребуется.

— Хорошо, сказал вдруг. Тогда я полечу один и поговорю с ней сам. Возвращайся к отцу.

Спокойно и холодно. Потеряв надежду. Разочаровавшись во мне?

Потом развернулся спиной и пошел, потом побежал прочь. И где-то на бегу, подпрыгнув, вдруг вспыхнул! Еще мгновение, и в небо поднимался дракон. Не оборачиваясь, не глядя на нас.

— Нет! — закричала я. — Нет, Эйх! Подожди! Нет!

Мне вдруг стало так страшно. Неужели это все? И сейчас он улетит, и я его потеряю? Нет-нет-нет! Я побежала за ним, крича, все еще надеясь остановить его, вернуть. Он даже не оборачивался. Все выше, все дальше... еще немного, и он станет крошечной точкой у горизонта и все... Все закончится.

Как же так?

Нет.

Так, хватит... главное не паниковать.

Это мой последний шанс.

Я закрыла глаза. Сосредоточилась. Если не сейчас, то уже никогда, будет поздно, не нужно. Как я вернусь в лагерь? Что я буду делать? А если он прав и нам всем грозит страшная опасность, если я не успею, если не принесу Альтара туда.

Не важно, дело не в Альтаре.

Что будет, если я Эйха навсегда потеряю?

Я делала все быстро, зажмурившись, чувствуя, как по телу разливается тепло, как что-то меняется, и я словно проваливаюсь в бездну, земля уходит из-под ног, я падаю... Но вместо этого я срываюсь с места и бегу, все так же зажмурившись, сжав зубы до хруста. Головокружение подкатывает тошнотой... еще немного... В какой-то момент мне кажется — я сейчас умру, меня разорвет на части. А когда становится совсем невмоготу, последним усилием, я прыгаю...

и что-то происходит. Я еще плохо соображаю, но вдруг чувствую, что земли под ногами действительно нет.

— Тиаль! Возьми меня! — кричит Альтар.

26.

Табера

Ветер треплет перышки.

Это обалдеть какое удивительное чувство! Полет!

Огненный дракон делает кувырок на лету. Мне кажется, он смеется, и я сама смеюсь.

Я огромная грозовая птица! И я лечу! Ветер подхватывает мои крылья. Это так потрясающе, что невозможно поверить!

Альтар сидит у меня спине, прижавшись, обхватив шею, сжав ногами. Вряд ли он боится, просто старается удержаться, когда я делаю очередной вираж. А у меня от радости кружит голову. Я и не думала, что такое возможно.

Мы летим вместе!

На самом деле, лететь целый день — испытание не из легких. У меня все болит, кружится голова, но я прекрасно понимаю, что если опущусь на землю, то вряд ли, отдохнув, смогу взлететь снова. Не хватит магии, не хватит сил, того порыва не хватит, в конце концов.

И тогда придется идти пешком.

Но время дорого.

Когда мы добрались до места, уже в темноте, мне казалось — я просто умру.

Замок, люди в панике разбегаются, кто-то готовит оружие, но защищаться от дракона им нечем. Это скорее небольшое поселение, чем настоящая военная крепость, стены есть, но сражений тут никогда не было.

Сейчас все решится.

* * *

Эйх входит первым. Я за ним, а Альтар в последний момент... я даже не знаю, страх ли это, смущение или что-то еще. Каким бы равнодушным Альтар ни был, но сейчас чувства переполняют его. Он увидит мать впервые в жизни.

— Леди Эниса, добрый вечер, — говорит Эйх. — Прошу прощение за поздний визит, но, боюсь, у нас нет времени ждать до утра.

Высокая стройная женщина, которой издалека не дашь больше двадцати, но лицо, глаза, все же выдают возраст... впрочем, на свой возраст она все равно не выглядит. Легкая, гибкая, такая изящная, какой мне никогда не быть. Истинная ринай. И все же, она куда больше похожа на человека, чем островные. Говорят, мы можем меняться со временем, становиться похожими на тех, с кем живем рядом.

Леди Эниса, старшая сестра самопровозглашенного императора Юшину, смотрит на нас удивленно и насторожено.

— Кто вы? — тихо говорит она.

— Вы не узнаете меня? — Эйх мягко улыбается.

Она всматривается, и вдруг что-то меняется в ее лице.

— Эйх?

Наверно, в это сложно поверить. Она помнит его каменным чудовищем, и вряд ли ожидает увидеть таким.

Он кивает.

Она почти всхлипывает, радостно и с облегчением, и делает шаг к нему, обнимает, гладит волосы, трогает его лицо.

— Мой мальчик! — говорит она. — С тебя сняли заклятие!

Он улыбается.

Я слышу, как сердито сопит Альтар у меня за спиной.

— Леди Эниса, я привел вам... одного человека, — и все же легкое волнение в голосе Эйха. — Думаю, вы будете рады увидеть его. Альтар, — делает ему знак.

Альтар выходит вперед.

Стоит, мнется неуверенно, только бешеным огнем сверкают глаза. Несмотря на все амбиции и планы — сейчас он просто мальчишка. Это слишком личное. Все долгие годы неизвестности и сомнений наваливаются разом.

— Альтар? — шепотом говорит Эниса. — Ты ведь... — и голос срывается.

Он молчит, стоит напряженно вытянувшись, только до хруста стиснув пальцы.

— Я... — пытается он. — Я искал тебя... Гхаро говорил, что ты погибла, но я...

Он не может собраться, слова путаются, чувства переполняют его.

Эниса подходит, касается его плеча, проводит пальцами... и осторожно касается его щеки, словно не может поверить. Ее губы дрожат, она хочет сказать что-то. Всматривается.

— Я думала, они убили тебя, — в ее голосе отчаянно дрожат слезы, подступают к глазам.

— Мама, — шепотом, едва слышно говорит Альтар.

Она вдруг громко всхлипывает, обнимает его.

— Пойдем, — тихо говорит мне Эйх. — Думаю, им надо побыть вдвоем. Они разберутся.

* * *

Отин, комендант этой маленькой крепости, накормил нас ужином. Рассказал, что император Хакато был здесь несколько дней назад, но уехал, вроде бы вернулся в Цитадель.

Если все так, император, скорее всего, погиб. Вряд ли он мог уцелеть там.

Остался ли хоть кто-то, кто готов отвечать за происходящее в Тхарисе. Кто готов взять командование на себя, защищать? Одни разбежались, другие погибли. Конечно, всегда найдутся те, кто захочет занять это место, когда все успокоится, но сейчас — слишком опасно. Если Цитадель разрушена, то у Тхариса больше нет боеспособной армии... если только ее не отвели куда-то подальше. Но, судя по всему, не успели. И без императора — это уже не имеет никакого смысла. Какая армия может сражаться против летящих огненных скал, выжигающих землю на многие мили вокруг?

Тхариса больше нет.

Но Эйх не готов мириться с этим. Он будет сражаться. И мой отец готов поддержать его. И я буду сражаться вместе с ним.

Если все пойдет, как планировалось, завтра мы полетим вчетвером. У Энисы тоже есть крылья. Эйх сказал — это она когда-то научила Хакато, он смог победить под Хортой только благодаря ей. Все уверены — это тхайская магия, но это не так. Альтар прав, нет никакой разницы, нет ринайской или тхайской. Есть лишь разный подход...

Теперь мы попробуем снова.

Мне очень страшно, да. Я никогда еще не была в настоящем бою. Это не мелкие стычки с разбойниками, не драка на корабле. Все будет серьезно. И против нас — лучшие ринайские маги. Я не знаю, смогу ли я хоть что-то, не окажусь ли беспомощна. Но я точно знаю, что не могу остаться в стороне.

Но если мы не сделаем этого, то все равно не сможем жить спокойно.

И все же, от усталости, тепла и сытной еды меня неудержимо клонило в сон. Я бы так и заснула в обеденном зале, наплевав на все приличия, если бы Эйх не подхватил меня и не унес в кровать.

Завтра будет длинный день.

27.

Последний рывок

Эниса стояла у окна, сложив на груди руки, задумчиво глядя куда-то в горизонт. Горы исчезали в туманной дымке. Здесь такая тишина и покой, что даже не верится...

— Ты предлагаешь мне начать войну против своих, Эйх

— Я предлагаю закончить войну сейчас, леди Эниса.

— Предлагаешь пойти против своего брата?

— А разве не он первый отрекся от вас?

Она горько усмехнулась.

— Все не так просто.

— Политика — это всегда непросто, — сказал он. — Но если не остановить, то погибнут люди.

— Думаешь, после всего, что уже случилось, возможен мир?

— Сейчас — нет. Пока Юшину жив, мир не возможен.

— Предлагаешь мне убить своего брата?

— Нет. Предлагаю выбрать, на чьей вы стороне: вашего брата или вашего сына. Один из них умрет в любом случае. Один останется. Вопрос лишь в том, кого готовы поддержать вы. Победителя?

— Не говори так.

— Тогда решайте.

Она покачала головой.

— Ты слишком многого хочешь.

— Кто-то должен задать вам эти вопросы, леди Эниса. Лучше сейчас задам я, чем потом придется решать по воле случая. И сожалеть. У вас в руках огромная сила, если вы захотите, чаши весов качнутся на вашу сторону. На островах вас считают мертвой, но если вы вернетесь, то многие пойдут за вами.

— Из тебя вышел бы хороший политик, Эйх. Может быть, еще выйдет.

Он хотел было что-то ответить, но поджал губы, отвернулся.

— А Хакато? — спросил тихо. — Вы знаете, что с ним?

— Я больше не чувствую его, — сказала Эниса. — Я отдала ему столько сил, нас так многое связывало, что последнее время я отчетливо чувствовала все: его состояние, его настроение. А сейчас ничего. Словно пустота. Думаю, он мертв. Ты хочешь занять его место?

Эйх шумно втянул воздух.

— Я хочу защитить Тхарис.

— Но я не тхариска, — сказала она. — Не забывай. Как бы там ни было, но не заставляй меня сейчас идти против своего народа.

— Я предлагаю выступить против Юшину, но не против ринай. Возможно, наши интересы совпадают. Я хочу мира, леди Эниса.

* * *

Она согласилась.

Сказала потом, что как только увидела нас, сразу поняла, что ей придется сделать и что выбрать. Но признать это было тяжело. Страшно. Ей давно уже не приходилось принимать таких решений.

Эниса — огромный белый дракон.

Альтар чем-то похож на нее, но у Альтара нет крыльев, а у Энисы есть. Она понесет его на своей спине. Да, ночью Эниса освободила сына от всех блоков и заклинаний, теперь он может принимать решение сам и сам выбирать против кого сражаться. Своими руками. Своими зубами и когтями, если уж быть точной. И он жаждет мести. Думаю то, что он рассказал матери, повлияло на нее решение не меньше, чем слова Эйха. Личный мотив.

Если повезет, обойдется малой кровью.

Если повезет — больше никаких выжженных полей.

Перед тем, как лететь, Эйх долго стоял, обняв меня. Я чувствовала, как ему тяжело.

— Если б я мог, я бы не пустил тебя туда, — сказал он, — заставил бы остаться здесь, в безопасности. Но боюсь, без тебя нам не справиться. Мне хотелось бы верить, что вместе с Энисой нам удастся все решить без крови. Но не очень рассчитываю на это. Придется драться. Разница лишь в том, скольким придется умереть ради победы, — он покачал головой. — Если захочешь остаться, ты можешь остаться. Здесь тебя никто не тронет. Но... ты нам нужна.

Как я могу остаться? Бросить его сейчас?

Мы делали остановку в пути, отдыхали ночь. Добраться до места и совсем выбиться из сил — было бы глупо.

Дикие островные ринай уже высадились на берег, встали лагерем.

Альтар хотел напасть сразу, внезапно, давняя ненависть переполняла его. Надо признать, на волне этой ненависти он обернулся таким гигантский чудовищем, что даже без крыльев, без драконьего огня, мог одним ударом хвоста уничтожить небольшой отряд.

Но внезапности не выйдет, охранные сигнальные заклинания все равно дадут знать.

Они отправились вдвоем, Альтар — в облике гигантского змея, чтобы всем продемонстрировать силу, и Эниса — в человеческом облике, чтобы каждый, кто еще помнит, мог ее узнать. Мы с Эйхом остались чуть позади, но не слишком далеко, чтобы успеть прийти на помощь при необходимости.

Для начала они попытаются договориться, перетянуть на свою сторону. Всех не перетянуть, и Юшину, без всяких сомнений, никакие

переговоры не нужны, но если удастся хоть часть ринай склонить, то это очень поможет нам.

Не знаю, какой мир возможен с теми, кто отправил огненные горы на беззащитных людей... Нельзя винить всех за решение, которое принял Юшину и его соратники. Эйх свою ненависть выплеснуть уже успел, когда сжег катапульты и всех, кто отвечал за это. Теперь он готов был обсудить спокойно. Он говорил — возможно, это наш единственный шанс.

Альтар горел мстью, но Эниса старше и мудрее...

Не знаю, что происходило там. Но когда белый дракон взмыл в небо — мы решили, что пора.

— Давай, Ти! — Эйх сжал мою руку.

* * *

Выжженные поля.

Ты летишь и летишь над ними, и это не заканчивается.

Да, это очень больно, но я была там, должна была увидеть собственными глазами. Мы отправились вместе с Эйхом.

Выжженная земля на много миль вокруг.

И разрывается сердце.

На том месте, где когда-то стоял дворец Цитадели, сейчас глубокая воронка, которую по кругу огибает русло реки. Здесь не осталось ничего, даже сама земля спеклась от жара, став черным стеклом. Еще очень долго здесь не смогут ни жить люди, ни даже расти трава.

От города у стен крепости не осталось ничего.

Лишь дальше, за холмами, руины сгоревших домов. И дальше... То, что не уничтожено взрывной волной — сгорело в пожарах.

Вернувшись, Эйх сутки ни с кем не разговаривал, ему нужно было это пережить.

Эниса была здесь вчера... и я знаю, она потом плакала всю ночь. На это невозможно смотреть спокойно. Если представить, как все это разом...

Но теперь все будет иначе. Мне очень хотелось верить в это.

Нам удалось договориться и найти компромисс.

Да, с того момента, как Эниса шарахнула в Юшину драконьим огнем, договориться стало намного проще. Эниса сильнее. И у нее с братом свои счеты. Но ей нужна не власть, ей нужно другое. Столько лет в Тхарисе, давняя любовь к императору Ксаро... Хакато, который был для нее почти сыном — все это изменило взгляд на мир.

Победителя в этой войне не будет.

Тихо разойтись не выйдет тоже.

Потом были две недели переговоров в Илате. Это изматывало, но это давало шанс. И больше месяца, чтобы собрать людей, все утрясти...

Императора больше не будет. Не найдется такого человека, который устроил бы всех. Коалиционное правительство и представители трех сторон: Эниса от островных ринай, Эйх от Тхариса и мой отец, лорд Найрах, от Сайторина.

28.

Все, что потом

Я видела, как Эйх пробирается за кустами. Смешно, как мальчишка.

И совсем не видит, как с другой стороны дорожки в нашем саду, от замка, идет Айни.

Но я не буду портить ему охоту, сделаю вид, что занята разглядыванием рыбок в пруду и не замечаю никого.

Айни приехала вчера вечером, еще не успела встретиться с Эйхом. У него очередные переговоры до глубокой ночи с представителями тхайских провинций. Это выматывает. И его, и меня тоже. Меня раз за разом приглашают рассказать, как все было, но я успеваю рассказать и уйти, а он остается. Он занят делами, а я жду. Жене лорда-правителя надо уметь ждать.

Нет, я пока не жена, но наша свадьба назначена через месяц. Слишком торопиться не стоит, но затягивать тоже. Кроме всего

прочего — это хороший политический ход, укрепление союза. Меня все же выдают замуж по политическим соображениям, смешно... Дочь одного лорда-правителя станет женой другого, Тхайрис и Сайторин. Это символично.

Я так устала от политики. Хватит.

Кстати, чуть больше недели назад я видела Маро. Он приезжал вместе с островными ринай и... не знаю, нам удалось перекинуться парой слов, он возвращается домой. Поздравил меня, с затаенной обидой, спросил, не собираюсь ли я сбежать и от этого жениха тоже. Не собираюсь. Что ж, по крайней мере, ничего страшного с Маро не случилось.

Все хорошо.

Айни махнула мне рукой, я ей кивнула. Она шла ко мне... Интересно, кто успеет первым — Эйх или Айни?

— Ти! — Айни позвала меня.

Эйх за кустами замер, затаился, выглядывая.

Я помахала сестре рукой. Радостно обняться и поплакать друг у друга на плече мы успели еще вчера.

— Мне сказали, что ты здесь, — Айни подошла, улыбаясь как-то загадочно, села рядом.

У нее новости для меня? Интересно, а еще одну мою новость она заметит? Вчера не заметила, но вчера было не до того. Обычным людям не разглядеть, конечно, но для ринай это должно быть очевидно.

— Я кормила рыбок.

Цветные карпы в прудике огромные и вечно голодные, поглядывали на нас из воды.

— Значит, ты теперь будешь жить здесь? — сказала Айни. И что-то такое... я прямо чувствовала, как у нее там есть какая-то новость, и распирает от желания рассказать.

— Наверно, — сказала я. — Первое время точно, а там будет видно, как Эйх решит.

Приехав сюда, Айни уже знала, что я выхожу замуж за Кавьяра, что он, хоть и незаконный, но сын старого тхайского императора, что он — то самое каменное чудовище, что приезжало к нам, которое пыталось ее увезти. И все разумные доводы оказывались бессильными против пережитого тогда ужаса.

— Но он ведь теперь похож на человека, да? — она спрашивала уже не первый раз и все никак не могла поверить.

Я слышала, как Эйх фыркнул в кустах.

— Похож, — согласилась я, улыбнулась.

— Он не обижает тебя?

Что-то не давало ей покоя.

— Айни, ты ведь уже спрашивала, — я покосилась на кусты. — Что-то случилось?

— Нет! — Айни покачала головой и вдруг покраснела. — Ой, я не знаю... но...

— Айни?

— Я не знаю, пока еще ничего... — она чуть замялась, так, словно чувствовала себя неловко передо мной. — Сегодня утром... — она облизала губы, собираясь с силами, — он приходил к отцу, и, кажется... просил моей руки... он такой...

Она мечтательно улыбалась, смущено.

«Он»? Эйх? Айни ведь о нем? Да что это... Нет...

— Что? — переспросила я. — Твоей руки?

— Он такой красивый... о-ох, — Айни залилась краской окончательно. — Когда я увидела его... Ти... я влюбилась!

Что? Я ведь что-то неправильно понимаю, да? Эйх не может.

— Эйх? — я повернулась к кустам, обращаясь к нему.

— Альтар! — отозвался он, с треском вылез из-за кустов. — Альтар хочет просить руки твоей сестры.

Айни даже подпрыгнула от неожиданности, она ведь даже не подозревала. Вскрикнула. Чуть не бросилась бежать.

— Тихо, все хорошо, — я поймала ее за руку, выдохнув, и как-то даже от облегчения в глазах потемнело. Как я могла такое подумать?

— Кто это? — Айни испуганно смотрела на него.

— Вечно ты ее пугаешь, чудовище, — усмехнулась я. — Айни, это Эйх Кавьяр.

Айни смотрела на него во все глаза, недоверчиво.

— Похож я на человека? — спросил Эйх, широко ухмыляясь, повернулся одним боком, потом другим.

Я пихнула его.

— Подслушивал!

— Я не специально, Ти! Просто подошел одновременно с ней и не хотел мешать. Айни, я снова напугал тебя?

Ее слегка передернуло, но, все же, вежливую улыбку она выдавить смогла. И чуть расслабилась. Теперь разглядывала его почти потрясенно.

— Это действительно вы... да? Там, тогда... вы приехали за мной?

Согласна, сейчас в это невозможно поверить. За те почти два месяца, как с него сняли заклятие, Эйх изменился невероятно. И даже не просто волосы отросли. Жизнь брала свое. И если вначале он выглядел как угловатый тощий подросток, то теперь... Взрослый мужчина. Мне кажется, он даже выше стал, и уж точно раздался в плечах, такой огромный, сильный. Настоящий огненный дракон! В зеленых глазах озорные искорки.

Я видела, как простые привычные вещи, о которых обычно и не задумываешься, доставляли ему радость, словно он пытался взять от жизни все, чего так долго был лишен. С каким нескрываемым удовольствием Эйх мог потянуться с утра, вылезая из постели, с каким удовольствием мог нырнуть в теплую ванну, пробовать разные угощения, вдыхать аромат цветов в саду... как он обнимал меня, не упуская ни одного удобного случая...

— Ти расколдовала меня, — и сейчас сгреб в охапку, поглядывая на Айни.

— Ох, — сказала она. — Простите.

Смутилась.

— Наш союз становится все более семейным, — Эйх осторожно погладил мой живот кончиками пальцев. — Надеюсь, это пойдет на пользу.

Айни собиралась что-то сказать, но ее взгляд зацепился за это движение. Она даже чуть нахмурилась, глядя на пальцы Эйха... вернее не на них, на мой живот. Конечно, ничего еще не видно, но любой ринай может почувствовать огонек новой жизни.

— Ти! — Айни смотрела на меня, на Эйха, словно не могла в такое поверить. — Ты... ты что, ждешь ребенка?

Я улыбнулась.

— По крайней мере, с наследником мы успеем первые, — едва слышно шепнул Эйх мне на ухо, прижался щекой к моему виску.

Знаю, какие разговоры ходили — еще один мертвый на троне. Жизнь Хакато поддерживала ринайская магия это все знали, кто-то говорил, что и с Эйхом все то же самое. Но у мертвых не может быть детей.

— Да, — сказала я. — Мы с Эйхом.

КОНЕЦ